

М

Международная ассоциация содействия правосудию
International Union of Assistance of Justice

Бюллетень
Международной
ассоциации
содействия правосудию
2013 № 1 (7)

Научное издание

С

П

Уголовный процесс
Криминалистика
Оперативно-розыскная деятельность
Судебная власть
Прокурорский надзор
Организация правоохранительной деятельности

Бюллетень МАСП
2012 № 1 (6)

Редакционная коллегия:
проф. В. М. Бозров
проф. Л. М. Володина
проф. А. П. Гуськова
проф. А. А. Давлетов
проф. Л. Я. Драпкин
Л. А. Зашляпин
доц. К. Б. Калиновский
проф. А. В. Кудрявцева
проф. З. В. Макарова
проф. А. В. Смирнов
проф. И. Н. Сорокотягин
проф. С. Я. Ялышев

Председатель редколлегии
Л. Я. Драпкин, д-р юрид. наук,
проф. кафедры криминалистики УрГЮА,
заслуженный деятель науки РФ,
почетный работник прокуратуры РФ,
член Международной ассоциации
содействия правосудию

Редактор-координатор
Л. А. Зашляпин, канд. юрид. наук,
член Международной ассоциации
содействия правосудию
leonid.zashlyapin@gmail.com
+79602893792

Выпускающий менеджер
Т. Г. Мусина
8-904-9898353
vip-ural@yandex.ru

Редактор *Н. Н. Степанова*
Оригинал-макет *Л. А. Хухаревой*

Подписано в печать 28.11.2013.
Формат 70 × 100/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,05.
Гарнитура Academy.
Тираж 400 экз. Заказ _____.

Отпечатано в ООО «АграфЕк»
620075 г. Екатеринбург,
ул. К. Либкнехта, 23 б, оф. 204

Издание инициировано в 2009 г.
уральскими членами МАСП,
осуществлено авторами
на собственные средства.
Бюллетень распространяется авторами

Издание бюллетеня осуществлено
при поддержке сайта <http://iuaj.net>
(Международная ассоциация содействия
правосудию, Санкт-Петербург)

Точки зрения, представленные в статьях,
являются научными позициями авторов
(их мнением) и могут не совпадать
с точками зрения членов
редакционной коллегии, председателя
редколлегии, редактора-координатора

Копирование и распространение бюллетеня
и статей бюллетеня в любой форме
запрещается. Публикация статей иными
изданиями может осуществляться
только в соответствии с полномочиями,
полученными от авторов статей и составителя,
в порядке, установленном
гражданским законодательством

© МАСП, 2013

Содержание

[От редколлегии] 5

Материалы круглого стола «Конституция РФ и современная криминалистика»

<i>Аминев Ф. Г.</i> Проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации	6
<i>Боровских Р. Н.</i> Прагматизм как ключевое направление совершенствования науки криминалистики	10
<i>Быданцев Н. А.</i> К вопросу о правовой природе графика ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела	14
<i>Волынский А. Ф.</i> Роль общественного прогресса в развитии криминалистики	18
<i>Гармаев Ю. П.</i> Мультимедийные криминалистические и межотраслевые средства противодействия преступности: перспективы разработки и внедрения	24
<i>Енгальчев В. Ф., Пискунова Е. В.</i> Новые технологии визуальной фиксации следов преступления: криминалистические и психологические аспекты	33
<i>Защляпин Л. А.</i> Конституция и криминалистика: эволюционные и корреляционные точки	40
<i>Зеленский В. Д.</i> Механизм целеопределения в расследовании	51
<i>Карепанов Н. В.</i> Конституционные основы криминалистической тактики по делам экономической направленности	55
<i>Корма В. Д., Образцов В. А.</i> О криминалистической трактовке понятия технологии	58
<i>Косарев С. Ю.</i> Проблемы расследования и определения подсудности уголовных дел о преступлениях с альтернативными действиями	63

<i>Мазунин Я. М.</i> Роль криминалистической методики в повышении эффективности судебного производства ..	68
<i>Моисеева Т. Ф.</i> Конституционные принципы в судебно-экспертной деятельности	77
<i>Серова Е. Б.</i> Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса и его роль в защите конституционных прав граждан в сфере уголовного судопроизводства	80
<i>Хорошева А. Е.</i> О концепции состязательной криминалистики (на основе практики разбирательства дел о преступлениях против жизни)	87
<i>Центров Е. Е.</i> Конституция РФ и некоторые аспекты интеграции и дифференциации криминалистики и уголовного процесса	94
<i>Чебуренков А. А.</i> Проблемы обеспечения законности применения тактических средств расследования преступлений (в свете конституционного требования о допустимости доказательств)	100

*Материалы индивидуальных исследований
(статьи свободной тематики)*

<i>Вдовин А. Н.</i> Отдельные аспекты участия государственного обвинителя в предварительном слушании по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия	104
<i>Ринчиндоржиев Е. В.</i> Преодоление противодействия при обысках в делах о незаконном обороте наркотиков	107

Уважаемые коллеги!

Представляем вам очередной номер «Бюллетеня Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП)». В этот раз он подготовлен в сотрудничестве с Северо-Западным филиалом Российской академии правосудия. Как и ранее, содержание журнала оригинально, включает в себя раздел о коллективном исследовании одной темы и раздел об исследованиях индивидуальной тематики. Именно такое формирование структуры журнала позволяет всем представителям нашего научного сообщества реализовать свободу научного творчества (ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации), представить результаты собственных исследований для публичного рассмотрения.

Основу настоящего номера журнала составляют материалы круглого стола «Конституция Российской Федерации и современная криминалистика» (Санкт-Петербург, 20 декабря 2013 г.). Приурочив издание Бюллетеня МАСП к 20-летию юбилею Основного закона России, участники круглого стола подняли очень принципиальные для современной криминалистики вопросы. Надеемся, что опубликованные в журнале статьи будут объектом научного внимания ученых различных специализаций.

Данный проект МАСП завершает текущий год, поэтому поздравляем всех членов МАСП и коллег с Новым 2014 годом! Уверены, что все научное сообщество, объединяющее и представителей наук о судебной власти, криминалистике, уголовном процессе, оперативно-розыскной деятельности, прокурорском надзоре обладает мощным потенциалом и способно решать задачи идущего в стране реформирования системы правоохранительных органов и процедурных правил их деятельности. Пусть предстоящий год будет для вас успешным!

Желаем каждому из вас и вашим близким здоровья и счастья в 2014 году!

Л. Я. Драпкин, Л. А. Защляпин

Материалы круглого стола «Конституция РФ и современная криминалистика»

Ф. Г. Аминев

Проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации

УДК 340.69 В статье раскрываются проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности и пути их решения. Выделены основные положения проекта нового Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности», даны предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: судебная экспертиза, законодательство, эксперт, сертификат компетентности судебного эксперта, научно-методическое обеспечение, Палата судебных экспертов, судопроизводство

Аминев Фарит Гизарович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры правового обеспечения
оперативно-служебной деятельности
Уфимского филиала Северо-Западного
института повышения квалификации ФСКН
России, доцент кафедры криминалистики
Института права Башкирского
государственного университета, директор
Уфимского центра судебных экспертиз
faminev@mail.ru

Ухудшение криминогенной ситуации в нашей стране, повышение уровня организованности, вооруженности, технической оснащенности, интеллектуализации преступности требуют повышения уровня судебно-экспертного обеспечения уголовного, гражданского, арбитражного судопроизводства в целях соблюдения конституционных норм по защите прав и свобод граждан. Одним из направлений в деле реализации этих требований является совершенствование правового регулирования судебно-экспертной деятельности.

Анализ следственной, судебной и экспертной практики показал, что в нормах Федерального закона от 31 мая 2001 г.

№ 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», Уголовно-процессуального кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и других нормативных правовых актов, в которых имеются положения, регулирующие судебно-экспертную деятельность, имеется множество правовых коллизий и технико-юридических несоответствий, что затрудняет их применения.

Для исправления создавшейся ситуации во исполнение п. 2 перечня поручений Президента РФ от 3 февраля 2012 г. и его указания от 6 декабря 2012 г., данного по результатам доклада Правительства РФ и выполнения поручения, содержащегося в абз. 10 подп. «г» п. 2 Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике», Министерство юстиции России разработало Проект федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Данный законопроект был рассмотрен и одобрен на заседании Правительства РФ 27 июня 2013 г. и 1 июля 2013 г. внесен в Госдуму. Он призван определить правовую основу, принципы судебно-экспертной деятельности в нашей стране, порядок ее осуществления в конституционном, гражданском, административном и уголовном судопроизводстве.

В проекте учтены и исправлены многие замечания, высказанные в адрес и ныне функционирующего Федерального закона ФЗ-73, и предыдущих редакций проекта нового федерального закона. Так, в ст. 1 Проекта появились определения понятий «научно-методическое обеспечение судебной экспертизы», «сертификация компетентности», «сертификат компетентности», «судебный эксперт» и др.

В ст. 5 Проекта раскрыто содержание судебно-экспертной деятельности, в ст. 6 к указанным в ФЗ-73 ее принципам добавлены крайне необходимые: научной обоснованности судебно-экспертных исследований; соблюдения судебными экспертами профес-

сиональной этики. В ст. 13 даны определения государственной и негосударственной судебно-экспертных организаций. В ст. 18 закреплены требования о создании и ведении государственного реестра судебных экспертов, разумно изложены положения о производстве дополнительной, повторной, комиссионной и комплексной судебных экспертиз, о заключении эксперта и его содержании и т. д.

Вместе с тем, в Проекте, по нашему мнению, остается ряд положений, которые нельзя признать всесторонне проработанными, требуют дополнений и корректировки.

1. Общепринято, что в федеральном законе обязательно должно быть представлено определение понятия того вида деятельности, которая легла в основу названия закона. Обоснованным представляется определение Е. Р. Россинской и Е. И. Галяшиной, которые под судебно-экспертной деятельностью в судопроизводстве понимают организационно-методическую деятельность государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, производственную деятельность государственных судебных экспертов, а также иных экспертов из числа сведущих лиц, которые в соответствии с действующим законодательством осуществляют судебно-экспертное исследование объектов экспертизы¹.

По нашему мнению, в ст. 1 рассматриваемого Проекта можно внести следующее определение: «Судебно-экспертная деятельность — научно-методическая и производственная деятельность государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, иных экспертов из числа сведущих лиц, состоящая в производстве судебной экспертизы по поручению уполномоченного лица или органа, ее назначившего».

Это ликвидирует несоответствие закона Конституции РФ, заложенное в прежнем названии ФЗ, а именно: ст. 8 Конституции, которая в ч. 1 гарантирует поддержку конкуренции,

¹ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2011. С. 36.

свободу экономической деятельности, а в ч. 2 закрепляет, что в нашей стране признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Кроме того, напомним, что ч. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ предполагает равенство участников экономических отношений.

2. Необходимо дополнить в ст. 1 Проекта «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» новыми понятиями «компетенция судебного эксперта», «методика судебно-экспертного исследования», «федеральное некоммерческое партнерство «палата судебных экспертов», «экспертно-квалификационная комиссия» и др.

Полагаем, что требуется изменить определение понятия «судебная экспертиза», в котором заложена смысловая ошибка: здесь явно перепутаны понятия «назначение экспертизы» (процессуальное действие) и «судебная экспертиза» (научное исследование материалов дела, вещественных доказательств и фактических данных по делу). Основную идею в определении понятия «судебная экспертиза» заложил еще патриарх отечественной криминалистики Р. С. Белкин: «Судебная экспертиза — родовое понятие исследований, проводимых в соответствии с уголовно-процессуальным, гражданским процессуальным, административным законодательством лицом, обладающим специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле (сведущим лицом), в целях установления обстоятельств (фактически данных), имеющих значение для дела»². Следуя этой идее, требуется исключить из определения понятия «судебная экспертиза» слова «процессуальное действие».

3. Слишком узкое содержание имеет ст. 16 Проекта «Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые эксперту». Из текста следует, что эти требования относятся только к экспертам государственных судебно-экспертных учреждений. Поэто-

му ч. 2 данной статьи нужно дополнить следующим положением: «Должность эксперта в негосударственном судебно-экспертном учреждении может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности с выдачей сертификатов соответствия компетенции эксперта в порядке, установленном нормативными правовыми актами в сфере судебно-экспертной деятельности».

4. Очень важно изменить редакцию ч. 4 ст. 17 «Сертификация компетентности судебного эксперта», представив ее в следующем виде: «Прием квалификационных экзаменов и выдача сертификатов соответствия компетентности судебного эксперта проводятся экспертно-квалификационными комиссиями, формируемыми органами исполнительной власти и федеральным некоммерческим партнерством «Палата судебных экспертов». Порядок и условия выдачи, отказа в выдаче сертификата компетентности судебного эксперта устанавливаются в Системе сертификации, зарегистрированной в Федеральном агентстве по техническому урегулированию и метрологии (Госстандарт России)».

По нашему мнению, для объективной оценки компетентности эксперта целесообразно включать в состав названных комиссий разработчиков средств и методов экспертного исследования, преподавателей профильных кафедр вузов, наиболее авторитетных и опытных экспертов, независимо от форм собственности судебно-экспертных учреждений.

5. В ч. 1 ст. 31 «Организационное и научно-методическое обеспечение деятельности судебно-экспертных организаций (подразделений)» нужно внести такое положение: «Организационное обеспечение деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений осуществляется федеральным некоммерческим партнерством «Палатой судебных экспертов», а ч. 2 дополнить положением: «Научно-методическое обеспечение производства судебных экспертиз, а также

² См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 265.

профессиональная подготовка и повышение квалификации судебных экспертов негосударственных судебно-экспертных организаций возлагаются на федеральное некоммерческое партнерство «Палата судебных экспертов». Саму же ст. 31 требуется дополнить частью 5 следующего содержания: «В целях решения научно-методических проблем судебной экспертизы, включая рецензии, разработку предложений по внедрению новых методик создается Межведомственная комиссия при Правительстве Российской Федерации по проблемам судебной экспертизы с участием федерального некоммерческого партнерства «Палата судебных экспертов».

Необходимость внесения в Проект приведенный положений объясняется тем, что негосударственные судебно-экспертные организации выполняют в настоящее время большой объем работ по производству судебных экспертиз (до 80 % в гражданском судопроизводстве), по разработке новых методов и средств экспертного исследования, зачастую по собственной инициативе и на собственные средства, а также привлекаются для производства особо сложных экспертиз, выполнение которых невозможно в государственных СЭУ (некоторые виды строительно-технических экспертиз, дендрохронологические, психофизиологические экспертизы с использованием полиграфа и т. д.). Поэтому целесообразно, чтобы обучение, повышение квалификации экспертов и их организационное обеспечение производила организация (орган), обладающая авторитетным среди судебных экспертов составом и опытом работы — Палата судебных экспертов.

6. Общеизвестно, что многие виды судебных экспертиз (особенно из класса криминалистических экспертиз) проводятся в соответствии с методиками, утвержденными и представленными в виде паспортов методик. Для так называемых традиционных судебных экспертиз данное положение вполне приемлемо и допустимо. Однако вызывает крайнюю озабоченность содержание ч. 3 ст. 10 Проекта, в которой названное положение распростра-

няется на все экспертизы: «Методические материалы по производству судебной экспертизы применяются, если отвечают принципам законности, требованиям безопасности, научно обоснованы, эффективны, в отношении них проведена валидация и (или) сертификация (курсив наш. — Ф. А.) научно-методического обеспечения судебной экспертизы, порядок проведения которых устанавливается Правительством Российской Федерации».

Представляется, что такой подход может привести к негативным последствиям, так как методы и методики, используемые судебными экспертами (включая экспертов из числа ученых), могут быть взяты из крайне узких, глубоко специфических областей знания, которыми в определенных случаях не обладает ни один член комиссии (органа) по валидации и сертификации методик. И тогда, к сожалению, придется исключать представленное заключение эксперта из системы доказательств по делу? Полагаем, что научно-методические разработки в крайне узких и редких направлениях научного знания следует проверять (сертифицировать) учеными советами подразделений Академии наук или университетов соответствующего профиля.

7. Вносимые предложения по совершенствованию правового регулирования судебно-экспертной деятельности необходимо отработать сначала в одном из федеральных округов России. Полученные результаты при этом позволят скорректировать ряд положений, внести в них изменения и в окончательном варианте внедрить в практику судебно-экспертной деятельности на территории всей Российской Федерации.

Совершенствование законодательства о судебно-экспертной деятельности должно быть направлено не только на аккредитацию судебно-экспертных учреждений и сертификацию экспертов, но и на защиту экспертов, проверку обоснованности их заключений, их дисциплинарной ответственности, т. е. на решение накопившихся проблем в сфере правового обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Прагматизм как ключевое направление совершенствования науки криминалистики

УДК 343.9 В статье рассматриваются вопросы дальнейшего совершенствования методологических основ современной криминалистической науки с позиций необходимости усиления прагматизма криминалистических исследований и формулируемых на их основе рекомендаций. Обосновывается ключевой характер прагматизма как направления перспективного развития науки криминалистики, в том числе в плане криминалистических методик расследования преступлений, раскрывается его содержание.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистические методики расследования преступлений, прагматизм, прикладная криминалистика, криминалистические рекомендации

В последнее время в адрес юридического образования и юридической науки высказываются критические замечания об отставании и образования, и науки от потребностей правоприменительной практики. С сожалением следует признать, что такая критика является во многом обоснованной. Действительно, в образовательном процессе наблюдаются изъяны, связанные с недостаточной прагматичностью обучения, недостаточным вниманием к практической составляющей юридической профессии. Это прямо признают многие наши

Боровских Роман Николаевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики
Новосибирского юридического института
(филиала)
Национального исследовательского
Томского государственного университета
borovskih80@yandex.ru

коллеги, говоря о дидактике не только учебных юридических дисциплин, но и правовой науки в целом: «В России, как и в некоторых других государствах, наблюдается излишняя теоретизированность юридических научных исследований, и практики в этом неоднократно совершенно справедливо упрекали теоретиков. По сути дела, получается, что наука, призванная помогать практическому работнику в его повседневной деятельности, отстраняется от своих обязанностей, и практики вынуждены довольствоваться теми уже давно устаревшими моделями, что у них есть. Можно сказать, что наука существует ради науки»¹.

¹ Вележев С. С. Консолидация теории и практики в решении проблем, связанных с юридической ответственностью и наказанием // Администратор суда. 2011. № 1. С. 7–8.

Отметим, что и в адрес науки криминалистики нередко высказываются подобные замечания за ее излишнюю теоретизированность, оторванность от нужд практики². Многие известные ученые, в том числе А. Ф. Лубин, А. Г. Филиппов, Л. Я. Драпкин, справедливо указывают на некорректность многих таких выпадов. Вместе с тем Л. Я. Драпкин признает, что «не все ладно в нашей науке: бесконечные споры о проблемах криминалистики, следственных (криминалистических) ситуациях, предмете самой криминалистики, ее закономерностях уводят нашу науку от выполнения ее основной функции — обслуживания досудебного и судебного производства. Разумеется, названные выше проблемы очень важны для нашей науки, но обсуждать их до бесконечности, упрямо повторяя одни и те же доводы и не обращая внимания на уроки и выводы мировой науки, невозможно»³.

По этому вопросу обоснованно Ю. П. Гармаев отмечает, что «...криминалисты — преподаватели и ученые, могли и должны были бы взять на себя груз ответственности, составив инновационный потенциал юридического образования, обеспечивая прагматизм, максимальное приближение к нуждам практики не только разработок своей науки, но и всех юридических дисциплин»⁴.

Безусловно, предложения о выходе из сложившейся ситуации формулируются. Так, Н. П. Яблоков, отмечая высокие достижения науки криминалистики в части практического применения разрабатываемых ею

рекомендаций, высказывает целый ряд замечаний, направленных на усиление прикладной составляющей исследований. Например, в отношении криминалистических методик расследования преступлений к одним из важнейших направлений их дальнейшего совершенствования автор считает усиление *их прагматического аспекта* (курсив наш. — Р. Б.)⁵.

Прагматизм (от др.-греч. *πράγμα* — «дело, действие») — философское течение, базирующееся на практике как критерии истины и смысловой значимости⁶. Прагматик — человек, который выстраивает свою систему поступков и взглядов на жизнь в аспекте получения практически полезных результатов.

Думается, что для криминалистики как науки практически полезные результаты состоят в разработке не только научных положений, но и прикладных рекомендаций, максимально широко и эффективно адаптируемых и применяемых как профессиональными участниками уголовного судопроизводства, так и другими лицами, защищающими свои (и не только) права и законные интересы. Практически полезные результаты для криминалистики как учебной дисциплины — это повышение качества подготовки будущих практических работников, повышение интереса студентов и иных обучаемых к данному предмету. В частности, Н. П. Яблоков указывает, что задача криминалистов — активно, постоянно раскрывать, показывать, демонстрировать технический, тактико-технологический арсенал криминалистических разработок по выявлению, изучению и использованию различного рода юридических фактов не только в сфере уголовного судопроизводства, но и в других видах юриди-

² См., например: дискуссию по статье А. С. Александрова «Семь смертных грехов современной криминалистики» (Сайт Международной ассоциации содействия правосудию. URL: <http://www.iaaj.net/node/342>).

³ Драпкин Л. Я. Совсем несмертные грехи профессора А. С. Александрова // Юридическая наука и практика : вестник Нижегород. академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 286—287.

⁴ Гармаев Ю. П. Принцип состязательности и необходимость реформы методики в юридических вузах России // Библиотека криминалиста. 2012. № 1 (2). С. 322.

⁵ Яблоков Н. П. О некоторых проблемах разработки криминалистической методики расследования // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 3 (15). С. 18.

⁶ См., например: Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 2000. С. 952.

ческой деятельности: гражданско-правовой, административной практике и т. д.⁷

Аналогичным образом рассуждает В. Ю. Шепитько: «Средства, приемы и методы криминалистики успешно используются в иных сферах (оперативно-розыскной, судебной, прокурорской, экспертной, адвокатской деятельности) либо позволяют устанавливать факты, лежащие вне уголовно-правовых явлений (использование криминалистических знаний в гражданском, арбитражном (хозяйственном) или административном процессах)»⁸.

Изложенные авторитетные мнения позволяют перейти к анализу содержания прагматизма как ключевого направления совершенствования криминалистики. И первостепенным здесь видится не столько идеологическая поддержка со стороны коллег, а акцент на использование прагматичного подхода в прикладных исследованиях и в процессе внедрения их результатов.

В рамках одной статьи не представляется возможным подробно описать и обосновать все направления усиления прагматического аспекта криминалистики. Поэтому обозначим лишь два таких направления.

Первое. Криминалистические рекомендации должны излагаться по возможности максимально кратким, доступным для широкого круга читателей-юристов языком, с разумным количеством правильно составленных примеров из реальной правоприменительной практики, с применением по возможности большого количества схем, алгоритмов и иных программных, в том числе мультимедийных, средств.

Совершенно прав С. Ю. Косарев, который пишет, что «исследование генезиса част-

ных криминалистических методик убедительно свидетельствует о том, что главным в описании преступной деятельности является решение задачи наиболее удобного и качественного изложения материала в форме, максимально приемлемой и значимой для ее основных потребителей — практических сотрудников правоохранительных органов»⁹.

Второе. Весьма актуальными представляются предложения ряда ученых о включении в различного типа криминалистические разработки (технические, тактические, методические) рекомендаций по правильному составлению процессуальных и иных документов, прежде всего наиболее сложных и важных, например постановления о привлечении в качестве обвиняемого¹⁰.

В сравнительно-правовом аспекте полезным, по мнению Д. С. Хижняка, является опыт разработки и издания в США пособий и руководств по правилам написания следственных и оперативных документов, что в России не всегда практикуется. Эти работы мало похожи на издаваемые у нас справочники следователя и приложения к УПК РФ, в которых приводятся примерные формы бланков для процессуального оформления результатов следственных действий. «В отличие от отечественных изданий... в американских пособиях упор сделан на содержательную сторону протокола и его стилистику. Для примера можно отметить работу известного в США американского криминалиста Л. Е. Холтца “Следственное и оперативное документирование”»¹¹.

Результаты проведенного Д. С. Хижняком анкетирования показали, что 73 % опрошенных работников правоохранительных органов считают нужным следовать

⁷ Яблоков Н. П. Теоретические и практические аспекты применения данных криминалистики в правоприменительной и иной юридической деятельности // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 3(31). С. 23–25.

⁸ Шепитько В. Ю. Криминалистика XXI века: предмет познания, задачи и тенденции в новых условиях // Современное состояние и развитие криминалистики. Харьков, 2012. С. 43.

⁹ Косарев С. Ю. Криминалистические методики расследования преступлений (становление и перспективы развития). СПб., 2005. С. 190.

¹⁰ Там же. С. 223–224.

¹¹ Хижняк Д. С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 82.

американскому образцу и начать выпускать такого рода пособия для следователей и оперативных работников. Кроме того, предлагается обобщать практику по конкретным категориям уголовных дел (убийство, вымогательство, грабеж и т. д.) и создавать сборники, посвященные лучшим образцам российской следственной практики¹².

Разделяя данную точку зрения, и рассматривая ее как обозначающую одно из направлений повышения прагматизма криминалистики, уточним, что следует разрабатывать не просто рекомендации по составлению этих документов. Разработчикам необходимо создавать, апробировать и внедрять специальные образцы документов (возможно, с комментариями), оформляя их как приложения к своим публикациям. При этом большую часть таких образцов можно и нужно выносить за рамки «бумажного» продукта (книг), выкладывая на электронные носители, в том числе в Интернет. Пользователями такового сегодня являются большинство правоприменителей.

Опросы практических работников показывают, что значительное число следователей не обладает надлежащими знаниями и навыками по составлению текстов основных процессуальных документов, прежде всего постановления о привлечении в качестве обвиняемого (далее — обвинение). Например, у следователей органов внутренних дел соответствующие навыки по уголовным делам о причинении вреда здоровью развиты значительно лучше, чем по делам о «страховом» мошенничестве или об иных сложных экономических преступлениях. По таким делам малейшая неточность, ошибка, опечатка в обвинении порой приводят к серьезным негативным последствиям, причем на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Доказательства и иные сведения оцениваются судом только в том случае, если они

подтверждают или опровергают те обстоятельства предмета доказывания, а также объективные и субъективные признаки преступления, которые описаны в обвинении. Если упомянутое не конкретизировано, то даже в случае, когда доказательства в ходе расследования собраны в полном объеме, суд может вынести оправдательный приговор или возвратить уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ¹³.

Есть все основания полагать, что в рамках подготовки учебных и учебно-практических пособий, иных «образовательных» продуктов, а также в рамках преподавания криминалистики¹⁴, повышения квалификации следователей и других правоприменителей следует обучать не только техническим, тактическим и иным «специальным средствам и методам судебного исследования»¹⁵ преступлений (хотя и это очень важно), но и особенностям составления важнейших процессуальных документов по уголовным делам различных категорий. К сожалению, преподаватели вузов, разработчики учебных и прикладных рекомендаций редко обращают на это внимание.

Таким образом, прагматизм как направление перспективного развития криминалистической науки социально обусловлен потребностями современной практики борьбы с преступностью. При этом реализация данного направления позволит сделать важный шаг к модернизации, уточнению парадигм развития не только криминалистики, но и других наук антикриминального цикла.

¹³ Гармаев Ю. П. Проблемы криминалистического и уголовно-правового обеспечения противодействия коррупции // Актуальные вопросы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства. Иркутск, 2010. С. 337–339.

¹⁴ Думается, что в равной степени это касается и уголовного процесса, и иных дисциплин антикриминального цикла.

¹⁵ Согласно определению предмета криминалистики, данному Р. С. Белкиным (см., например: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 7).

¹² Хижняк Д. С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий...

К вопросу о правовой природе графика ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела

УДК 343.132.8 Окончательный этап предварительного расследования нередко осложнен тем, что обвиняемые злоупотребляют правом на ознакомление с материалами уголовного дела, затягивая сроки ознакомления. В практике выработан график ознакомления с материалами дела, предназначенный для фиксации хода и результатов этого следственного действия. Предлагаются для обсуждения предварительные замечания о правовой природе указанного графика.

Ключевые слова: предварительное расследование, процессуальный документ, противодействие злоупотреблению правом, разумный срок уголовного судопроизводства, права обвиняемого, права потерпевшего

В ходе расследования сложных уголовных дел (например, многоэпизодных, с большим количеством обвиняемых, многотомных, нередко сочетающих все эти качества) достаточно часто возникает ситуация, когда обвиняемые намеренно затягивают сроки ознакомления с материалами уголовного дела, что автоматически приводит к продлению сроков следствия, а если к обвиняемому применена мера пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, то и к продлению срока этой меры.

Злоупотребление названным правом обвиняемого может выражаться в намеренном уклонении от ознакомления с материалами уголовного дела, в том числе при видимой «уважительности» причин отказа. В результате такое поведение обвиняемого необоснованно затягиваются процессуальные сроки, чем нарушаются конституционные права потерпевших, предусмотренные ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей судебную защиту их прав, свобод и законных интересов, нарушенных в результате совершенного преступления, а также откладывается на неопределенный срок достижение целей уголовного судопроизводства, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

Быданцев Николай Алексеевич,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного процесса

и криминалистики

Кемеровского государственного университета,

судья Заводского районного суда г. Кемерово

bydancevs@yandex.ru

В следственной практике в целях учета и контроля процессуального времени сложилось обыкновение вести по таким уголовным делам график ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела. В нем фиксируются время начала и окончания ознакомления обвиняемого с конкретным томом уголовного дела (листами в этом томе), что подтверждается подписью обвиняемого, лица, производящего ознакомление. В отношении каждого из обвиняемых ведется индивидуальный график.

Если обвиняемый явно затягивает сроки ознакомления с материалами уголовного дела, то следователь в соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК РФ, вправе возбудить перед судом ходатайство об ограничении обвиняемого в сроках. Данная возможность вытекает из необходимости соблюдения требований ч. 1 ст. 6 Конвенции от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» и ст. 6¹ УПК РФ о разумности сроков уголовного судопроизводства.

Кроме того, такое вынужденное поведение следователя также продиктовано общим требованием о недопущении злоупотреблением правом. Так, цивильному законодательству известна норма (ст. 10 ГК РФ), не допускающая осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Вместе с тем суд при рассмотрении ходатайства следователя об ограничении срока ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела обязан принимать во внимание положения п. «б» ч. 3 ст. 6 указанной Конвенции от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» о том, что каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право на достаточное время и возможности для подготовки своей защиты.

Затягивание сроков ознакомления с материалами уголовного дела может выражаться в следующих действиях:

— замедлении темпа ознакомления с материалами уголовного дела, при том что условия ознакомления, содержание изучаемых материалов, состояние здоровья обвиняемого и т.п. не изменились;

— отказе выходить в следственный кабинет следственного изолятора, мотивированном желанием использовать свое право на прогулку. Это обычно обосновывается п. 134 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (утв. приказом Министерства юстиции РФ от 14 октября 2005 г. № 189), согласно которому в случае, если подозреваемый или обвиняемый участвовал в судебном заседании, следственных действиях или по иной причине в установленное время не смог воспользоваться ежедневной прогулкой, по его письменному заявлению ему предоставляется одна дополнительная прогулка установленной продолжительности. Отметим, что все лица, содержащиеся в СИЗО, знакомятся в обязательном порядке с нормативным документом исправительного учреждения, регламентирующим распорядок дня;

— в неоднократном обращении к уже изученным (нередко одним и тем же) томам уголовного дела.

Подобные обстоятельства, свидетельствующие о явном затягивании обвиняемым сроков ознакомления с материалами уголовного дела, и могут быть установлены при анализе графика.

Правоприменительной практике известны случаи, когда обвиняемый в графике ознакомления отражает не только ту информацию, которая должна содержаться в нем, но и дополнительные сведения. В числе таких сведений:

— мотивировки отказа знакомиться с материалами вообще или на протяжении определенного времени, предоставленного для ознакомления;

— различного рода ходатайства (в том числе о производстве следственных действий, принятии процессуальных решений);

— жалобы на действия или бездействие следователя, иного лица, осуществляющего оз-

накомление (оперативного сотрудника, сотрудника СИЗО); жалобы на шум, малую площадь следственного кабинета, духоту, плохое самочувствие и т. д.;

— отказ от подписания графика и указания сведений о материалах, с которыми ознакомился обвиняемый, по той причине, что график не является процессуальным документом;

— иные отметки, в том числе не относящиеся к существу ознакомления обвиняемым с материалами уголовного дела.

График может также содержать записи следователя, иного лица, осуществляющего ознакомление, о том, что обвиняемый отказался знакомиться с материалами уголовного дела, отказался подписывать график (с указанием причины отказа, если ее называл обвиняемый).

Представляется, что на такой причине отказа от подписания обвиняемым графика, что он не является процессуальным документом, думается, и следует акцентировать внимание.

К слову, понятие «процессуальный документ» в тексте действующего уголовно-процессуального закона встречается лишь дважды. Так, в ч. 4 ст. 154 УПК РФ установлено, что в уголовном деле, выделенном в отдельное производство, должны содержаться подлинники или заверенные следователем или дознавателем копии *процессуальных документов*, имеющих значение для данного уголовного дела; согласно ч. 2 ст. 256 УПК РФ определение или постановление о возвращении уголовного дела прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ, о прекращении уголовного дела, об избрании, изменении или отмене меры пресечения в отношении подсудимого, о судебном разбирательстве в случае, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ, в отсутствие подсудимого, о продлении срока содержания его под стражей, об отводах, о назначении судебной экспертизы выносятся в совещательной комнате и излагается в виде отдельного *процессуального документа*, подписываемого судьей или судьями, если уголовное дело рассматривается судом коллегиально (курсив наш. — Н. Б.).

Отметим также, что УПК РФ в редакции от 4 июня 2003 г., содержал самостоятельную часть 6 «Бланки процессуальных документов». Из содержания ст. 474 и 475 УПК РФ следовало, что процессуальные действия и решения оформляются на бланках процессуальных документов, предусмотренных главой 57 УПК РФ; процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом; в случае отсутствия бланков процессуальных документов, выполненных типографским, электронным или иным способом, они могут быть написаны от руки; при использовании бланка процессуального документа допускаются изменение наименования должности лица, осуществляющего процессуальное действие либо принимающего процессуальное решение, а также внесение в него дополнительных граф, строк, ссылок на статьи УПК РФ, если этого требует содержание процессуального действия или решения и если это не противоречит требованиям УПК РФ; при отсутствии требуемого процессуального документа в перечне бланков процессуальных документов, предусмотренном главой 57 УПК РФ, указанный документ составляется должностным лицом с соблюдением структуры аналогичного бланка и требований УПК РФ, регламентирующих осуществление соответствующего процессуального действия либо принятие соответствующего процессуального решения.

После принятия Федерального закона от 5 июля 2007 г. № 87-ФЗ часть 6 УПК РФ утратила юридическую силу, что усложнило установление сущности понятия «процессуальный документ». Думается, для выявления природы графика ознакомления с материалами уголовного дела необходимо установить, по каким критериям документ определяется как процессуальный.

В соответствии со ст. 1 «Основные понятия» Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» документ — материальный носитель с зафиксированной на нем

в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения. Приведенное определение в совокупности с анализом требований, предъявляемых к протоколу следственного действия (ст. 166 УПК РФ), обвинительному постановлению (ст. 226⁷ УПК РФ), обвинительному акту (ст. 225 УПК РФ), обвинительному заключению (ст. 220 УПК РФ), приговору (гл. 39 УПК РФ), позволяет сделать вывод, что процессуальный документ должен:

- 1) иметь материальное выражение и реквизиты, позволяющие его идентифицировать;
- 2) обладает способностью отражать юридически значимые сведения, т. е. закреплять юридически значимую информацию;
- 3) обладает способностью передавать содержащуюся в нем юридически значимую информацию во времени и в пространстве в целях ее использования и хранения.

Думается, что так как график составляется в результате проведения процессуального действия — ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, то он, будучи рожденным как технический документ, фиксирующий ход этого действия вместе с протоколом ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела (ст. 218 УПК РФ) представляет собой составной процессуальный документ.

В последующем в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела обяза-

тельно должны быть указаны сведения о разрешении ранее заявленных (в том числе отраженных в графике ознакомления) жалоб, заявлений, ходатайств, а также иные данные, предусмотренные ст. 218 УПК РФ.

Все вместе: график ознакомления и протокол ознакомления — это единый составной процессуальный документ, предшествующий составлению обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления), на основе анализа которого прокурор или суд могут принять одно из решений, вытекающих из положений ст. 221, 222, 226, 226⁸, 227, 228, 229, 231, 236 УПК РФ.

Таким образом, график ознакомления, с одной стороны, не являясь уголовно-процессуальным доказательством, с другой — как и доказательство, выступает объектом познания при разрешении вопросов об установлении обвиняемому срока ознакомления с материалами уголовного дела, поскольку именно от закрепленной в графике информации зависит принятие судом законного, обоснованного и мотивированного решения.

Суммируя изложенное, можно сказать, что график представляет собой часть единого с протоколом ознакомления с материалами уголовного дела составного процессуального документа, определяющего дальнейшую судьбу уголовного дела, в том числе возможность рассмотрения его по существу судом с последующим принятием окончательного процессуального решения.

В связи с этим можно рекомендовать следующую его форму:

ГРАФИК

ознакомления обвиняемого _____ с материалами уголовного дела № _____
фио

№ п/п	Дата	Время начала ознакомления	Время окончания ознакомления	№ тома уголовного дела, № страниц	Содержание примечаний, жалоб, заявлений, ходатайств	Подпись обвиняемого (адвоката, если ознакомление происходит в его присутствии)	Подпись лица, производящего ознакомление
1.							

Роль общественного прогресса в развитии криминалистики

УДК 343.98.06 В статье рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при внедрении в практику криминалистических средств, предлагаемых научно-техническим прогрессом для борьбы с преступностью.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая техника, криминалистические учеты

Возникновение и развитие криминалистики как науки, призванной содействовать правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступлений, традиционно связывается с научно-техническим прогрессом (далее — НТП), с достижениями, прежде всего естественных и технических наук. На их основе на рубеже XIX—XX вв. была открыта «криминалистическая тайна» дактилоскопии; создана приметоописательная система человека; сформулированы основы криминалистической идентификации; разработаны приемы опознавательной фотосъемки и фотосъемки места происшествия; сформирована научно обоснованная методика исследования выцветших документов, позволившая «увидеть невидимое». С этих научно-технических разработок и внедрения их результатов в следственную практику и начиналась криминалистическая техника, которой, по меткому замечанию Р. С. Белкина, обязана своим рождением криминалистика. Впрочем, и дальнейшее развитие этой науки, в том числе тактики, методики в качестве ее самостоятельных разделов, во многом предопределялось достижениями в области криминалистической техники. Объяснение тому более чем очевидное.

Все естественные и технические науки, достижения которых лежат в основе криминалистической техники, в отличие от гуманитарных наук, чьи успехи обуславливают возможности развития криминалистической тактики и соответственно методики, развиваются более динамично и с закономерно проявляющимся ускорением. Их влияние на криминалистическую технику в ее поступательном развитии без труда можно проследить на протяжении одного поколения криминалистов.

Волинский Александр Фомич,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

Буквально революционные изменения криминалистической техники и ее возможностей происходят в последнее время, по мере освоения ею компьютерной техники и современных информационных технологий. Можно с уверенностью прогнозировать, что в недалеком будущем добрая половина преступлений будет раскрываться, образно говоря, нажатием кнопки. Однако готово ли к этому наше общество с его правосознанием, уровнем правовой культуры и степенью криминализации, наконец, насколько им осознана необходимость в использовании современных достижений НТП для обеспечения своей безопасности от нарастающих угроз преступности?

В свою очередь такие гуманитарные отрасли научного знания, как философия, социология, логика, психология, педагогика и им подобные, достижения которых нужны криминалистике для совершенствования своих рекомендаций по тактике и методике раскрытия и расследования преступлений, объективно весьма консервативны, впрочем, как и человек — по своей природе, по психологии и логике восприятия окружающей среды, по мотивации своих действий. В этом отношении человек практически не изменяется во времени, модифицируются лишь способы и средства его действий. Раньше он защищал себя и свое жилище или, наоборот, шел убивать и грабить соседа, держа в руках, например, каменный топор, а сегодня использует при этом современное оружие, скоростные средства передвижения, мобильную связь и т. п.

Таким образом, достижения НТП несут обществу блага, а вместе с тем представляют реальную угрозу его безопасности и самому его существованию. В этом диалектически проявляющемся противостоянии добра и зла в развитии НТП и использовании его достижений обществом граница возможного и допустимого определяется с позиций и под влиянием общественного прогресса, причем общество только по факту осознает реальную опасность преступности и очень медленно привыкает к мысли о необходимости исполь-

зовать в борьбе с ней современные достижения науки и техники. Образно говоря, оно действует по методу пожарных.

Здесь уместно заметить, что в энциклопедической, философской, социологической литературе, в соответствующих словарях и справочниках определение общественного прогресса отсутствует. Обычно под ним понимается система таких его составляющих, как идеология, политика, форма государственного правления, экономика, право, наука, литература, искусство, религия, обычай, традиции и т. п. Все составляющие общественного прогресса в своем развитии и во влиянии на происходящие в обществе процессы тесно взаимосвязаны. Политика — концентрированное выражение экономики; экономика — результат реализации возможностей НТП; НТП — процесс и результат развития науки и техники, освоения их достижений обществом; право — выраженная в законе политика, и т. д., и т. п.

С позиции общественного прогресса объясняется тот факт, что общедоступные достижения НТП в одном и том же историческом промежутке времени используются в разных странах с различным успехом. Классическими в этом отношении стали примеры, когда по идеологическим соображениям в СССР критиковалась «лжегенетика», отвергались «лжекибернетика» и другие отрасли научного знания. Разумеется, в 80-е гг. прошлого века «лжекибернетику» в нашей стране уже никто не разоблачал, но уровень развития компьютерной техники оказался настолько низок, что пропагандистам господствовавшей в то время идеологии оставалось только одно — критиковать ее использование в борьбе с преступностью в капиталистических странах. Под огнем такой критики оказались прежде всего современные информационные технологии, применение которых в борьбе с преступностью характеризовалось не иначе как «электронная диктатура», «компьютерная слежка» и т. п.¹ Кто-то может ска-

¹ См., например: Батурин Ю. М. Право и политика в компьютерном круге. М., 1987. С. 71–85.

зять, что это уже прошлое и зачем об этом вспоминать. Верно, прошлое, но оно настолько основательно «засело» в нашем общественном сознании, что реально влияет на настоящее и во многом предопределяет будущее.

С позиций общественного прогресса проявляются следующие важные для оценки современного состояния криминалистики и перспектив ее развития закономерности:

— чем ниже уровень социально-экономического развития общества, тем более оно криминализовано, тем в большей мере оно нуждается в использовании современных достижений науки и техники в борьбе с преступностью, однако тем меньше у него для этого возможностей;

— чем ниже уровень правовой культуры, правосознания и законопослушания граждан, тем более преступно общество, тем серьезнее, а в лице отдельных его членов — воинственнее отрицается все новое и действенное в борьбе с преступностью, особенно научно-технические методы и средства;

— чем более жестока тотальная диктаторская форма государственного правления, тем ниже уровень преступности (подавляемой грубой силой) и тем меньше внимания уделяется возможностям науки и техники в борьбе с ней.

Очевидно, что в формировании обозначенной системы, противоречивых в основе своей факторов, характеризующих состояние и особенности отношений общества и государства, экономики и уголовно-правовой политики, преступности и правовой культуры граждан, определенных образом и в соответствующих формах вносят свою лепту все составляющие общественного прогресса, начиная от политики и идеологии и заканчивая обычаями и традициями.

Особое место в этой системе занимают уголовно-правовая политика и право, наука и образование, коль скоро речь идет о таких остро проблемных отношениях, затрагивающих законные интересы и права всех граждан, общества и государства, которые возникают при совершении преступлений и их рас-

следовании; об отношениях, в которых сложнейшим образом, противоречиво переплелись и отразились современные достижения НТП и деградированные представления о традиционных ценностях; воспоминания о трагическом прошлом нашей страны и ощущение возрастающей угрозы современной преступности; исторически сложившиеся обычаи, традиции и современные реалии.

Во многом этим можно объяснить, что в нашей стране до сих пор действуют «либерализованный» советский УПК и статический учет преступлений по факту возбуждения уголовных дел, введенный в 1937 г. циркуляром Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского № 41/26. Сегодня такая статистика представляет собой пример лукавства и показухи, к ней выражал недоверие Д. А. Медведев, еще будучи Президентом России. В самом деле, по статистике с 2009 по 2012 г. преступность снизилась более чем на 20 %, а количество сообщений и заявлений о происшествиях увеличилось за это же время более чем на 10 %. Между тем давно известно, что неполные, неточные, ложные статистические данные приводят к недоверчивым оценкам ситуации и ошибочным выводам и, как следствие — к неэффективным, неадекватным, а порой и вредным управленческим решениям. Зачем тратиться на какую-то технику, на освоение современных информационных технологий в борьбе с преступностью, если она и без того сокращается? Осталось только, как в былые времена, провозгласить курс на ее полное искоренение.

Только кричащие, буквально вопиющие факты проявления преступности или откровенные просчеты и упущения в борьбе с ней вынуждают противников внедрения современных достижений НТП в криминалистическую практику приглушить свой голос, а законодателя — в «пожарном порядке» реагировать на ситуацию.

Показательный в этом отношении пример — законодательное решение вопроса о дактилоскопической регистрации граждан в нашей стране. Данная проблема обсуждалась

еще в советское время. Противники ее положительного решения связывали это с нарушением конституционных прав граждан, пугали возможными злоупотреблениями правоохранительных органов, заявляли, разумеется, без каких-либо расчетов, что создание и обеспечение функционирования такой системы экономически неоправданно. И по существу только массовые выступления граждан, в частности матерей российских солдат, погибших в ходе боевых действий на Кавказе, трупы которых длительное время оставались не идентифицированными, заставили законодателя принять Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации».

С тех пор прошло 15 лет, но в практике реализации этого закона не отмечено ни одного случая злоупотреблений, впрочем, как и за всю вековую историю использования дактилоскопии в борьбе с преступностью. Здесь данный Закон как следствие борьбы «за» и «против» оказался непоследовательным и противоречивым. Осуществлять добровольное дактилоскопирование всех граждан страны — это нарушение их конституционных прав, а такие права сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, оказывается, нарушать можно; с помощью дактилоскопической регистрации законно идентифицировать лиц, погибших в военных конфликтах и при охране общественного порядка, но невозможно, недопустимо решать ту же задачу в отношении на порядок большего количества без вести пропавших, в том числе в результате техногенных катастроф и аварий, в отношении трупов неизвестных граждан, число которых за последнее десятилетие приблизилось к сотне тысяч.

На решение подобных проблем самым непосредственным образом оказывают влияние экономические и организационные факторы. Так, после длительных дискуссий, идущих с 60-х гг. прошлого века, в УПК РСФСР, а теперь и России положительно решен вопрос о допустимости использования

при производстве следственных действий видеозаписей, но организационно и материально применение соответствующих средств практически не обеспечено. Профессионально, да и физически с этой задачей при современных формах организации их труда не в состоянии справиться ни следователи, ни работающие по их вызову специалисты-криминалисты. В результате видеозапись даже при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений применяется в единичных случаях. И это в то время, когда высказываются намерения, по примеру западных стран, ввести в нашей стране электронное судопроизводство, а при производстве многих следственных действий вместо понятых использовать видеозапись. Но пока все это у нас не получается и не получится, если для начала не будет должным образом организовано масштабное, повсеместное использование при расследовании преступлений цифровой фото- и видеотехники.

При решении проблем, связанных со значительными финансовыми расходами, дискуссии, как правило, ведутся в ключе «есть деньги — нет денег». Вместе с тем никто не утруждает себя расчетами реальных расходов, связанных с раскрытием и расследованием определенных видов преступлений, например убийств, и не сопоставляет их с расходами на конкретные, подчеркнем, прорывные, научно-технические средства. Конкретные и показательные в этом отношении факты последних лет широко обсуждались в прессе.

Террористический акт в ноябре 2009 г. в отношении скоростного пассажирского поезда «Москва — Санкт-Петербург». Как отметил в своем интервью «Российской газете» (за 18 и 25 марта 2010 г.) председатель Следственного комитета МВД России А. И. Бастрыкин, над его раскрытием почти три месяца, трудилось огромное множество сотрудников различных правоохранительных ведомств и служб. Но будь у нас более совершенные дактилоскопическая и геномная регистрации граждан, это преступление можно было бы раскрыть в течение нескольких дней.

Убийство с изнасилованием малолетней девочки в Красноярске в 2010 г. Почти год оперативные работники и следователи безуспешно пытались раскрыть это преступление, пока не стали проверять подозреваемых с помощью ДНК-анализа. Преступник был установлен в течение нескольких дней.

Возможно, в этих случаях затраты на длительную и безуспешную работу сотен сотрудников правоохранительных органов несопоставимы со стоимостью соответствующих приборных комплексов и организационного обеспечения их функционирования. Но если учесть, что в нашей стране ежегодно совершаются сотни тысяч преступлений, когда преступники оставляют на местах происшествий следы биологического происхождения, то расходы на их раскрытие на соответствующую технику и расходы на их раскрытие без нее окажутся не просто сопоставимыми, а в разы различающимися в пользу «науки и техники».

Анализируя подобные факты и в целом тенденции научно-технического (или криминалистического) обеспечения раскрытия и расследования преступлений, естественно и неизбежно приходим к вопросу: а что в таком случае может сделать криминалистика и представляющие ее ученые, впрочем, как и иных наук уголовно-правового цикла?

При этом напрашивается один общий вывод: в условиях рыночных социально-экономических отношений, в условиях жесточайшей конкуренции не только в экономике, но и в общественных, правовых отношениях, в законотворческой деятельности, в условиях почти открытого противостояния законопослушной и преступной частей общества таким антиполитическим наукам, как криминалистика нельзя оставаться аполитичными, социально нейтральными (ведь политика — это жизнь, это выбор между гибельным и непопулярным).

В этих условиях объективно актуализируются проблемы самосовершенствования и роста самосознания криминалистики. Естественно, возникают и требуют решения вопросы, касающиеся предмета, природы, систе-

мы, методов и методологии этой науки. Но основная социальная функция всех наук, и криминалистика в этом отношении не исключение, — служить обществу. Это значит, что задачей последней являются не только разработка, создание необходимых для раскрытия и расследования преступлений, т. е. для обеспечения безопасности общества, методов, средств, рекомендаций, но и активное содействие внедрению их в практику борьбы с преступностью, в общественно полезную деятельность.

Такое участие, по нашему мнению, должно осуществляться с ориентацией на инновационный подход к организации научных исследований, предполагающий реализацию познавательной, созидательной, образовательной и внедренческой служебных функций криминалистики. Инновация — по своей сути новшество, прошедшее путь от идеи до внедрения в практику. Инновационный подход может проявляться не только в технике и технологиях, но и в решении проблем организации, правового регулирования определенной деятельности, чем, как известно, характеризуется криминалистическое обеспечение расследования преступлений.

Однако, здесь возникает вопрос о способности и возможности каждого отдельно взятого ученого оббивать пороги кабинетов и добиваться внедрения своих разработок в практику. В общей массе они не обладают потенциалом «пробивания». Нередко им проще что-то обосновать, сконструировать, чем добиться признания. Выход напрашивается только один: искать и реализовывать профессионально-коллективные формы обсуждения, оценки и внедрения в практику предлагаемых новшеств. Эту задачу могла бы взять на себя такая уже существующая общественная организация, как «Союз криминалистов и судебных экспертов», однако о его деятельности в этом направлении ничего не известно. Не исключается возможность создания в этих целях постоянно действующей межведомственной комиссии правоохранительных министерств и ведомств.

В связи с этим особое внимание нужно обратить на «выходы вовне» результатов многочисленных научно-практических конференций и семинаров, в частности проводимых в вузах правоохранительных министерств и ведомств, по проблемам криминалистики и смежных с ней отраслей науки. Но ни для кого не секрет, что такие мероприятия и их результаты, как правило, остаются достоянием тех же «стен», где они проводились. Более серьезного внимания в аспекте их практической реализации заслуживают результаты соответствующих диссертационных исследований.

Более весомый вклад в разработку проблем криминалистики, в популяризацию ее современных возможностей, в формирование общественного сознания в части необходимости их внедрения в розыскную и следственную практику могли бы внести юридические вузы страны, особенно вузы системы правоохранительных министерств и ведомств, в которых трудится абсолютное большинство ученых-криминалистов этой системы. Однако не многие из них готовы совмещать педагогическую и научно-исследовательскую деятельность, тем более при отсутствии реальных стимулов.

Думается, следует вернуться к созданию в этих вузах межкафедральных проблемных научно-исследовательских лабораторий, на которые возложить задачи по разработке *прорывных проблем*, вытекающих из цели и процесса реформирования правоохранительных органов и всей системы судопроизводства. Такие НИЛ когда-то действовали при кафедрах уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности Высшей школы МВД СССР и зарекомендовали себя как весьма успешные. В современных условиях реформирования системы правоохранительных органов с учетом состояния преступности в нашей стране и тенденций ее развития, наиболее сложные и вместе с тем злободневные проблемы проявляются, как правило, на стыке различных наук уголовно-правового цикла, и соответственно их исследование должно быть комплексным, межнаучным.

В нашей статье тезисно обозначены лишь сам факт непосредственного влияния общественного прогресса на развитие криминалистики и некоторые особенности его проявления в законотворческой деятельности и в практике борьбы с преступностью. Очевидно, что эта проблема сама по себе заслуживает более обстоятельного, и разноаспектного изучения.

Мультимедийные криминалистические и межотраслевые средства противодействия преступности: перспективы разработки и внедрения

Хотите предупредить преступление?
Сделайте так, чтобы законы были ясны и просты...

Ч. Беккариа¹

УДК 343.98+343.92 Науки антикриминального цикла, взятые в отдельности, не отвечают задачам профилактики преступлений, например, в молодежной среде. В то же время раздельное преподавание криминалистики, криминологии и других юридических наук не формирует необходимых профессиональных компетенций у студентов юридических вузов. Разрешить данные проблемы могут помочь мультимедийные средства.

Ключевые слова: криминалистика, преподавание криминалистики, предотвращение преступлений

Гармаев Юрий Петрович,
доктор юридических наук, профессор
garmaeff@yandex.ru

Ни для кого не секрет, что в адрес всех юридических наук все чаще и громче раздаются критические замечания об их отставании от потребностей практики. «В России, как и в некоторых других государствах, наблюдается излишняя теоретизированность юридических научных исследований, и практики в этом неоднократно совершенно справедливо упрекали теоретиков. По сути дела, получается, что наука, призванная помогать практическому работнику в его повседневной деятельности, отстраняется от своих обязанностей, и практики вынуждены довольствоваться теми уже давно устаревшими моделями, что у них есть. Можно сказать, что наука существует ради науки»². Дисциплины антикриминального цикла, к сожалению, исключением не являются.

¹ Цит. по: Юридические афоризмы / сост. И. В. Смолькова. М., 2013. С. 144.

² Вележев С. С. Консолидация теории и практики в решении проблем, связанных с юридической ответственностью и наказанием // Администратор суда. 2011. № 1. С. 7–8.

В ч. 1 ст. 44 Конституции РФ каждому гарантируется свобода научного творчества и преподавания. Надлежащим ли образом представители наших наук воспользовались данной свободой? Здесь налицо ряд проблем. Не претендуя на полноту охвата, отмечу лишь некоторые из них:

1) ненадлежащее взаимодействие наук. Недостаточность подлинно междисциплинарных исследований: на стыке уголовно-правовых, криминологических, уголовно-процессуальных, криминалистических и иных;

2) неоправданная узость круга «конечных потребителей» соответствующих научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций;

3) сложность и многословность языка изложения большинства «продуктов» наук;

4) отставание этих «продуктов» от современных достижений научно-технического прогресса в плане, как минимум, формы изложения, средств и методов доведения, доставки знаний до «конечного потребителя».

Рассмотрим обозначенные проблемы более подробно.

Неадекватное взаимодействие наук. Недостаточность междисциплинарных прикладных исследований. Насколько очевидно то, что следователь, прокурор, судья в своей ежедневной практике не могут разделить свою мыслительную деятельность (и правоприменение) на уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и криминалистическую составляющие, настолько очевидна и необходимость в разработке и внедрении соответствующих рекомендаций по принципу «разноотраслевое в одном».

Что же делается в междисциплинарном направлении представителями наук антикриминального цикла? Смеею предположить, что не так уж и много. Довольно редко индивидуальные и коллективные работы типа: «Квалификация и расследование преступлений...». «Преступления в сфере...: уголовно-правовая, криминологическая и криминалистическая характеристика, методика расследования...». Еще реже встречаются разработки, охватывающие

рекомендации большего количества наук (уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности, адвокатской деятельности и др.). Качество и практическая значимость подобных изданий — вопрос отдельный. Зачастую мы видим просто раздельно представленные разноотраслевые главы, параграфы одной книги. И порой создается впечатление, что авторы соседствующих параграфов не то что не вникали, но даже не читали труд своего коллеги — представителя другой науки. Не только практика, но и методология формирования подлинно межотраслевых прикладных рекомендаций до настоящего времени не разработана.

В плане взаимодействия наук в учебных и иных изданиях, например, по уголовному праву видим высказывания, что данная наука взаимодействует, в частности, с криминалистикой в вопросах выявления виновных лиц, установления конкретных причин и условий совершения преступления, определения причинно-следственной связи между общественно опасным деянием и последствиями и др.³ Но как она взаимодействует? В каком смысле? На основе какой методологии?

В большинстве учебных изданий по криминалистике, иных публикациях выделяются положения о связи и соотношении этой науки с другими юридическими науками, прежде всего антикриминального цикла. Не углубляясь глубоко в анализ научных мнений, можно резюмировать, что большинство авторов:

— отмечают, что связь криминалистики наиболее тесна и устойчива с науками уголовного права и уголовного процесса. Причем в отношении уголовного права речь идет в основном о взаимосвязи криминалистических средств, приемов и методов с уголовно-правовой характеристикой преступлений⁴;

³ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012. С. 12.

⁴ Смахтин Е. В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 15.

— редко анализируют взаимосвязи криминалистики с криминологией, а если соответствующий анализ и производится, то эти взаимосвязи обозначаются лишь в самом общем виде: «Криминалистика, например, руководствуется сведениями о динамике преступности в конкретном регионе, которые обобщает криминология, для разработки собственных профилактических и предупредительных мер. Так, увеличение числа квартирных краж в том или ином районе является основанием для расширения и централизации систем сигнализации, разрабатываемых криминалистикой»⁵;

— больше внимания уделяют вопросам отграничения наук, нежели вопросам их координации, взаимообогащения. Например: «...криминология и криминалистика изучают разные объективные закономерности, и совпадения в этой части их предметов отсутствует»⁶. И далее следует подробное обоснование различий, как будто авторов больше интересует то, чтобы «конкуренты не помышляли заходить на чужое поле», нежели интеграция наук.

В этих условиях, на наш взгляд, страдают интересы всех наук антикриминального цикла, а главное — практика противодействия преступности.

Узость круга «конечных потребителей» соответствующих научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций. Здесь отметим лишь упущения, некие недоработки в рамках криминалистических исследований. Принято считать устоявшимся мнение о том, что в настоящий момент криминалистика, ее средства, приемы и методы успешно используются в иных сферах (оперативно-розыскной, судебной, прокурорской, экспертной, адвокатской деятельности) либо позволяют устанавливать факты, лежащие вне уголовно-правовых явлений (использование криминалистических знаний

в гражданском, арбитражном (хозяйственном) или административном процессах)⁷. Отмеченные тенденции позволили ученым-криминалистам закономерно констатировать, в ряду юридических наук и учебных дисциплин криминалистика имеет особый междисциплинарный статус криминалистики⁸.

Мнение это вполне справедливо, но в основном относимо к теоретико-методологическому уровню. На уровне прикладном соответствующие разработки пока достаточно редки. Большинство же этих самых прикладных рекомендаций, причем не только криминалистических, но и уголовно-правовых и т. д., адресованы, условно говоря, «традиционным конечным потребителям»:

— следственным и иным правоохранительным органам;

— судебным органам и адвокатскому обществу;

— законодателям и разработчикам законопроектов.

Возьмем для примера исследования в рамках криминалистического обеспечения борьбы с преступлениями несовершеннолетних и в отношении них. Большая часть работ традиционно адресована следователям и иным представителям стороны обвинения в уголовном процессе, реже — судьям⁹. Между тем

⁷ См., например: *Шепитько В. Ю.* Криминалистика XXI века: предмет познания, задачи и тенденции в новых условиях // Современное состояние и развитие криминалистики. Харьков, 2012. С. 43.

⁸ См., например: *Ищенко Е. П., Жижина М. В.* Современные представления о предмете науки криминалистики // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности. Калининград, 2012. С. 62.

⁹ См.: *Макаренко И. А.* Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007; *Подольный Н. А.* Теоретические и практические основы раскрытия и расследования преступлений, совершенных молодежными организованными группировками : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008; *Гвоздева И. С.* Использование специальных знаний при расследовании групповых корыстно-насильственных преступлений несовершеннолетних :

⁵ *Эксархопуло А. А.* Криминалистика : учеб. СПб., 2009. С. 45.

⁶ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. М., 2001. С. 114–115.

очевидно, что соответствующие криминалистические разработки могут и должны быть специально адресованы, как минимум, еще и органам, учреждениям, занимающимся несовершеннолетними, а таковых только на федеральном уровне 19.

Полагаю, что наука криминалистика, а также уголовное право и криминология должны активнее работать и на иных, назовем их нетрадиционными, субъектов, «конечных потребителей» научных положений и рекомендаций. Это могут и должны быть, например:

— сами несовершеннолетние: как подозреваемые, обвиняемые, привлекаемые к административной ответственности, так и потерпевшие от преступлений, пострадавшие от иных правонарушений, а также потенциально могущие стать и теми, и другими;

— родители и родственники, опекуны несовершеннолетних;

— педагоги, учителя, тренеры спортивных секций, руководители кружков по интересам, иные взрослые, занимающиеся воспитанием этих лиц;

— работники названных органов и учреждений, но не только и не столько как их представители, а как практические работники, правоприменители, живые люди со своими особенностями восприятия информации, сильно ограниченные во времени, с разным, далеко не всегда юридическим образованием, способностями к самообразованию, познавательной деятельности вообще и т. д.;

Сложность и многословность языка изложения большинства «продуктов» наук. Не считаю корректным оценивать состояние всех наук антикриминального цикла, но в отношении криминалистики следует констатировать, что большинство ее, казалось бы, прикладных разработок все еще «грешит» многословностью, сложностью языка изложения, порой безудержным и малооправдан-

дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008, *Третьяков Ю. С.* Процессуальные и тактические основы рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних мировым судьей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009 и др.

ным теоретизированием. Проблема не нова. Еще в 80-х гг. прошлого столетия авторитетные ученые признавались в том, что многие криминалистические рекомендации написаны тяжелым языком, страдают многословностью, излишней описательностью, насыщены полемикой с другими авторами, имеют многочисленные отклонения от основной темы¹⁰. Применительно к методикам расследования А. А. Эйсман верно отмечал: «Стремление сообщить в пособии как можно больше сведений и дать как можно больше советов по всем аспектам расследования делает почти бесполезной книгу в глазах практика-профессионала: ему обычно нужна лишь небольшая часть этой информации, а отыскать ее оказывается трудным и длительным делом»¹¹.

Отставание «продуктов» наук антикриминального цикла от современных достижений научно-технического прогресса в плане формы изложения, средств и методов доведения, доставки знаний до «конечного потребителя».

Опять же еще в прошлом веке отдельные ученые-энтузиасты вполне успешно разрабатывали и внедряли в учебный процесс вузов и в правоприменительную практику специализированные компьютерные программы, например, по анализу исходной информации, выдвижению и проверке типовых версий при расследовании преступлений. Так, можно отметить интересную информационно-поисковую систему «Полюс-1» (Н. Б. Бобрынин, А. Ф. Лубин, 1989 г.).

В начале века нынешнего отдельные исследователи, в частности, А. С. Шаталов, предпринимали попытки разработать целостную теорию криминалистических алгоритмов и программ. Исходили они из принципиально верного положения о том, что на современном этапе развития криминалистических ме-

¹⁰ См., например: *Соя-Серко Л. А.* Программирование расследования // Соц. законность. 1980. № 1. С. 50–51.

¹¹ *Эйсман А. А.* Теоретические вопросы программирования расследования // *Вопр. борьбы с преступностью.* М., 1987. Вып. 45. С. 84–85.

тодических рекомендаций для практических работников наиболее важными их качествами, наряду с полнотой, являются компактность и понятность¹². К этому можно было бы добавить и такие желаемые качества, как доступность, интерактивность, наконец, привлекательность для потребителя хотя бы на стадии принятия решения об изучении, на уровне так называемого «пользовательского интерфейса»¹³.

Положительные сдвиги здесь безусловно есть. Но, что весьма показательно, не столько в среде научной, сколько в практической. Так, Главным управлением криминалистики Следственного комитета РФ (ГУ криминалистики СК РФ) была разработана и внедрена почти во всех территориальных следственных органах инновационная компьютерная программа «Виртуальный осмотр места происшествия: учебно-методический комплекс», предназначенная для создания интерактивных трехмерных моделей различных мест происшествий, а также для проведения их виртуального осмотра. Данная программа, помимо правоохранительных органов, рекомендована к использованию при преподавании криминалистики в МГУ им. М. В. Ломоносова, МГЮОУ имени О. Е. Кутафина, УРГЮА и в других юридических вузах.

¹² Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М., 2000. С.163.

¹³ Интерфейс пользователя, он же пользовательский интерфейс (UI — *англ.* user interface) — разновидность интерфейсов, где одна сторона представлена человеком (пользователем), другая — машиной/устройством. Представляет собой совокупность средств и методов, при помощи которых пользователь взаимодействует с различными, чаще всего сложными, машинами, устройствами и аппаратурой. Весьма часто термин применяется по отношению к компьютерным программам, однако под ним может подразумеваться набор средств, методов и правил взаимодействия любой системы, управляемой человеком. Пример: дисплей электронной книги или планшетного компьютера + набор кнопок и переключателей для настройки (Материал из Википедии: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>).

Важно отметить, что для подготовки программного обеспечения были привлечены специалисты компании «Фундаментальные системы анализа»¹⁴. При этом «форма обучения, напоминающая компьютерную игру, легко воспринимается молодыми следователями. Нередко обучаемые с увлечением соревнуются между собой на скорость и качество выполнения заданий»¹⁵. Не менее важно в аспекте предмета настоящей статьи отметить направления дальнейшего усовершенствования данного программного продукта. Среди них авторы-разработчики выделяют «создание полнофункциональной мобильной версии программного обеспечения для коммуникаторов и планшетных компьютеров для операционных систем «Android», «Windows Phone» и «iOS»¹⁶.

Итак, есть энтузиасты-исследователи, пытающиеся восполнить уже не просто тревожащее, а близкое к катастрофическому отставание науки от практики и современных достижений научно-технического прогресса. Однако в широких кругах криминалистического научного и вузовского сообщества по-прежнему стараются как бы «не замечать» очевидные негативные тенденции.

Отметим традиционные формы представления рекомендаций, «конечных продуктов» наук антикриминального цикла:

1) «бумажные»:

- объемные книги (монографии, пособия, диссертации, учебники, комментарии и т. п.);
- научные статьи, доклады на конференциях и т. п.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Елинский В. И., Ашимов Ф. М. Виртуальный осмотр места происшествия — инновационный метод повышения профессионального мастерства следователей // Рос. следователь. 2013. № 4. С. 6—8.

¹⁵ Там же. С. 59.

¹⁶ Там же. С. 60. В силу важности данной прикладной разработки для практики и науки, считая необходимым воспроизвести приглашение к сотрудничеству, распространяемое самими авторами проекта: тел. 8(8512) 523333, e-mail: llc.fca@gmail.com

— крупные справочные работы, заключения экспертиз и т. п.

2) Электронные (несколько реже и зачастую скромнее по полноте содержания изданий):

— книги и иные материалы, специально подготовленные для электронных справочно-правовых систем типа «Консультант-Плюс: Комментарии законодательства» и для популярных в научной среде электронных ресурсов¹⁷.

— статьи, интервью и иные выступления в электронных СМИ, социальная реклама и т. п.

— мультимедийные презентации, видео-, аудио выступления с лекциями, на конференциях, круглых столах и т. п. Особенно если соответствующий цифровой контент¹⁸ не только записан и распространяется на оптических дисках, но и вместе с его рекламой выложен в сети Интернет для свободного изучения и скачивания.

Появление последних электронных «продуктов» — весьма отрадная тенденция, но находится она лишь в начальной стадии своего развития¹⁹.

¹⁷ См., например, для криминалистики и уголовно-процессуального права — сайт Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП) // URL: <http://www.iauaj.net>; сайт Международной общественной организации «Конгресс Криминалистов» (International Non-Governmental Organization «Criminalists Congress») // URL: <http://cricongress.com/> и другие интернет-ресурсы.

¹⁸ Контент (англ. content — содержание) — любое информационно значимое либо содержательное наполнение информационного ресурса или веб-сайта. Контентом называются тексты, мультимедиа, графика. Однако чаще им называют текстовое наполнение веб-сайта. Под мобильным контентом подразумевают цифровой контент, который адресован владельцам мобильных устройств (Материал из Википедии: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>).

¹⁹ См., например: *Боровских Р. Н.* Актуальные проблемы противодействия преступлениям в сфере страхования в России: видеолекция // Сайт Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП). (URL: <http://www.iauaj.net/node/1325>).

С большим сожалением, но все же следует констатировать, что перечисленные «традиционные», но особенно «нетрадиционные» потребители научно-прикладных рекомендаций все меньше и реже читают и используют «бумажные продукты». Для этого не хватает ни желания, ни времени. К тому же быстро найти нужную рекомендацию в толстом бумажном фолианте намного труднее, чем в электронной книге. А вот ассортимент и объем информации, усваиваемой из источников перечня, ежегодно растет в разы.

При этом особенно востребованы в последнее время краткие рекомендации в виде памяток²⁰, специальных программных продуктов, в виде мобильных приложений в телефонах, коммуникаторах, планшетных и стационарных компьютерах, ноутбуках. Эти продукты научно-технического прогресса сейчас пока весьма немногочисленны, но пользуются повышенным спросом. И спрос этот обречен на постоянный, причем бурный рост.

Однако вновь скорбим: науки антикриминального цикла пока не демонстрируют большого интереса к этим перспективным новинкам. Работаем, как говорится, по старинке — через традиционную «бумажную» продукцию. Нам, представителям научного юридического сообщества, разработчикам соответствующих рекомендаций, пора признать, что многие наши коллеги больше склонны теоретизировать, критиковать законодателя и разочаровываться в правоприменителе, нежели замечать признаки собственного догматизма, консерватизма, а порой и просто непрофессионализма. «В чужом глазу соринку видим, в своем бревна не замечаем», — эта известная пословица приме-

²⁰ См., например: Предупреждение коррупции и защита от незаконного обвинения в коррупционном преступлении: Памятка / автор-составитель Ю. П. Гармаев // Сайт Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия // URL: <http://minsoc-buryatia.ru/anticorruption/4802>. Подобные памятки, адаптированные для соответствующих категорий служащих, последние 5 лет широко распространяются в рамках занятий по противодействию коррупции в различных государственных и иных организациях.

нима далеко не ко всем, но ко многим представителям науки.

Между тем если вновь в качестве примера обратиться к криминалистическому, а вернее к комплексному обеспечению противодействия преступлениям несовершеннолетних и в отношении них, то не лишним будет отметить, что в разделе 2 Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (утв. Указом Президента РФ от 2 июня 2012 г.) указано: «В Российской Федерации формирование и реализация политики в области детства должна основываться на использовании *последних достижений науки, современных технологий...*» (здесь и далее курсив наш. — Ю. Г.). А в разделе 3 предписано: «Создание и распространение информации о правах ребенка, *адаптированной для детей, родителей, учителей, специалистов, работающих с детьми* и в интересах детей, через средства массовой информации, *сеть “Интернет”*, организации и учреждения для детей».

С «последними достижениями науки, современных технологий» применительно к инструментарию наук антикриминального цикла все кажется вполне ясно. Если оценить одним словом, то это: «Отстаем...». Далее, полагаю, что термин «адаптированность» в контексте Национальной стратегии означает как раз уже сказано — краткость, простота изложения рекомендаций и представление их не только в бумажной, но и в мультимедийной форме, с применением современных технологий, в том числе мобильных, с использованием ресурсов Интернета. Современные подростки и молодежь, взрослые люди 25–40 лет — т. е. самая активная часть населения, в настоящее время пользуются стационарными и мобильными компьютерами (ноутбуками, планшетами и др.), устройствами для чтения электронных книг на работе, дома, а в общественном транспорте... До половины граждан ежедневно используют сложную мобильную телефонную технику — смартфоны и коммуникаторы на операционных системах «iOS», «Android», «Windows mobile»,

на которых установлено современное программное обеспечение, позволяющее хоть дома, хоть в общественном транспорте читать и слушать книги, просматривать фото, презентации и слайд-шоу, видео и прочий контент.

Глубоко убежден, что все науки антикриминального цикла должны сами двигаться навстречу своему «конечному потребителю», разрабатывая и внедряя «продукцию» в различных вариантах в зависимости не от сложившихся традиций, а от тенденций «потребления», характеристик типичного «потребителя». Формирование рекомендаций для него, причем преимущественно в интерактивной, мультимедийной, стационарной плюс мобильной форме, с междисциплинарным содержанием, должно стать приоритетным направлением прикладных разработок названных наук. Не стоит ждать неких абстрактных IT-специалистов, которые «придут, возьмут и превратят наши бумажные книги в алгоритмы и программы». Не придут... Это невозможно даже чисто технически. Нужно активное творческое взаимодействие между учеными — представителями разных наук антикриминального цикла с подключением в творческие коллективы IT-специалистов и даже целых компаний таковых, как это сделали работники ГУ криминалистики СК РФ в рамках уже упомянутого проекта. Причем инициатива преимущественно должна исходить именно от нас — представителей научного сообщества, а не от специалистов по компьютерным технологиям.

Итак, можно и нужно создавать системы межотраслевых рекомендаций в виде кратких, но емких по содержанию, с красивым, ярким пользовательским интерфейсом программ типа памяток, кратких руководств.

Предлагаем наименование и примерное содержание такой разработки с указанием на источники рекомендаций (виды наук):

Памятка школьнику (учащемуся ПТУ, студенту)

«Что делать, если тебя пытаются вовлечь в незаконный оборот наркотиков»:

— Вводная часть: мотивационное воздействие и описание программы; краткие, эмоционально окрашенные пояснения типа: «Зачем тебе, друг, это надо...»; данные о структуре рекомендаций, назначении разделов, отзывы, оценки пользователей и т. п.²¹

— типичные ситуации вовлечения; кто может вовлечь (друзья, одноклассники, взрослые и т. п.), с какими целями, какими способами (уговоры, шантаж, подкуп, дружеские чувства и т. п.), как им противодействовать; какими бывают наркотические средства, как они выглядят и т. д.; что делать, если тебя все-таки уже вовлекли в потребление наркотиков, в преступную деятельность; как противостоять распространенным формам противозаконной провокации, подстрекательства к преступлениям (криминалистические рекомендации, а также данные наук судебно-экспертной деятельности, оперативно-розыскной деятельности (в несекретной части)²²;

— как квалифицируются соответствующие деяния и какие наказания предусмотрены уголовным законом; каковы не только правовые, но и иные последствия привлечения к уголовной ответственности (включая ситуации осуждения к лишению свободы, условного осуждения, прекращения уголовного преследования по нереабилитирующему основанию и т. п.); последствия для здоровья, дальнейшей учебы, будущей карьеры, для родителей, для иных разнообразных сторон жизни несовершеннолетнего (уголовно-правовые и иные рекомендации);

²¹ Методологию создания данного и некоторых иных информационных блоков-рекомендаций полезно заимствовать у наук маркетинга и менеджмента, широкого класса дисциплин под общим наименованием «Информационные технологии».

²² Здесь уместно важное ограничение — недопустимость «рекламы» преступной деятельности, «инструкций по совершению преступлений», а также завуалированных рекомендаций о том, как уйти от ответственности за их совершение. Методология такого рода ограничений также должна стать предметом научных разработок, но уже чисто теоретических.

— краткая характеристика наркопреступности в регионе, коэффициенты преступности; по некоторым видам преступлений весьма уместна краткая региональная виктимологическая характеристика (криминологические рекомендации);

— какие органы ведут профилактическую деятельность, а какие — борьбу с данными преступлениями; как и куда можно обратиться за помощью; какая помощь может быть оказана (разноотраслевые рекомендации);

— как уберечь свое здоровье, справиться со стрессом, вызванным попыткой вовлечения (состоявшимся вовлечением) в преступную деятельность; как найти общий язык с родителями, иными членами семьи, товарищами в типичных сложных жизненных ситуациях (криминалистические, медицинские и психологические рекомендации).

Сказанное можно продолжить. Но повторюсь: все должно быть изложено в краткой и доступной для данного типа «конечного потребителя» форме. Должны приветствоваться анимация, фотографии и слайд-шоу, видеоролики (в том числе устрашающие, как на пачках сигарет) и т. п. Текст должен излагаться с использованием индивидуального, дружеского обращения типа: «Дорогой друг! Конечно, не дай Бог, но предположим, что с тобой приключилась вот такая неприятность...».

Разумеется, подобные памятки и краткие руководства можно и нужно разрабатывать, внедрять адресно (родителям, учителям и т. д.). Памятки для взрослых, вероятно, в значительной части будут повторять содержание памятки для несовершеннолетних. Но в разработках для первых, кроме прочего, например, можно уделить внимание тому, как составить доверительный разговор просветительского, предупредительного характера между несовершеннолетним и близкими людьми (иными лицами); как распознать признаки вовлеченности скрытного ребенка в незаконный оборот наркотиков, иной криминал, а также патологическую игроманию и т. п.; как провести иные виды бесед, куда и как

обратиться за помощью и т. п. (криминалистические рекомендации, педагогика и т. п.).

Заметим, что несмотря на всю универсальность и синтетический характер науки криминалистики, вряд ли создание подобного рода междисциплинарных «продуктов» под силу одному или нескольким разработчикам — криминалистам. Вполне солидарен с неявно выраженной грустью В. Ю. Шепитько, угадывающейся в его риторическом: «... где взять специалиста, знающего и теорию криминалистики, и практику борьбы с преступностью... Причем презюмируется, что специалист в области криминалистики знает уголовное право, процесс, судопроизводство на высоком уровне, с учетом изменений в действующем законодательстве... имеет познания в сфере естественно-технических наук и судебных экспертиз»²³. Не будем преувеличивать наши возможности — нужны творческие коллективы разноотраслевых специалистов.

Необходимо вложить государственные средства, привлечь инвестиции в то, чтобы подобные программные продукты распространялись бесплатно, например: в основных интернет-магазинах: «Apple AppStore», «Google Play», «Windows Store» и др.; по рекламным ссылкам (баннерам) в известных соцсетях: «В Контакте», «Одноклассники» и др.; на иных популярных в соответствующей

потребительской среде интернет-ресурсах; в «пакетных предложениях» с компьютерными играми, другими популярными программными продуктами на предприятиях, в организациях и т. д. Повторим: эти программы можно и нужно создавать и распространять так, чтобы их можно было изучать бесплатно, очень быстро, найдя намеренно или наткнувшись случайно («бродя по Сети») в телефоне, планшете в общественном транспорте, прослушать в «пробке» (водителю), открыть во всплывающих окнах типа нынешней навязчивой рекламы товаров в интернете и т. п.

Итак, пора науке идти прямо навстречу современной мультимедийной цифровой среде, к людям, в том числе к неюристам, «потребляющим» информацию гигабайтами и в краткие сроки, в основном «между делом». Есть все основания полагать, что внедрение в науки антикриминального цикла не просто направления, а некоей парадигмы приоритета создания прикладных разноотраслевых мультимедийных разработок типа кратких памяток, руководств и программ, соответствующее уточнение концептуальных подходов к формированию и представлению учебных и практических рекомендаций, к обучению различных потенциальных потребителей, — все это позволит сделать важный шаг к сближению науки с практикой, к модернизации наук антикриминального цикла (впрочем, как и иных юридических и неюридических наук), а главное — к повышению эффективности правоприменения.

²³ Шепитько В. Ю. Криминалистика XXI века: предмет познания, задачи и тенденции в новых условиях // Современное состояние и развитие криминалистики. Харьков, 2012. С. 53.

В. Ф. Енгальчев, Е. В. Пискунова

Новые технологии визуальной фиксации следов преступления: криминалистические и психологические аспекты

УДК 343.951 + 343.98.063 Развитие информационных технологий позволяет использовать новые средства визуальной фиксации следов преступления, результаты которой более надежны, информативны и удобны в использовании, а также способствуют развитию новых направлений судебно-экспертных исследований на стыке юридической психологии и компьютерных технологий.

Ключевые слова: криминалистическая техника, осмотр места происшествия, криминалистическая фотосъемка и видеозапись, 3D-технологии, виртуальная реальность, психология, судебно-психологическая экспертиза, активизация памяти, проверка достоверности показаний

Реализация конституционных гарантий защиты личности от преступных посягательств, а также от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения в значительной степени зависит от развития криминалистической науки и внедрения в практику правоохранительных и судебных органов разрабатываемых в рамках этой науки практических и методических рекомендаций и технических средств. Развиваясь, криминалистика приспосабливается для своих нужд достижения и технологии других наук, хотя не всегда это происходит достаточно быстро. За 20 лет действия Конституции РФ серьезные изменения коснулись многих отраслей научного знания. Одной из наиболее существенно изменившихся сфер являются информационные технологии.

В настоящее время рабочее место следователя предполагает не просто компьютер, но и специальное программное обеспечение, например, «АРМ-следователя» — комплекс индивидуальных технических и программных средств, предназначенных для автоматизации информационной поддержки процесса предварительного следствия, которые по-

Енгальчев Вали Фатехович,
доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей
и юридической психологии
Калужского государственного университета
им. К. Э. Циолковского
valiyen@gmail.com

Пискунова Елена Владимировна,
кандидат юридических наук,
младший научный сотрудник
сектора информационного права
Института государства и права РАН
new_elen@inbox.ru

зволяют решать множество информационно-аналитических задач в процессе расследования¹. Около 10 лет назад МВД России была разработана программа «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел». В рамках ее реализации постепенно осуществляется полная автоматизация процессов обработки и выдачи необходимой информации заинтересованным лицам; объединение массивов криминалистически значимой информации, сосредоточенной в различных АИПС, в интегрированные банки данных; формирование и внедрение в практику новых видов автоматизированных учетов и лабораторий и т. д.² Новые технологии предоставляют следователям новые источники криминалистически значимой информации, например, повсеместно распространенные камеры видеонаблюдения или GSM-локализация мобильных телефонов.

Однако существует сфера, в которой возможности современных информационных технологий отечественными криминалистами практически не применяются или применяются недостаточно эффективно. Эта сфера — визуальная фиксация следов преступления. Почти 90 лет назад П. В. Макалинский писал: «Как бы ни был добросовестен и тщателен осмотр, как бы он ни был ясно, последовательно, картинно и даже художественно изложен,

описание никогда не может дать того наглядного представления, как фотография»³. Криминалистическая фотография — один из традиционных разделов криминалистической техники⁴; еще несколько лет назад ученые высказывались против использования цифровой фотографии в криминалистике, однако теперь она практически вытеснила пленочную. Но технологии шагнули дальше и позволяют фиксировать следы преступления, обнаруженные при производстве различных следственных действий, еще более наглядно и точно.

Среди таких средств фиксации первой стоит назвать *видеосъемку*. В научной и учебной литературе часто подчеркивается, что применение криминалистической видеозаписи при расследовании преступлений необходимо в тех случаях, когда важно запечатлеть какое-либо действие, динамику развития события или явления, иногда — вместе с сопровождающими их звуками, кроме того, видеозапись позволяет запечатлеть значительные по протяженности участки местности или с большим нагромождением различных объектов, фиксировать обстановку, которая может быть изменена в ходе самого осмотра, например, при пожарах и катастрофах⁵. То есть основное преимущество видеозаписи по сравнению с фотосъемкой заключается в возможности запечатлеть динамику изменений среды, а также движущиеся, а не статичные объекты. Именно поэтому видеозапись чаще применяется при проведении таких следственных действий, как проверка показаний на месте, следственный эксперимент, допрос, а не осмотр места происшествия. В настоящее время изданы научные труды, посвященные проблемам идентификации личности по видеозаписи⁶ или

¹ Подробнее об этом см., например: URL: <http://www.oviont.ru/services/develop/ais/arm>.

² Подробнее об этом см.: Концепция развития информационно-вычислительной системы МВД России на 2002–2006 гг. (утв. приказом МВД России от 13 июня 2002 г. № 562); Концепция информатизации органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России до 2012 г. (утв. приказом МВД России от 4 апреля 2009 г. № 280); Программа МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел» (третья редакция утв. приказом МВД России от 20 мая 2008 г. № 435; с изм., внесенными приказом МВД России от 25 июля 2009 г. № 577).

³ Полякова М. А. Использование специальных познаний и помощи специалиста на первоначальном этапе расследования преступлений // Эксперт-криминалист. 2009. № 3. С. 5–8.

⁴ См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г. и др. Криминалистика : учеб. М., 2013.

⁵ См.: Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях : учеб. М., 2011.

⁶ См.: Ильин Н. Н. Проблемные вопросы, связанные с отождествлением человека, отобразившегося на видеозаписи // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. М., 2013. С. 144–146.

производства судебной экспертизы психологической достоверности показаний, зафиксированных с помощью видеозаписи⁷. Проблемам же осмотра места происшествия с использованием видеозаписи редко уделяется внимание; чаще всего этот вопрос затрагивается в учебниках⁸, причем как нечто вторичное по отношению к криминалистической фотографии.

Вместе с тем проведенный нами анализ показывает, что *видеозапись при осмотре места происшествия* заметно повышает его эффективность. Представляется, что сегодня видеозапись при осмотре места происшествия должна получить большее распространение. Этому способствуют и изменения, внесенные в ст. 170 УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ⁹. Согласно действующим нормам вопрос об участии понятых при осмотре места происшествия остается на усмотрении следователя, при этом если по решению следователя понятые в осмотре не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным. Видеозапись — при разработке надлежащей методики — позволит наиболее полно и точно зафиксировать ход и результаты осмотра места происшествия.

Кроме того, роль видеозаписи при фиксации статичных предметов, статичной обстановки в относительно нормальных условиях, т. е. без внешнего воздействия, возможно из-

меняющего место правонарушения, представляется недооцененной. Видеозапись, как и фотосъемка, позволяет осуществить ориентирующую, обзорную, узловую и детальную фиксацию места происшествия в целом, а также отдельных следов преступления в частности. Но помимо этого видеозапись, даже при фиксации предметов, находящихся в состоянии покоя, создает динамическое их изображение.

Во-первых, можно зафиксировать осмотр места происшествия с точки зрения следователя, его подхода к осмотру. Это важно не только для последующего анализа результатов осмотра, но и для оценки действий следователя в случае, если впоследствии появятся сомнения в его компетентности или правомерности его действий: если на видеозаписи зафиксированы изъятие какого-либо вещественного доказательства и его упаковка, то скрыть или исказить его будет довольно сложно.

Во-вторых, возможно создание видеомоделей движения преступника во время совершения преступления, его прибытия на место происшествия и пути отхода. Последующий анализ таких моделей может иметь ориентирующее значение, служить для формирования следственных версий, помочь обнаружить новые следы преступления в тех местах, откуда пришел или куда скрылся преступник.

В-третьих, видеозапись позволит зафиксировать события, которых следственная группа не ожидает, прибыв на место происшествия: от неожиданного падения предметов, повреждение которых сначала не было очевидным, до неожиданного появления преступника, который не успел покинуть место происшествия и спрятался, надеясь дожидаться отъезда следственной группы. Сюда же следует отнести и фиксацию случайных звуков, которым на момент осмотра не придали значения, но которые в дальнейшем могут быть интерпретированы в целях расследования.

И, наконец, *в-четвертых*, в настоящее время не учитывается возможность использования видеозаписи хода осмотра места про-

⁷ См.: Холопова Е. Н., Кравцова Г. К. Особенности назначения и производства комиссионной судебной экспертизы психологической достоверности показаний (по видеоматериалам оперативных мероприятий и следственных действий) // Там же. С. 316–320.

⁸ См. например: Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учеб. М., 2006; Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г. и др. Криминалистика.

⁹ Федеральный закон от 4 марта 2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

ишествия для активизации или восполнения воспоминаний свидетелей или потерпевших, хотя сама тема активизации памяти в последние 20 лет стала предметом активных исследований специалистов¹⁰. До сих пор для этих целей используются фотографии, однако они запечатлевают только фрагменты, которые в момент осмотра показались следователю наиболее значимыми. Видеозапись является целостным динамическим образом, идентичным образу непосредственного восприятия места происшествия, хотя и с позиции подготовленного наблюдателя, что в действительности является ее дополнительным плюсом.

Учитывая изложенное, представляется целесообразной разработка такой методики осмотра места происшествия с использованием видеозаписи, которая позволит реализовать все преимущества этого вида инструментальной фиксации окружающей обстановки. Причем после апробации методика может стать типовой и получить такое же распространение, какое в настоящее время имеет фотосъемка.

Другим современным средством фиксации следов преступления является панорамная 3D-фотография. Фотосъемка осуществляется с использованием специальной насадки на фотоаппарат, позволяющей охватить 360° по горизонтали и вертикали. В результате на экране монитора можно получить полный обзор места происшествия с той точки, где был установлен фотоаппарат. Отдельные фрагменты панорамы можно приближать для более детального осмотра. Такие изображения также больше, чем просто наглядная фиксация отдельных деталей. Они могут использоваться следователем как для последующего анализа места происшествия и поиска новых следов, так и для активизации памяти лиц, дающих показания.

Представляется, что наиболее эффективна эта фотосъемка в случае, когда событие

преступления наблюдали несколько человек (их последующий процессуальный статус может быть различным) с разных точек, возможно, даже не осознавая, что именно они видят¹¹. Создание в подобной ситуации панорамных 3D-фотографий и их последующий совместный анализ позволит определить слепые зоны, т. е. те участки, которые не могли попасть в поле зрения кого-либо или сразу всех очевидцев. Таким образом, можно, с одной стороны, проверить достоверность показаний — доказать, что свидетель не мог видеть те событие или предметы, о наблюдении которых утверждает. Также можно подтвердить, что у очевидца была физическая возможность наблюдать определенные событие или предмет. При этом, однако, следует учитывать, что наличие возможности не обязательно означает реальное наблюдение, т. е. мы подтверждаем, что свидетель «мог видеть», но не обязательно «видел» — вероятное суждение, которое не имеет доказательственного значения, но может служить ориентиром в расследовании. Вывод об отсутствии физической возможности что-либо видеть будет категорическим.

Сравнение панорамных 3D-фотографий требует компьютерного моделирования, специального программного обеспечения и соответствующих специальных знаний, а результаты сравнения должны представлять собой наглядные модели с указанием на зоны видимости каждого из очевидцев, пересекающиеся зоны видимости, слепые зоны. Другими словами, сравнение должно осуществляться в форме судебной экспертизы¹². Судебная экспертиза — довольно затратное следствен-

¹¹ Одной из ярких художественных иллюстраций подобной ситуации является фильм Акиры Куросава «Расемон».

¹² Пока же единственной возможностью для эксперта или специалиста остается трехмерное моделирование криминальной ситуации в виде ее объемного рисунка (Меркулова С. Адвокат злоупотребляет своим правом, пытаясь оценить протоколы — зарисовки с процесса Дзенадзе // URL: <http://pravo.ru/news/view/70776>).

¹⁰ См.: Юридические и психологические проблемы активизации памяти человека в раскрытии преступлений. Вологда, 1999.

ное действие с точки зрения как времени и труда, так и финансов. Однако альтернативой в данном случае будет являться только следственный эксперимент, для проведения которого необходимы воссоздание условий освещения, соответствующих событию преступления (тогда как на панорамных 3D-фотографиях они надежно зафиксированы) и наличие большого количества участников: следователя; при необходимости — понятых; специалистов для фиксации хода и результатов эксперимента; самих очевидцев, — организовать сбор которых может быть крайне затруднительно, (человек может уехать, заболеть, скончаться, умышленно уклоняться от участия в следственных действиях, давать ложные показания). Таким образом, проведение для решения обозначенной задачи судебной экспертизы будет более экономичным и эффективным. В связи с этим необходима разработка методики применения панорамной 3D-фотосъемки при осмотре места происшествия, а также методики нового направления компьютерно-технической экспертизы.

Еще одно средство фиксации следов преступления — *лазерное 3D-сканирование*¹³. В настоящее время этот способ стал довольно активно использоваться в США и Западной Европе. Но его применение российскими правоохранительными органами — дело будущего; основное препятствие здесь — сравнительно высокая стоимость оборудования и отсутствие адекватной задачам расследования преступления методики 3D-фиксации места происшествия.

Лазерный 3D-сканер — техническое средство, заимствованное криминалистикой из геодезии и картографии. Он позволяет, при условии сканирования с нескольких точек, создавать объемные и детализированные мо-

дели места происшествия, каждый фрагмент которых можно приближать и рассматривать отдельно в достаточно высоком качестве; внутри которых можно «перемещаться» — по экрану монитора; которые можно дополнять или изменять для проверки следственных версий. Лазерное 3D-сканирование во многом совмещает возможности видеосъемки и панорамной 3D-фотографии.

Получаемая при этом модель как бы «консервирует» место происшествия, сохраняет в неизменном виде визуальные образы всех предметов, которые впоследствии могут быть изъяты в качестве вещественных доказательств либо утрачены по другим причинам. Она также оставляет неизменными условия освещения и погодные условия, т. е. *позволяет следователю снова и снова возвращаться на место происшествия, анализировать его и искать новые следы преступления.*

В настоящее время существует возможность повторного осмотра места происшествия, однако поскольку данное следственное действие производится спустя значительное время после первичного осмотра, обстановка обычно уже нарушена, не обнаруженные вовремя следы могут быть утрачены, могут появиться новые детали, которые не были зафиксированы при первоначальном осмотре, но объяснить происхождение которых уже невозможно. Вместе с тем лазерное 3D-сканирование позволяет визуально сохранить те следы преступления, которые не были своевременно обнаружены, изъяты и исследованы, а также избежать появления в деле новых деталей, которые не имеют отношения к произошедшему событию.

3D-модель подходит и для работы с лицами, дающими показания по делу, для активизации их памяти, а также для проведения различных компьютерно-технических экспертиз, связанных как с уже описанными задачами, так и с различного рода моделированием — траектории выстрелов, схемы движения участников происшествия, вероятных сценариев развития событий и т. д. Модель,

¹³ О применении лазерного 3D-сканирования см., например: URL: <http://writersforensicsblog.wordpress.com/2012/05/31/new-murder-cam-can-map-a-crime-scene-in-10-minutes/>; <http://blog.faro-europe.com/tag/crime-scene/>.

полученную с помощью лазерного сканирования, возможно использовать и для *верификации показаний или восполнения пробелов*: убрав из модели отдельные детали обстановки места происшествия либо предположив, что на момент фиксации хода и результатов осмотра на месте происшествия уже не хватало каких-то предметов (например, они были похищены преступником, сокрыты лицом, первым прибывшим на место происшествия, и т. д.), можно предложить лицу, чьи показания проверяются, дополнить модель недостающими предметами, которые можно будет выбирать из библиотеки образов, являющейся частью соответствующего программного обеспечения (по аналогии с использованием подобной библиотеки при составлении фотоконпозиционного портрета). Проведение такого мероприятия требует специальных знаний в области компьютерных технологий. С учетом действующего уголовно-процессуального законодательства оно возможно только в рамках судебной экспертизы.

Кроме того, одним из перспективных направлений для дальнейших исследований видится перенос такой модели с экрана монитора в *виртуальную реальность*, создающую эффект присутствия на месте происшествия. Для создания виртуального места происшествия и его использования необходимы специальное программное обеспечение и шлем виртуальной реальности. Наиболее эффективным использованием такой виртуальной модели будет при работе с лицами, дающими показания по делу.

Во-первых, можно предположить, что яркость восприятия обстановки места происшествия в условиях виртуальной реальности окажет более сильное воздействие на память человека, чем фото- или видеоизображение.

Во-вторых, виртуальная модель места происшествия, с учетом детализированности изображения, получаемого в результате лазерного 3D-сканирования, и сохранения всех условий, сопутствовавших первоначальному осмотру места происшествия, может быть ис-

пользована для проверки показаний на месте. Сегодня проверка показаний на месте часто проводится спустя значительный отрезок времени после самого преступления, когда обстановка места происшествия уже нарушена. Виртуальная модель позволяет оказаться на таком месте происшествия, каким оно было в момент первоначального осмотра. Однако безусловно, что данное мероприятие не может считаться собственно следственным действием. Понятие «проверка показаний на месте» использовано здесь условно: до внесения изменений в УПК РФ верификация показаний с помощью виртуальной реальности возможна только в рамках судебной экспертизы.

Интерес представляет также использование различных средств визуальной фиксации следов преступления для составления психологического портрета преступника. В настоящее время для получения наиболее полного психологического портрета преступника используются результаты осмотра места происшествия, фото- и видеосъемка, материалы исследования трупа, информация о перемещении жертвы до смерти и следы перемещения трупа, сведения о личности потерпевшего и т. д.¹⁴ Очевидно, что для составления психологического портрета преступника психологу необходимо получить как можно более полное представление обо всех обнаруженных следах; причем на первоначальном этапе расследования именно осмотр места происшествия является основным источником информации о преступлении¹⁵. Работа психолога непосредственно на месте происшествия в момент осмотра (первичный этап его работы)

¹⁴ См.: Журавель Е. Г. Методы юридической психологии // Юридическая психология. 2009. № 3. С. 4–11.

¹⁵ В некоторых странах основная роль психолога в правоохранительных органах — это психологическое обеспечение оперативно-следственной работы, т. е. работа в качестве *оперативного* или *следственного* психолога. В нашей стране роль психолога в органах традиционно ограничивается поддержанием надлежащего «морального климата» в коллективе и участием в кадровом отборе.

крайне полезна, но, к сожалению, в современных отечественных условиях его включение в состав оперативно-следственной группы требует предварительного преодоления множества бюрократических барьеров¹⁶.

Психолог изучает и анализирует оставленные преступником следы опосредованно, поэтому крайне важно, чтобы они были за-

фиксированы адекватно. Отсюда, трехмерная модель, полученная в результате лазерного сканирования, удобна для использования в этих целях: она не только максимально полно и детально отражает обстановку места происшествия, но еще и удобна в работе, наглядна.

В заключении отметим, что значение использования новых средств и технологий визуальной фиксации следов преступления трудно переоценить: сегодня своевременное раскрытие и полное расследование преступлений без этих средств весьма затруднительно.

¹⁶ См.: Енгальчев В. Ф. Об участии специалиста-психолога в составе постоянно действующей оперативно-следственной группы по раскрытию убийств // Актуальные проблемы правовой реформы в России. Калуга, 2002. С. 160–168.

Конституция и криминалистика: эволюционные и корреляционные точки

УДК 343.98   Рассматриваются вопросы эволюции понимания криминалистики и конституционного права, выявляются корреляционные точки между действующим Основным законом и криминалистической методикой, криминалистической тактикой и криминалистической техникой.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая техника, криминалистическая тактика, криминалистическая методика, конституция

Актуализация проблем связи Конституции РФ и современной российской криминалистики, возможно, не является очевидной для сообщества криминалистов России. Корреляционные точки Основного закона России и криминалистики, выделяемые в настоящей статье, могут быть восприняты в качестве значимых одними исследователями и игнорироваться другими. Это вполне понятно. Дело в том, что многие нормативные правила Конституции РФ (ст. 2, 46, 48, 49, 51, 52, 123 и т. д.) могут не признаваться отдельными учеными-криминалистами, вызывать и них очевидное психологическое сопротивление. Да и основная тематика исследований ученых-криминалистов не связывается с конституционно-правовой материей. Это, однако, не может умалять роли Основного закона для системы законодательства, системного построения юриспруденции, такого же представления юридического знания в высшем юридическом образовании, если криминалистику соотносить с этой системой.

Зашляпин Леонид Александрович,
кандидат юридических наук,
член Международной ассоциации содействия
правосудию
leonid.zashlyapin@gmail.com

Психологическое сопротивление, с которым мы столкнулись в первые годы действия Конституции РФ, которое вызывает у ученых-криминалистов и криминалистов-практиков отдельные положения Конституции, обусловлено консервативностью их правосознания. Многие из нас, в том числе автор настоящей статьи, сформировались как юристы-практики и провели существенную часть своей научной жизни в период действия УПК РСФСР 1961 г. и Конституции РСФСР 1978 г. Естественно, что правила советского позитивного права, системность которого не подвергается сомнению, находились

в непротиворечивой связи с его криминалистикой, гармоничной этой системе.

Сформировавшееся у криминалистов определенное понимание места криминалистики в системе юридических наук и характера ее связи с конституционным правом, в дальнейшем может эволюционировать по законам, заложенным родоначальниками криминалистики и их авторитетными продолжателями. В этой ситуации коллизии между конституционным правом и криминалистикой просто не исключаются. Направления эволюции криминалистики и конституционного права могут быть разными. Но возникающие коллизионные точки являются некоторыми знаковыми векторами, указывающими на возможные существенные изменения в науке криминалистике. При этом очевидно, что не криминалистика детерминирует конституционное право, а конституционное законодательство — криминалистику как науку и практическую деятельность. Иной подход свидетельствует о проявлениях правового нигилизма.

В истории криминалистики была принята попытка коллективно обсудить взаимосвязи нормативных положений Основного закона и криминалистики. В 1979 г. Институтом государства и права АН СССР был выпущен в свет труд, посвященный этим вопросам — «Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка». Книга была приурочена к вступлению в силу новых Конституции СССР и Конституции РСФСР.

Настоящий проект, реализуемый Международной ассоциацией содействия правосудию и Северо-Западным филиалом Российской академии правосудия связывается с 20-летним юбилеем Конституции РФ, т. е. объективно продолжает ряд аналогичных научных мероприятий.

Одним из простых способов формулирования гипотез для настоящей статьи, основанном на заимствовании, является обращение к указанному источнику. К сожалению, в нем лишь одна статья посвящена связи конститу-

ционализма и криминалистики, указывая на степень актуальности этих вопросов для советских криминалистов. Автор этой статьи, известнейший ученый А. Н. Васильев, в ней пишет: «В свете новой Конституции СССР, а также конституций союзных и автономных республик главную задачу науки криминалистики составляет оказание более эффективной помощи практике борьбы с преступностью, повышение научного уровня исследований, расширение и усовершенствование криминалистических методов (средств, приемов), вооружающих следственный аппарат и суд»¹.

Первое положение, почерпнутое из этой цитаты, сводится к тому, что криминалистика является практико-ориентированной наукой и учебной дисциплиной. Ее главная задача не теоретизация, а прагматизация юрисдикционной деятельности субъектов криминалистики. Это может лечь в основу и нашей гипотезы.

Второе положение сводится к тому, что нормы Конституции могут способствовать повышению научного уровня исследований, расширяющих каталог методико-криминалистических и тактико-криминалистических средств, что также нами принимается.

Третье положение — об основных субъектах применения криминалистических знаний: следователей и судей. Первые — очевидность, а вторые были допустимы в качестве субъектов криминалистической деятельности в советском правоприменении в связи с тем, что уголовно-процессуальный закон того времени не закреплял жесткого разделения функций обвинения, защиты, разрешения дела, вследствие чего допускалось смешение этих функций в деятельности различных властных участников производств по уголовным делам. Сегодня такой подход будет ошибочным.

¹ См.: Васильев А. Н. Актуальные проблемы развития советской криминалистики // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979. С. 208.

Четвертое положение состоит в том, что все указанное выше должно связываться с некоторыми принципиальными положениями конституционного права, против чего также нельзя возражать.

Все элементы приведенной авторской позиции, по нашему мнению, можно принимать как обоснованные, и использовать при формировании гипотезы настоящей статьи, но при единственном условии, которое также очевидно: конституционное право подвержено эволюции.

Теперь перейдем к вопросам криминалистики. Если советские конституционное право и криминалистика в то время составляли систему, элементы которой были взаимосвязаны, образуя целостность, то сегодня для определения сохраняющихся и вновь возникающих корреляционных точек необходимо обратиться к понятиям криминалистики, сформулированным в разные годы.

Первое, наиболее близкое к периоду формирования истоков, ядра советской криминалистики понятие: «Советская криминалистика представляет собой науку о расследовании преступлений, т. е. действий, опасных для государства *пролетарской диктатуры и социалистического строительства* (здесь и далее курсив наш. — Л. З.)»².

В данной дефиниции вполне очевидны корреляционные точки, связывавшие криминалистику с принципиальными положениями Конституции РСФСР 1918 г. В ст. 23 этого Основного закона предусматривалось следующее: «Руководствуясь *интересами рабочего класса* в целом, Российская Советская Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам *социалистической революции*».

При сравнении герменевтические и криминалистические подходы оказываются достаточно гармоничными, базирующимися на общей идее этактистского интереса. Человек

вообще (любой человек) в этом случае оказывается вне позитивного права. На первый план криминалистической деятельности выходит советское государство.

Как мы писали в предыдущих работах, анализируя влияние Конституции РСФСР 1918 г. на юрисдикционную деятельность участников уголовного процесса России, государственное законодательство периода формирования исходных положений советской криминалистики не указывало даже на эпигенез прав человека в юрисдикционных производствах, включая производство по уголовным делам. По этой причине первое советское конституционное законодательство в части регулирования им основ криминалистической деятельности (деятельности основных субъектов криминалистики) можно оценивать как принципиально противоположное современному конституционному праву.

Конституция РСФСР 1918 г. создавала возможность прямого и интроспективного подавления человека. Такой нормативный посыл детерминировал научно-практические исследования об эффективном подавлении человека, в том числе криминалистическими средствами. Но идеи позитивного (советского государственного) права определяли не только практическую, но и научную криминалистическую деятельность. Ярким примером служит судьба проф. Г. Маннса, которого авторитетнейший ученый-криминалист Р. С. Белкин относил к пионером отечественной криминалистики. Г. Маннс полагал, что согласно своей природе криминалистика в качестве учебной дисциплины необходима не только следователям, экспертам, агентам уголовного розыска, полиции, но и представителям *защиты*³. Такое ориентирование данной науки на частные интересы, вероятно, было обусловлено особенностями правовой

² Криминалистика. Кн. 1: Техника и тактика расследования преступлений. М., 1935. С. 6.

³ См.: Маннс Г. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Труды профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Иркутск, 1921. Вып. 2. С. 162.

культуры и мировоззрения автора. Юридическое образование Г. Маннс получил и научную деятельность начал осуществлять до 1917 г. К сожалению, жизнь Г. Маннса как «разоблаченного врага народа» прервалась в 30-е гг. XX в.⁴ Вполне закономерно, что иная идеология, не соответствующая советской системе государственного права и аффилированной ей криминалистике, подавлялась.

Изложенное можно принять в качестве аргумента того, что криминалистика в ее изначальном варианте имела жесткую связь с государственным правом (нормами действовавшей Конституции), при этом реализуемая идея сводилась к тому, что криминалистическая деятельность определяется интересами государства. К сожалению, это путь к произволу (в том числе относительно целей, задач и средств) субъектов криминалистической деятельности, проявления которого очевидны как в 30-х гг. прошлого века, так и в последующие⁵.

Второе понятие было сформулировано Р. С. Белкиным в период расцвета советской криминалистики. Он писал, что «криминалистика — наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлений»⁶. Данное определение общеизвестно, и хотя оно эволюционировало, суть его осталась неизменной.

В этом определении для нас важно то, что Р. С. Белкин дистанцировался от Основного закона. Как минимум мы не позво-

ляем себе вольности выявить прямую связь между признаками криминалистики, указанными в приведенной дефиниции, и Конституцией РСФСР 1978 г. Но она присутствует в ином. Позитивное советское право (механизм правового регулирования) дало явный юридико-технологический толчок для развития криминалистики. При этом, однако, отечественная криминалистика получила два разнонаправленных вектора развития, которые предопределили современное отделение криминалистики от безусловно юридической науки уголовного процесса, включение ее в особую группу наук, юридичность которых сомнительна.

В то же время в начале рассматриваемого периода, когда негативные перспективы были неочевидны, Конституция РСФСР 1978 г. выполняла прогрессивную роль в определении перспектив научного развития криминалистики по той причине, что ее нормы изменяли правовой статус личности, формируя ту же общую тенденцию, что заложена в современном конституционном праве. Например, Л. Д. Кокорев, анализируя права и свободы людей, писал в те годы, что «правовой статус личности — проблема, которая должна решаться применительно ко всем участникам процесса, лично заинтересованным в исходе дела, а не только по отношению к обвиняемому»⁷. В связи с этим нормативные правила об обеспечении права на защиту обвиняемого (ст. 170 Конституции РСФСР 1978 г.), презумпировании человека невиновным (ст. 172 Конституции РСФСР 1978 г.), гарантированности оказания юридической помощи адвокатами (ст. 173 Конституции РСФСР 1978 г.) определили появление в науке криминалистики направления, связанного с адвокатской деятельностью и защитой частного интереса (см. работы В. В. Титарен-

⁴ См.: Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 101.

⁵ Более подробно см.: Захляпин Л. А. Основы теории эффективной адвокатской деятельности: прелиминарный аспект. Екатеринбург, 2006. С. 85–96.

⁶ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 59.

⁷ Кокорев Л. Д. Конституция СССР — основа развития и совершенствования правового статуса личности в уголовном судопроизводстве // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979. С. 149.

ко, Т. В. Варфоломеевой⁸ и других ученых-криминалистов).

Появляющаяся технологичность юрисдикционной деятельности в уголовном процессе, очевидно, связана с многосубъектностью этой деятельности. Каждый субъект уголовного судопроизводства юридико-технологически реализует свои стратегические и тактические цели и средства, выводя общую деятельность на некоторый общий юридический результат. В связи с этим в период действия Конституции РСФСР 1978 г. это достаточно гармонично проявлялось в изменении содержания криминалистики, в которой получили развитие направления, посвященные технологиям деятельности традиционного криминалиста-следователя (дознателя), и адвокатским технологиям (криминалистической тактике или криминалистической методике) защиты человека, реализации личного интереса человека, в том числе в досудебном производстве, которое ранее было абсолютным полем деятельности только властного участника уголовного процесса — следователя⁹.

Как следствие, сегодня правила действующего Основного закона влияют на криминалистику, они имеют общие, связывающие их точки. Вопрос сводится лишь к тому, в чем это влияние, на какие разделы криминалистики влияет Конституция?

Дистанцируясь от право-романтических воззрений 90-х гг. прошлого века, мы, например, работы, касающиеся юрисдикционных технологий деятельности адвокатов на предварительном следствии, позиционировали не с наукой криминалистикой, а с наукой уголовного процесса. Для этого у нас была и соответствующая база — классическая мо-

нография по отечественному уголовному процессу Ф. Н. Фаткуллина, Э. Э. Зинатуллина, Я. С. Авраха, содержащая соответствующий юридико-технологический раздел, критика которого со стороны оппонентского круга отсутствовала¹⁰. Такое позиционирование было не напрасным. Развивающееся в науке криминалистики, которая была изначально ориентированной на следователя как властного участника уголовного процесса, направление о защитительной и представительской деятельности адвокатов, естественно, имея надлежащее нормативное обоснование, вызвало негативную реакцию криминалистов, которая, возможно, повлекла и их общее дистанцирование от правовых отраслей, усилила аргументацию того, что криминалистика является неюридической наукой.

Чтобы определить корреляционные точки криминалистики и Основного закона России, надо согласно посылкам А. Н. Васильева представить криминалистику определенным образом. Последняя видится некоторой моделью криминалистической деятельности (криминалистических действий) оптимальной по стратегическим целям, рациональной при закреплении порядка (очередности) реализации тактических задач и средств, эффективной по тактическим задачам и средствам в локальных ситуациях. Оптимальность имеет связь с криминалистической стратегией, рациональность — с криминалистической методикой, эффективность — с криминалистической тактикой. Конечно, приведенное суждение не является определением, не должно рассматриваться в качестве такового. Это некоторая презентация (научная конструкция) для целей настоящей работы актуальной структуры и содержания криминалистики как науки, учебной дисциплины, практической деятельности.

Первое, что надо сравнить, используя приведенную конструкцию, — сформулированные в криминалистике стратегические цели криминалистической деятельности и нормы

⁸ См., например: *Титаренко В. В.* Вопросы тактики участия защитника в производстве следственных и судебных действий // *Криминалистика и судебная экспертиза*. Киев, 1979. Вып. 19; *Варфоломеева Т. В.* Криминалистика и профессиональная деятельность защитника. Киев, 1987.

⁹ Более подробнее см.: *Зашляпин Л. А.* Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве. Екатеринбург, 2007. С. 236–238.

¹⁰ См.: *Фаткуллин Ф. Н., Зинатуллин Э. Э., Аврах Я. С.* Обвинение и защита по уголовным делам. Казань, 1976.

Конституции РФ. При этом в качестве некоего эталонного знания мы будем использовать учебник кафедры криминалистики МГЮУ¹¹ как лидера в криминалистической науке и криминалистическом образовании России, где демонстрируется общепризнанные научным сообществом взгляды.

Из Основного закона России следует, что стратегическими целями юрисдикционной деятельности могут быть обвинение и защита (ст. 123 Конституции РФ), т. е. реализация основных уголовно-процессуальных функций. Реанимируемая ныне в криминалистической науке объективная истина как некая стратегическая цель нам видится за пределами амбициозной для прагматичной науки и учебной дисциплины идей, возносящей простого криминалиста (следователя, дознавателя), да и любого из их начальников, на недостижимые для человека статусные высоты. Категория «истина», не определяясь формально-логически, для нас является библейским положением (Бытие 24:27, Бытие 28:16, Бытие 41:32, Исход 34:6, Второзаконие 22:20). По этой причине (относительно себя) мы считаем, что только чрезмерная гордыня позволит криминалисту говорить о познании им истины и формулировании им стратегической цели, связанной с познанием истины.

Из названных в предыдущем абзаце уголовно-процессуальных функций функцию разрешения дела (правосудия) мы просто отбрасываем, поскольку по природе криминалистика как наука и учебная дисциплина не предназначена для носителей функции разрешения уголовного дела (судей). Оставшиеся две функции — обвинения и защиты — предопределяют суть криминалистической стратегии, включающей формулирование и достижение главных целей юридико-технологической деятельности. Но и из этих двух стратегических целей для криминалистики важна лишь одна, связанная с функцией обвинения. При этом видится неперспективной

идея состязательной криминалистики (криминалистики, которая равно работает на стратегические цели и обвинения, и защиты), поскольку никакая система не может содержать в себе противоположные (конфронтационные элементы). Любая система может и содержит в себе только такие элементы, которые взаимосвязаны друг с другом, взаимодополняют друг друга, образуя в силу данной взаимосвязи ее целостность. В противном случае система разрушается.

Дополнительно подчеркнем, что даже с учетом видов профессионального правосознания криминалисты и представители профессиональной защиты и представительства (адвокаты) — различные не только профессиональные, но даже социальные группы. Попытки объединить противоположности ошибочны. В этом случае как нельзя более уместны пушкинские строки:

В одну телегу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неострожно:
Теперь плачу безумствам дань...

Таким образом, согласно природе криминалистики для нее в качестве возможной стратегии остается только функция обвинения. Эта функция в том виде, в котором она представлена в Конституции РФ, и криминалистика явления — достаточно гармоничные. В связи с этим стоит вспомнить, что родоначальник криминалистики Г. Гросс, определяя природу криминалистики, т. е. ее содержание, установленное при ее возникновении, рассматривал криминалистику в качестве направления, прикладного к уголовному праву¹². Получается, что генетически криминалистика по сути сводится к юрисдикционной технологии, правоприменению, реализации нормы уголовного закона.

Но и конституционное понимание функции обвинения тоже связывается с реализацией норм уголовного закона. Обвинять (осу-

¹¹ См.: Криминалистика : учеб. / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2011.

¹² См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. IX.

щественность криминалистическую деятельность, ретроспективно познавать преступное событие прошлого, по следам восстанавливать его, одновременно его доказывая) можно только по конкретному уголовно-правовому составу преступления.

Здесь сразу вспоминается, что до 60-х гг. прошлого века многие методики расследования отдельных типов, видов и групп преступлений начинались с изложения предмета доказывания, что весьма логично. Именно предмет доказывания, включая доказывание состава преступления, формирует стратегическое направление в деятельности криминалиста от возбуждения производства по конкретному уголовно-правовому составу до вступления в силу обвинительного приговора по тому же составу (воплощение стратегической цели в стратегический результат). В связи с этой юридико-технологической очевидностью криминалистическая стратегия как особый раздел криминалистики, имеющий отношение к содержанию методик расследования отдельных типов, видов и групп преступлений, уже предлагалась в качестве таковой А. В. Дуловым¹³. К сожалению, его идея, которая нам видится весьма продуктивной, пока не нашла поддержки в научной среде, из-за чего этого элемента нет в предметном знании учебной дисциплины «Криминалистика», да и в объективной области науки «Криминалистика».

Действующая Конституция РФ дает криминалистам идею актуализации криминалистической стратегии или хотя бы формулирования элемента криминалистической методики расследования отдельных типов, групп или видов преступлений. Ранее нами достаточно подробно было рассмотрено понимание стратегии для профессиональной деятельности защитников и представителей¹⁴. Причем при анализе стратегии защитников и представителей, действующих в уголовном досудебном

производстве, мы в меньшей части заимствовали идеи из науки криминалистики, а в большей — из теории военного искусства, что было продуктивнее. Если бы криминалисты сочли это возможным, хотя бы теоретический обзор понимания стратегии из этого источника, можно было бы использовать для формулирования криминалистической стратегии, стратегических целей ведения юридического дела следователем (дознавателем) в досудебном производстве. Стратегия, определяя главные цели ведения дела (предварительного расследования, юридико-технологической конструкции методики расследования отдельного типа, вида или группы преступлений), является стержнем данной юридико-технологической конструкции. Ядро этого стержня — состав преступления (предмет доказывания).

В современной криминалистике дело обстоит иначе, в ней место стратегической цели занимает криминалистическая характеристика преступления. К сожалению, резкой критики Р. С. Белкиным¹⁵ этого фантома криминалистики — криминалистической характеристики преступлений, оказалось недостаточно, чтобы нормализовать ситуацию, и он (этот фантом) по-прежнему доминирует в диссертационных исследованиях, посвященных методикам расследования отдельных типов, видов и групп преступлений, при игнорировании стратегической (главной) цели расследования, определяющей содержание всей криминалистической деятельности (модели криминалистической деятельности, представляемой в методике расследования отдельного типа, вида или группы преступлений).

Основной закон Российской Федерации, по нашему мнению, дает нам повод для обязательного рассмотрения в качестве элемента криминалистической методики стратегического раздела. Еще в одной из своих ранних работ Л. Я. Драпкин сформулировал мысль о том, что криминалистическая характеристика

¹³ Криминалистика / под ред. А. В. Дулова. Минск, 1996. С. 27.

¹⁴ См.: *Защляпин Л. А.* Основы теории эффективной адвокатской деятельности: прелиминарный аспект. С. 307–559.

¹⁵ См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.

преступления как элемент методики расследования отдельных видов и групп преступлений — это перечень примерных ответов для следователя, а вот перечень конкретных же вопросов следователю в этом случае есть предмет доказывания (обстоятельства, подлежащие установлению по делу)¹⁶. Предмет доказывания и образует для криминалиста практика, под которым мы мыслим прежде всего следователя или дознавателя, стратегию по уголовному делу, главную цель его криминалистической деятельности. Одновременно криминалистическая стратегия по уголовному делу оказывается близка обвинению по нему. Таким образом, нормативные правила Конституции коррелируют с содержанием современной криминалистики.

Упомянутая выше ст. 123 Конституции России, расширяя научное, образовательное и прагматическое содержание криминалистики (криминалистической деятельности) за счет включения в нее криминалистической стратегии, позволяет гармонично связать обвинительную деятельность в досудебном производстве, осуществляемую следователем (дознавателем), и обвинительную деятельность государственного обвинителя. В связи с этим представители науки криминалистики легко могут назвать ряд научных работ, в которых особенности методики расследования уголовных дел в досудебном производстве (предварительного расследования) и государственного обвинения рассматривались вместе¹⁷.

Данный подход вполне обоснован. Юрико-технологическая связь расследования

(модели расследования по предлагаемой научной методике расследования) и государственного обвинения в суде (модели обвинительной деятельности по предлагаемой научной методике государственного обвинения) осуществляется прежде всего через стратегию обвинения. Следователь и государственный обвинитель реализуют одну и ту же стратегию (стратегическую цель). Государственный обвинитель поддерживает обвинение по тому конкретному обвинению (уголовно-правовому составу преступления), которое инициировал следователь или дознаватель в постановлении о возбуждении уголовного дела или о предъявлении обвинения. Государственный обвинитель продолжает линию обвинения, начатую следователем или дознавателем. Разрыв стратегии, разрыв обвинительной линии, отсутствие преемственности означает деформацию реализации главной (стратегической) цели в производстве по уголовному делу.

В этом случае нормативная конструкция ст. 123 действующего Основного закона актуализирует для криминалистов расширение криминаликтико-стратегических исследований, связанных не только с деятельностью следователя или дознавателя в качестве основного потребителя их научной продукции, но и с деятельностью государственного обвинителя. Нам это видится весьма разумным с точки зрения юрико-технологического подхода.

При этом в выбранном нами эталоне — учебнике МГЮУ — при представлении методики расследования, например, нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (подготовлена В. Д. Кормой) не рассматривается стратегическое единство (взаимосвязь) предварительного следствия и государственного обвинения, осуществляемого властными участниками уголовного процесса¹⁸. Это является весьма привычной для нас криминалистичес-

¹⁶ См.: *Драпкин Л. Я.* Предмет доказывания и криминалистическая характеристика преступлений // *Криминалистическая характеристика преступлений*. Свердловск, 1978. С. 11–18

¹⁷ См., например: *Гармаев Ю. П., Шанин Д. Г.* Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков. М., 2009; *Серова Е. Б.* Актуальные теоретические и практические проблемы расследования и поддержания государственного обвинения по делам о вымогательстве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998.

¹⁸ См., например главу об основах методики расследования нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, подготовленную В. Д. Кормой: *Криминалистика* / под ред. Е. П. Ищенко. С. 418–431.

кой нормой. Мы, криминалисты, в абсолютном охвате создаваемого контента, не видим той прагматической сути криминалистической деятельности в досудебном производстве (материалы уголовного дела), результаты которой должны получить развитие в стратегии государственного обвинения. Именно продолжение стратегии обвинения детерминирует вполне определенные тактические решения государственного обвинителя, касающиеся реализации тактических средств (тактики судебных действий) в ходе судебного разбирательства, а стратегические ошибки следователя влекут порой неразрешимые (для нормализованной процедуры) проблемы при поддержании государственного обвинения.

Работы, в которых методика предварительного расследования и государственного обвинения рассматриваются в одном контексте, не подтверждают, что это устоявшееся научное правило. Для того чтобы реализовать нормативные идеи действующей Конституции, необходимо создать такие юридико-технологические элементы конструкций методик расследования и судебного рассмотрения отдельных типов, групп и видов преступлений, в которых элементы связи между стратегической линией предварительного следствия и судебного разбирательства будут обязательными.

Содержательная связь между нормами Основного закона России и криминалистикой, касающаяся принципов юридико-технологического конструирования методик расследования отдельных типов, групп и видов преступлений, имеет и иные корреляционные точки. Например, сегодня, следуя традициям прошлых лет, криминалистические методики абсолютно ориентированы на публичный интерес в выявлении и привлечении лица, совершившего противоправное деяние, к уголовной ответственности. При этом потерпевшие не всегда (или не только) руководствуются публичным началом в своей деятельности. Их интерес может состоять и в ином. Нормативная база для этого содержится в действующем Основном законе. В силу правил ст. 2 Конституции РФ че-

ловек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание которых является обязанностью государства. Полагаем, что это формирует основания для выделения отличающихся от распространенных стратегических целей производства по уголовным делам (криминалистической стратегии). Особенно сказанное касается ситуаций, конституционное регулирование которых идет в связке с нормами ст. 52 Конституции РФ. Последние устанавливают, в частности, что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Поскольку доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве осуществляется через предварительное расследование (реализованную методику расследования отдельного типа, группы или вида преступлений), очевидно, что юридико-технологическая конструкция частной методики должна содержать стратегическую цель, связанную с реализацией потерпевшим (гражданским истцом) гражданско-правовых требований по иску в уголовном судопроизводстве. Через координацию стратегической цели, определяемой публичным интересом выявления и привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего противоправное деяние, и стратегической цели, разрешающей частный интерес потерпевшего (гражданского истца в уголовном судопроизводстве) во взыскании с виновного ущерба, возможно формирование консолидированной криминалистической стратегии, отвечающей целям уголовной политики.

Для этого в структуру методик расследования отдельных типов, групп и видов преступлений необходимо включать комплекс тактических действий и решений, позволяющих потерпевшему (гражданскому истцу в уголовном судопроизводстве) сформулировать свои исковые требования (схоже с обвинительным тезисом), в установленном уголовно-процессуальным законом порядке их доказать, обеспечить исполнение приговора в части взыскания с осужденного (гражданского ответчика).

Конечно же, в этом состоит реализация либеральных идей нашего Основного закона.

Но их воплощение в научные модели производства по уголовным делам, в образовательный процесс, посвященный особенностям расследования отдельных типов, групп и видов преступлений, в реальные криминалистические методики позволит решить и задачи уголовной политики, установления в России правового режима, заложенного в качестве образа в наш Основной закон (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ).

Корреляционные точки между современной криминалистикой и Конституцией РФ находятся в области не только криминалистической методики, но и криминалистической тактики. Они, по нашему мнению, более очевидны для криминалистов. Так называемое «Правило Маслова», связываемое с нормой ст. 51 Конституции РФ о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, уже достаточно давно определяет содержание тактических задач для действий, связанных с получением вербальной информации от лиц, в отношении которых совершаются действия уличающего характера. Осознание этого пришло к криминалистам на сразу. Как и у каждого человека, их правосознание консервативно.

Сегодня устанавливаемые нормами ст. 51 Конституции РФ ограничения тактических задач по получению информации от так называемого свидетеля под подозрением, подозреваемого, обвиняемого в ходе допроса, очной ставки, проверки показаний на месте обычно рассматривается при анализе соответствующих частных тактик. Однако это не является правилом. В выбранном нами (в качестве эталонного) учебнике, в разделе об особенностях тактики допроса по делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств момент конституционного регулирования этих действий упущен¹⁹. Водители в делах о нарушениях правил дорожного движения часто предварительно

опрашиваются, а их письменные объяснения используются в качестве тактического средства при последующем допросе или в качестве иных документов, используемых в качестве доказательств (ст. 84 УПК РФ). Равным образом до выявления всех обстоятельств события водители допрашиваются в качестве свидетелей, а их показания используются в качестве доказательств. Как нам кажется, конституционные нормы, являющиеся факторами тактического содержания следственных действий, должны обязательно учитываться при формулировании тактико-криминалистических рекомендаций.

Вполне очевидно с уровня конституционного регулирования, что под воздействием нормы ч. 2 ст. 49 Конституции РФ (следующая корреляционная точка) ученые-криминалисты должны разрабатывать такие частные тактики принятия решений и производства отдельных следственных действий, которые не противоречат Основному закону. При этом во избежание формирования нигилистического правосознания у студентов тактические рекомендации, учитывающие конституционные правила, должны не подразумеваться, а излагаться в качестве условий, определяющих тактические задачи и выбор тактических средств при их реализации.

По нашему мнению, в разделе «Следственная тактика» должны быть актуализированы задачи, связанные с частной тактикой, которую мы условно называем «тактикой *in dubio pro teo*». Это относится и к тактике принятия решений, и к тактике производства отдельных следственных действий. Нормы ч. 2 ст. 49 Конституции РФ о толковании неустранимых сомнений в виновности лица в пользу обвиняемого могут определять, например, тактическое содержание следственных экспериментов, оценки заключений экспертов, результатов допроса экспертов.

В тех случаях, когда в тактическом содержании следственного действия речь идет, например, о возможности видеть или слышать событие дорожно-транспортного происше-

¹⁹ См.: Криминалистика / под ред. Е. П. Ищенко. С. 425–427.

ствия²⁰, возникает ситуация некатегоричности. Tактический результат, состоящий в установлении лишь возможности события, не является категоричным тактическим результатом, обуславливает возникновение сомнений. Соответственно тактика производства следственного эксперимента, когда визуальное наблюдение или звуковое восприятие возможно, но не очевидно, образует особое тактическое содержание даже в части принятия решения о производстве данного следственного действия. Вероятность получаемых тактических результатов в ходе производства следственного эксперимента сегодня есть некоторое привычное и устоявшееся принятие криминалистами такой тактики, но она, по нашему мнению, и в свете нормы ч. 3 ст. 49 Конституции РФ требует принятия следующих тактических решений о производстве следственных действий, формулирования для них тактических задач, которые снижают степень сомнения, степень вероятности, преобразуют полученные криминалистом вероятные тактические результаты в категоричные.

Приведенные суждения равно применимы и к тактическому содержанию оценки заключений экспертов. Если в ходе производства экспертного исследования носитель специального знания не приходит к категоричному заключению, это оставляет долю сомнения. Остающееся сомнение влечет формулирование тактической задачи (экспертного задания) для назначения и производства повторной, дополнительной судебной экспертизы или иной первоначальной. Тактика *in dubio pro reo* требует реализации юридико-технологических алгоритмов, которые снижают долю сомнения. Пока это, к сожалению, не является общепринятым.

По гамбургскому счету содержание криминалистической тактики, сформированное в основном в период действия Конституции РСФСР 1918 г., Конституции РСФСР 1937 г., Конституции РСФСР 1978 г., может

быть существенно пересмотрено с ориентацией на действующий Основной закон России.

Это же научное решение может быть принято и в отношении криминалистической техники. Конечно, в большинстве сегментов технико-криминалистическое знание, применяемое в предварительном расследования и судебном рассмотрении уголовных дел, является стабильным и самодостаточным. Но это относится не ко всем сегментам раздела «Криминалистическая техника».

Например, если использовать в качестве способа опровержения суждений об абсолютной неподвластности конституционному регулированию раздела «Криминалистическая техника» тематику о криминалистических учетах (криминалистической регистрации), то нам видится некоторая корреляция криминалистической техники с конституционными правилами ч. 1 ст. 23 (право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защиту чести и доброго имени), ч. 1 ст. 24 (недопущение сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия) и ч. 2 ст. 24 (обеспечение органами государственной власти и должными лицами каждому возможности ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы). Ряд криминалистических учетов, касающихся лиц, может подпадать под непосредственное регулирование Конституции РФ. Но это — как минимум, поскольку тематика, связанная с дактилоскопией, судебной баллистикой находится содержательно весьма близко к тематике о криминалистических учетах.

Таким образом, несмотря на то, что принцип законности (с упоминанием Конституции РФ) рассматривается в разделе об общей теории криминалистики, его конкретное воплощение в разделах «Криминалистическая техника», «Криминалистическая тактика», «Криминалистическая методика» сегодня только подразумевается, не всегда реально. Это и создает, по нашему мнению, новые задачи для субъектов научно-криминалистической деятельности.

²⁰ См.: Криминалистика / под ред. Е. П. Ищенко. С. 425–427.

Механизм целеопределения в расследовании

УДК 343.131 Изложены теоретические вопросы целеопределения в расследовании. Освещена система целей по уголовному делу и исследован механизм целеопределения в расследовании.

Ключевые слова: цели расследования, предмет расследования, следственные версии, целеопределение, организация расследования

Конституция РФ является исходным, базовым правовым основанием для объективного и полного расследования как предварительной части правосудия. В реализации этого принципиального положения важную роль играет целеопределение — процесс формирования предмета деятельности.

В расследовании, как и в любой социальной деятельности, цель — модель будущего результата. В уголовно-процессуальном законе должны закрепляться основные цели расследования и всего уголовного судопроизводства. Это необходимо ввиду их социальной значимости и достижения единообразной направленности уголовного судопроизводства.

Учеными-юристами предлагаются классификации целей расследования и уголовного судопроизводства. Так, И. М. Лузгин выделял общие, специальные, особенные и частные цели¹. П. С. Элькинд делила цели на перспективные и ближайшие, общие и конкретные².

Зеленский Владимир Дмитриевич,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Полагаем, что существует основная, конечная, цель уголовного судопроизводства как результат расследования и правосудия. Нет сомнения, что таким результатом является установление истины, т. е. соответствия доказанных обстоятельств дела тому, что произошло в действительности. Установление истины — это безусловно обязательная цель расследования каждого преступного деяния и всего уголовного

¹ См.: Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 114–116.

² См.: Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 37–39. О целях расследования см. также работы М. В. Головина, В. А. Дубриного, В. И. Комиссарова, А. И. Михайлова и др.

судопроизводства в целом. До недавнего времени это ни у кого не вызывало сомнения. Не вдаваясь в существо высказанных по этому поводу иных точек зрения, отметим, что «... определение объективной истины как цели уголовно-процессуального доказывания полностью соответствует современной научной методологии, а также зиждется на традиционной модели российского уголовного судопроизводства»³. Можно только приветствовать предложение А. И. Бастрыкина о восстановлении в российском уголовном судопроизводстве нормы об истине как цели доказывания и требования об обеспечении всестороннего, объективного и полного расследования и судебного разбирательства⁴. Добавим, что при отсутствии такого требования следователь может постепенно утратить стремление к объективности расследования, что неизбежно влечет снижение его качества.

Все другие цели расследования можно разделить на общие, т. е. относящиеся ко всей деятельности, и частные — цели следственных действий и их сочетаний. Соответственно их можно назвать стратегическими и тактическими.

Основная стратегическая цель расследования — раскрытие преступления. Под раскрытием понимается установление всех юридически значимых обстоятельств преступления и лица, его совершившего. Раскрытие позволяет решать все иные задачи расследования, в том числе и те, что указаны в ст. 6 УПК РФ.

К общим целям относятся также правильное (обоснованное) применение закона, защита прав и законных интересов граждан и организаций от преступных посягательств, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод.

³ См.: Бастрыкин А. И. О возможности введения в УПК РФ института установления объективной истины // Прокурорская и следственная практика. 2013. № 1. С. 26.

⁴ Там же.

Частные, или тактические, цели расследования являются промежуточными. Посредством их достижения обеспечивается, в том числе реализация общих целей. Частные цели многочисленны и определяются в каждом отдельном расследовании следователем.

Целеопределение — это интеллектуальный процесс. Сущность его состоит в осмыслении следователем имеющегося доказательственной и иной информации и определении (конкретизации) обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Характер и объем указанного мыслительного процесса зависят в основном от содержания следственной ситуации начального этапа расследования.

Все преступления по обстоятельствам совершения делятся на две группы: совершенные в условиях очевидности, в присутствии свидетелей и совершенные тайно, без свидетелей. В первом случае эти обстоятельства устанавливаются с помощью прямых доказательств. Во втором выявляются промежуточные факты, посредством которых устанавливаются обстоятельства, входящие в предмет доказывания.

В начале расследования, еще до возбуждения уголовного дела следователь предполагает, что совершено преступление определенного вида. Обстоятельства, входящие в предмет доказывания, предписаны уголовно-процессуальным законом. Но следователь должен конкретизировать их применительно к данному расследованию. Ввиду недостатка информации закономерно возникают различные предположения о существовании отдельных обстоятельств — строятся криминалистические версии. Во второй ситуации версии строятся в несколько рядов: о событии преступления в целом, о личности преступника, об элементах состава преступления, об отдельных обстоятельствах события.

Еще одна ситуация начального этапа расследования — отсутствие сведений о признаках конкретного преступления. В таких ситуациях одно и то же обстоятельство может быть признаком совершения определенного

преступления либо иного события, преступлением не являющимся. В этом случае следователь пытается отыскать признаки конкретного преступления, после чего процесс целеопределения осуществляется указанным образом.

Цели расследования определяются в процессе последовательного анализа каждого обстоятельства, входящего в предмет доказывания, если оно неочевидно. При этом осмысливаются связи выявленных обстоятельств, идет умственный поиск возможных промежуточных фактов. По каждому из обстоятельств, существование которых не установлено, строятся следственные версии.

Механизм целеопределения с использованием следственных версий в целом можно охарактеризовать так. Из каждой построенной следственной версии выводятся логические следствия. Логические следствия — это сведения о фактах, которые должны реально существовать при условии, что данная версия верна. Круг этих фактов должен быть по возможности исчерпывающим. Это важно, так как выпадение из поля зрения следователя любого факта может серьезно повлиять на результаты расследования. Решить эту задачу следователь может, если хорошо знает криминалистическую характеристику расследуемого преступления. В первую очередь это знание типичных следов и иных фактических данных, которые характерны для определенного способа совершения преступления в конкретной обстановке.

Помимо этого следователю необходимо изучить процесс совершения преступления и его отражения в окружающей обстановке как деятельности, как события, имеющего свои составные элементы. Другими словами, следователь должен изучать и анализировать реальные жизненные события и составляющие их обстоятельства. При необходимости важна консультационная помощь сведущих лиц. Таким путем будут определены все промежуточные факты, которые должны (могут) существовать при условии, что версия верна. Установление указанных фактов — это

цели следственных действий и иных действий и их сочетаний. Это тактические цели расследования.

Следственных версий несколько; обстоятельства совершения преступления взаимосвязанны. По этим причинам одни и те же промежуточные факты могут относиться к разным версиям, т. е. возникают так называемые общевersionные вопросы. Выяснение таких вопросов необходимо для установления определенного обстоятельства.

Существует и внеversionные вопросы, т. е. такие промежуточные факты, по поводу которых версии не строятся. Расследование осуществляется по определенным, выработанным теорией и практикой направлениям поиска ориентирующей информации и доказательств. Основные из них: исследование места происшествия и прилегающей местности; установление личности потерпевшего как системы его взаимоотношений и проявлений в реальной жизни; поиск и установление подозреваемого; изучение механизма преступления; изучение содержания преступления как части социальной деятельности. Изначально следователь в зависимости от вида преступления осуществляет поиск и получение информации по этим направлениям независимо от того, строит ли он какие-либо версии или нет. Кроме того, существуют обстоятельства, которые выявляются без построения версии (выяснение образа жизни и характеристик обвиняемого и др.).

Таким образом, в расследовании существуют цели нескольких уровней.

Руководствуясь общими целями расследования, следователь конкретизирует их применительно к отдельному расследованию. Перечень обстоятельств, рекомендуемых методикой расследования преступления, конкретизируется на основе исходной и собранной в ходе неотложных следственных действий информации.

Тактические цели расследования — это цели следственных и иных действий (оперативно-розыскных, служебных проверочных, иных процессуальных, организационно-

подготовительных). Подуровнем целей этого третьего уровня являются задачи, обусловленные тактикой производства следственных действий и их сочетаний.

По каждому уголовному делу конкретизируются общие цели, цели по элементам состава преступления (особо значимые — цели установления личности обвиняемого), цели следственных действий, общевersionные вопросы и задачи, определенные тактическим замыслом расследования и тактикой производства следственных и иных действий. Все указанные цели взаимосвязаны. Взаимосвязь, взаимопроникновение, взаимообусловленность целей с определенной обособленностью и хронологической последовательностью их установления объективно образует систему целей расследования. Выделение уровней этой системы преследует не только методическую, но и чисто практическую цель: научить следователя выявлять исчерпывающий перечень целей по отдельному расследованию. Построение системы целей по уголовному делу позволяет конкретизировать предмет и направления его расследования.

Механизм целеопределения представляет собой (повторим) интеллектуальный организационно-аналитический процесс по определению обстоятельств, подлежащих установлению по делу. Целеопределение осуществляется большей частью на первоначальном этапе расследования. Содержание его схематически выглядит так: изучение необходимой информации — поиск и получение информации по основным направлениям — построение следственных версий — выведение логический следствий, определение перечня промежуточных фактов, подлежащих установлению, — построение системы целей по

уголовному делу — конкретизация предмета расследования — планирование расследования. Планирование взаимосвязано с целеопределением, практически осуществляется вслед за ним.

Характеристика целеопределения как определяющего начала расследования зависит от криминалистической сложности расследования. Под криминалистической сложностью понимается характеристика содержательной стороны расследования, включающей силы, средства, объем и интенсивность их применения⁵. По степени криминалистической сложности выделяются четыре вида расследования: простые, усложненные, сложные и особо сложные. В простых расследованиях целеопределение не носит развернутого характера. Его цели конкретизируются сразу. В усложненных и других видах расследования, когда строятся следственные версии, механизм целеопределения как сложного интеллектуального процесса, включает все изложенные элементы.

Целеопределение является образующим началом расследования. Знание механизма этого процесса позволяет вырабатывать навыки конкретизации предмета отдельного расследования и оценки материалов окончательного уголовного дела как на досудебном следствии, так и в суде.

⁵ О понятии криминалистической сложности расследования и ее видах см. следующие работы автора данной статьи: *Зеленский В. Д.* Организация расследования. Криминалистические аспекты. Ростов н/Д, 1989. С. 21–29; *Зеленский В. Д.* Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011. С. 26–34.

Конституционные основы криминалистической тактики по делам экономической направленности

УДК 343.985 Криминалистическая тактика по делам экономической направленности определяется конституционными нормами, что предусмотрено главным критерии допустимости тактических приемов — их законностью. Конституционные ограничения прав и свобод граждан, закрепленные отраслевыми федеральными законами, распространяются на тактические особенности осуществления следственных действий при расследовании уголовных дел экономической направленности.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, тактические приемы, конституция, права человека

Сегодня криминалистическая тактика существует, адаптируется и развивается в новых условиях реализации уголовно-процессуальной концепции состязательности и компромисса. В условиях противоречивости становления новых требований судопроизводства далеко не просто происходит процесс обновления тактического обслуживания законодательных новелл.

Особенно это касается соблюдения конституционных основ при применении тактических приемов сопровождающих следственные действия. Много таких вопросов возникает при расследовании почти всех видов уголовных дел, но даже на этом фоне выделяются не в лучшем свете дела экономической направленности.

Карепанов Николай Васильевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
Уральской государственной юридической
академии,
karepanov@mail.ru

Конституция РФ является основным источником формирования различных отраслей права и действующего законодательства, так как определяет главные принципы провозглашенных прав и свобод человека и гражданина, соблюдение и защита которых является обязанностью государства¹.

¹ См.: Даровских Ю. В. Конституционные основы защиты прав потерпевших в уголовном судопроизводстве // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях. Тюмень, 2012. Вып. 9. С. 268.

В нашей статье затрагивается лишь один аспект защиты прав личности. Права и законные интересы граждан нарушаются совершенным преступлением. В этом случае права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ).

В Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности являются обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ). Как следует из взаимосвязанных положений ст. 10, 17 и 18 Конституции РФ, этой обязанностью обусловлена деятельность органов государственной власти, в том числе исполнительной и судебной, призванных гарантировать неотъемлемость и неотчуждаемость основных прав и свобод человека и гражданина.

«Высшая ценность» — это не юридическая, а нравственная категория, но попав в конституционный текст, она превратилась в категорию правовую, т. е. в обязательное правило для всех членов общества, как облеченных, так и не облеченных властью².

Статья 118 Конституции РФ определяет: правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

Значит ли это, что под правосудием следует понимать исключительно деятельность суда по разрешению конкретного уголовного дела или оно имеет и дополнительное смысловое содержание?

Следует ли относить к субъектам, чьи права защищаются государством, только потерпевшего, статус которого четко регламентирован законом, или к этой категории могут относиться и другие лица, являющиеся жертвами преступления?

Можно ли распространить государственные гарантии на тех лиц, чей статус в законе

четко не определен или не совпадает с провозглашенным?

Каково истинное положение по защите прав лиц при осуществлении уголовного судопроизводства и насколько реально обеспечено право граждан на доступ к правосудию в сфере уголовной юстиции?

Еще более дискуссионным видится вопрос о конституционном статусе обвиняемого, особенно того, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. С одной стороны, обвиняемый обладает всей совокупностью прав, декларированных в Конституции РФ, с другой стороны, государство оставляет за собой возможность ограничивать права и свободы обвиняемого при наличии определенных оснований и в строгом процессуальном порядке³.

Лица, содержащиеся под стражей, остаются невиновными до тех пор, пока обвинительный приговор не вступит в законную силу, поэтому ограничение их прав является вынужденной мерой, принятие которой обусловлено необходимостью достижения целей, поставленных при применении предварительного заключения, и поддержания порядка в местах содержания под стражей.

Н. В. Витрук утверждает, что правовой статус лиц, находящихся в местах предварительного заключения в связи с подозрением и обвинением в совершенном преступлении, является специальным. Содержание специального статуса составляют права и обязанности субъекта, установленные нормами различных отраслей права⁴.

Возвращаясь к вопросу об осуществлении правосудия только судом (ст. 118 Конституции РФ), следует обратить внимание на сущность судопроизводства.

³ Луцкин Н. В. К вопросу о классификации конституционных прав обвиняемого в России // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях. Тюмень, 2011. Вып. 8. С. 203.

⁴ Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 15.

² См.: Конституционное право Российской Федерации : учеб. / под ред. М. В. Баглая. М., 2007. С.116.

Принимая конституционное установление буквально и исходя из системы уголовного судопроизводства, его стадийности и стоящих перед ним задач, можно утверждать, что правосудие не ограничивается деятельностью самого суда, который принимает решение только с учетом материалов предварительного расследования. Поэтому доступ к правосудию в сфере уголовной юстиции зависит от того, насколько эффективно будут проведены действия следователем или дознавателем при расследовании уголовных дел, в том числе при производстве отдельных следственных действий.

Эффективное производство отдельных следственных действий и расследование уголовного дела в целом возможно только при использовании рекомендаций, разработанных криминалистической тактикой, соответствующих тактических приемов.

Криминалистической тактике уделяется особое значение при расследовании преступлений, совершенных в сфере экономики. Во-первых, это наиболее сложные уголовные дела с точки зрения доказывания. Во-вторых, очень непросто при расследовании таких дел провести разграничение между гражданско-правовыми отношениями и уголовным деликтом. В-третьих, государство в последнее время проводит политику либерализации экономических составов преступлений, видимо, считая их менее опасными по сравнению с преступлениями против личности. Не вдаваясь в обсуждение правильности этого подхода, исходим из того, что расследование таких дел происходит в усложненной обстановке.

Эти обстоятельства заставляют следователей усиливать меры и возможности установления истины по делу и, главное, закрепления доказательствами выявленных фактов, особенно направленность умысла виновных.

Задача это не простая, тактические приемы, применяемые при производстве отдельных следственных действий и расследования в целом многообразны, разные по степени риска нарушений прав человека, не закреплены в отраслевых законах. Эти обстоятельства дают повод для постановки вопроса, насколько конституционны эти действия, в чем выражается конституционная основа их применения.

На наш взгляд, конституционность тактических приемов основана на их критериях допустимости: а) соответствие закону; б) соответствие принципам морали и этики; в) научная обоснованность. Особенно первому из них. Тактический прием, противоречащий любому отраслевому закону, во-первых, не является по сути своей тактическим приемом; во-вторых, становится неконституционным, нарушая права человека и гражданина, поскольку государство в данном случае нашло нужным ограничить свободы человека в данной ситуации, не наделило специальным его статусом.

В том же случае, если применяемые следователями тактические приемы при производстве отдельных следственных действий или расследования экономических преступлений в целом соответствуют федеральным законам, не нарушают их требования, они (тактические приемы) являются законно обоснованными, конституционными. К ним смело можно применять положения о том, что содержание специального статуса составляют права и обязанности субъекта, установленными различными отраслями права. Это и определяет в конечном счете основу конституционности криминалистической тактики в целом и применения тактических приемов при расследовании уголовных дел экономической направленности, в частности.

В. Д. Корма, В. А. Образцов

О криминалистической трактовке понятия технологии

УДК 343.98.076 В статье рассмотрено понятие криминалистической технологии, сформулировано его определение как в научном (криминалистическом), так и в практическом (антикриминальном) значении; обозначена структура моделей технологии в научной и антикриминальной деятельности.

Ключевые слова: антикриминальная деятельность; криминалистическая технология; структура моделей технологии; научные (криминалистические) и практические модели технологий

Сравнительно долгое время развитие языка криминалистики на ее, образно говоря, технологическом фронте, ограничивалось элементарным заимствованием не интерпретируемой надлежащим образом специальной терминологии из различных областей научно-технического знания. И лишь в последние годы минувшего XX столетия тематика технологического характера вышла на уровень общетеоретического научного анализа криминалистов. Анализ результатов проведенных на этом направлении исследований показывает, что криминалистика стоит на пороге формирования новой частной теории — учения о криминалистической технологии. При этом одним из центральных, остающихся до сих пор нерешенным является вопрос о разработке адекватного реального определения понятия криминалистической технологии как одного из основных элементов понятийно-терминологического аппарата категориального уровня.

Корма Василий Дмитриевич,
доктор юридических наук, профессор
кафедры криминалистики
Московского государственного
юридического университета
имени О. Е. Кутафина
v.d.korma@gmail.com

Образцов Виктор Александрович,
доктор юридических наук, профессор

В словарях технология это, с одной стороны, совокупность «производственных операций, методов и процессов в определенной отрасли производства или совокупность приемов, применяемых в каком-либо деле, с другой, — совокупность знаний о способах обработки материалов, изделий, методах осуществления каких-либо производственных процессов»¹. Такая трактовка указанного понятия

¹ См., например: Современный толковый словарь русского языка. М., 2004. С. 829.

по сей день является доминирующей и в отечественной криминалистике. Между тем на современном этапе развития мировое научное знание сделало значительный шаг вперед и на этом направлении. Современная научная парадигма ориентирует на актуальное рассмотрение проблемы научной и практической технологий в более широком контексте, чем прежде, предлагая не ограничивать сферу технологических мысли и действий сугубо техническим смыслом, связанным с производством, распределением, потреблением и исследованием материальных благ.

Понятие технологии применимо к любому виду человеческой деятельности, а не только к специфически технической или, еще уже, к производственной деятельности, как это часто делается на уровне обыденного сознания. В этом смысле здесь в принципе все равно, идет ли речь о технологии создания, применения и уничтожения технических артефактов или же о технологии интервьюирования, интерпретации текстов, математического доказательства, актерской игры или других социальных «изобретениях» (где таких артефактов нет, но есть «психические орудия»). Во всех случаях имеется в виду технология деятельности. Экспериментальные объекты и процессы, воплощаясь в новых технологиях и хозяйственных структурах, становятся частью социальной реальности и в этом качестве — объектами исследования социально-гуманитарных, а не естественных и технических наук².

При выявлении и описании сути особенностей технологии вообще и криминалистической технологии в частности методологически значим подход к отражаемой ими реалиям как одному из видов выражения интеллектуальной, психофизической, познавательной либо преобразовательной активности субъекта, нацеленной на достижение намеренного результата в научной или практической

деятельности. Ключевой в этом отношении выступает триада (технологический «бренд»), состоящая из связки следующих элементов: задачи (задач), процесса (процедуры) и средств решения этой задачи (задач).

Сферой главных интересов и объектом обеспечения научной продукцией, разрабатываемой в криминалистике, является уголовно-процессуальная деятельность полномочных должностных лиц правоохранительных органов в досудебном уголовном производстве. Одной из важных составляющих системы криминалистической научной продукции служат типовые информационные модели технологий решения поисковых, познавательных и иных задач в ходе возбуждения уголовных дел и предварительного расследования.

С гносеологической точки зрения предварительная (доследственная) проверка в стадии возбуждения уголовного дела и предварительное расследование по уголовному делу — это процесс производства знания (доказательственной и ориентирующей (вспомогательной) уголовно-релевантной информации) о познаваемых в уголовном производстве объектах. Оказанию практическим работникам помощи в эффективном и рациональном решении этой задачи способствуют криминалистические технологии, ориентирующие на последовательное, поэтапное получение указанного знания на пути от незнания к знанию частичному, предположительному, а от него — к знанию полному, достоверному, доказанному. С учетом изложенного *криминалистическая технология как продукт научно-исследовательского творчества специалистов соответствующего профиля представляет собой типовую информационную модель структуры и содержания задачи (задач), процесса и средств, реализуемых в целях выявления, раскрытия, пресечения, предотвращения преступлений и уголовного преследования (изобличения) от имени государства подозреваемых и обвиняемых в приготовле-*

² См. об этом подробнее: *Горохов В. Г.* Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // *Эпистемология. Философия.* 2011. Т. XXVII. № 2. С. 110–123.

нии к совершению и/или в совершении инкриминируемых им деяний.

Систему криминалистических (научных) моделей технологии составляют следующие элементы:

— модели решения общих для предварительной проверки и предварительного расследования задач;

— модели решения специфических задач, характерных для каждой из двух стадий досудебного уголовного производства;

— модели решения задач на отдельных этапах поисково-познавательной деятельности в стадии возбуждения уголовных дел и на отдельных этапах предварительного расследования применительно к типичным ситуациям, складывающимся на этих стадиях, т. е. речь идет о типичных задачах, решение которых осуществляется на базе тактических комплексов действий (тактических операций или комбинаций);

— модели решения задач, характерных для отдельных видов следственных и других действий деятельности типа;

— модели технологии реализации отдельных видов средств³ решения общих и частных технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических задач.

В литературе высказано мнение, что криминалистическими моделями технологий являются не только производимые в криминалистике продукты данного рода, но и создаваемые практическими работниками модели технологий, реализуемых в том или ином конкретном случае. Чтобы считать это мнение правильным на сто процентов, т. е. полнос-

тью соответствующим действительности, на наш взгляд, не имеется оснований. И вот почему.

Как и любой иной научный продукт, внедренный в уголовно-процессуальную практику, модель криминалистической технологии для тех профессионалов из правоохранительных органов, которым она адресуется, — это всего лишь информация к размышлению, совет, пожелание, рекомендация, а не приказ и даже не указание, не инструкция, санкционированная начальством. Она может заинтересовать практиков, а может быть оставленной без внимания теми, кто привык до всего доходить своим умом и надеяться только на себя и своих партнеров. И напрасно.

Не будучи панацеей от всех бед и недугов, но умело «скроенная» по подлинно научным «лекалам», научно обоснованная информационная модель — это указатель конкретного направления движения мысли и дела, надежная подсказка, как наиболее целесообразно, рационально и продуктивно действовать в сложной, запутанной обстановке со многими неизвестными, избегая при этом малопродуктивного так называемого метода проб и ошибок.

Типовая информационная модель криминалистической технологии — это основа и одно из средств создания индивидуальной практической модели технологии решения сложной задачи (задач) в конкретном случае производства предварительной проверки или предварительного расследования. Потребность в этом возникает и актуализируется главным образом в ситуации, когда активно преступники и другие лица, не заинтересованные в выявлении преступления и в объективном, полном, всестороннем его расследовании, противодействуют правоохранительным органам. Важное значение практические модели технологий имеют и тогда, когда работа по выявлению и раскрытию преступления осуществляется в условиях острого дефицита полезной информации, когда следователь или иное должностное лицо вынуждены выдвигать и проверять самые различные,

³ Под средствами решения задач в рамках процесса выявления, расследования преступлений и уголовного преследования подозреваемых и обвиняемых нами понимаются самые различные действия, методы, способы, приемы, средства криминалистической и иной техники, другие объекты, необходимые для воплощения в жизнь намеченных целей (получения запланированного результата), используемые в этом процессе при условиях их допустимости.

конкурирующие друг с другом версии (о природе общественно опасного происшествия, причине смерти потерпевшего, личности скрывшегося с места происшествия неизвестного преступника и т. д.).

Антикриминальная практическая модель технологии — это не синоним научной (криминалистической) модели технологии. Первая модель является всего лишь одним из элементов более широкой системы практической модели. Разрабатывая собственную модель технологии разрешения сложившейся проблемной ситуации, сотрудник (сотрудники) правоохранительного органа (органов), не только использует информацию, заложенную в типовой криминалистической модели, но и осмысливает и реализует массу иной полезной информации им, собираемой и интерпретируемой. Этому процессу всегда предшествуют построение, изучение и оценка модели реальной ситуации. Затем анализируется вся сумма модельной и имеющейся фактической информации, полученной процессуальным путем, по оперативно-розыскным каналам и иными способами. Объектом исследования могут быть данные, полученные от контролирующих и иных органов, волонтеров, сигналы других граждан, а также предположительная, версия информация. Но это не все.

Помимо фактической информации в процессе разработки рабочей модели технологии собирается и используется:

1) нормативно-правовая информация, содержащаяся в нормах уголовного материального, процессуального и других отраслей права (например, почерпнутая из норм Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также из нормативов, регулирующих отношения в сфере обеспечения безопасности труда, на транспорте и т. д.)⁴;

⁴ «Издание государством правовых предписаний, доведение их до сведения адресатов представляет собой процесс производства и передачи информации, которая призвана воздействовать на сознание, а через него на поведение, деятельность людей. Нормы права выступают в качестве носи-

2) опытная информация, запечатлевшаяся в памяти создателя модели, его коллег или полученная из других источников;

3) новейшие сведения из области научно-технического прогресса, поступившие к практическим работникам напрямую, без посредничества криминалистики, в том числе достижения психологов, биологов и других специалистов.

Указанную и другую полезную информацию необходимо отыскивать, осмысливать, интерпретировать применительно к особенностям фактической ситуации и в комплексе использовать для построения и реализации уникальной и единственной в своем роде модели технологии достижения в досудебном производстве намеченной цели.

Таким образом, функционирующая в ходе уголовно-процессуальной деятельности модель технологии — это далеко не то, что называется научной моделью, разрабатываемой в криминалистике. Практическая модель есть интегративная система знания, формирующегося на основе взаимодействия различных видов моделей криминалистической, правовой и иной природы. Ее создатель одновременно выступает в качестве правоведа, криминалиста, психолога и т. д., являясь, по сути дела, уникальным, универсальным технологом, специалистом широкого профиля. Поэтому считать, что создаваемые им модели как продукты его интеллектуальной и психофизической активности, являются криминалистическими, строго говоря, нельзя. Скорее всего, речь следует вести об уголовно-процессуальных, юридических моделях технологий (следственных, оперативно-розыскных и т. д.).

Значение криминалистической составляющей данного рода моделей заключается

в том, что она позволяет выявить виновника преступления и источника информации о должном, дозволенном или запрещенном поведении субъектов правоотношений, об условиях, при которых это поведение (деятельность) может или должно осуществляться, а также о неблагоприятных последствиях невыполнения установленных требований, правил, принципов» (Образцов В. А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лекций. М., 2004. С. 9).

в том, что она выступает в роли своеобразной матрицы⁵ и системообразующего фактора, способствующего формированию практической модели технологии как целостного, системного, адекватного фактической ситуации средства, которая помогает ее создателю овладеть отсутствующим до этого знанием, снять информационную напряженность и неопределенность по делу.

В свете изложенного рискнем предложить следующее определение: *практическая (антикриминальная) модель технологии — это создаваемая в досудебном уголовном производстве с учетом особенностей фактических обстоятельств на базе использования в комплексе нормативно-правовой, криминалистической и иной социальной*

⁵ Матрица — первооснова, схема чего-либо (см.: Современный толковый словарь русского языка. С. 338).

ной информации индивидуальная модель структуры и содержания задачи (задач), процесса и средств ее решения, реализуемая в целях преодоления сложившейся проблемной ситуации и противодействия лицу, незаинтересованных в выявлении преступления и объективном расследовании по уголовному делу.

Подчеркнем, что понятие «средства» применительно к криминалистическим (научным) и практическим (антикриминальным) технологиям употребляется нами в самом широком смысле этого слова. Здесь имеются в виду совершаемые действия, методы, приемы, способы действий, средства криминалистической и иной техники, интеллектуальные и другие ресурсы, необходимые для достижения поставленной цели. Но не просто необходимые (все подряд), а наиболее рациональные, продуктивные и, кроме того, допустимые в уголовном производстве.

Проблемы расследования и определения подсудности уголовных дел о преступлениях с альтернативными действиями

УДК 343.182 В статье рассматриваются недостатки современной судебно-следственной практики по делам о преступлениях с альтернативными действиями, даются рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: преступления с альтернативными действиями, уголовно-процессуальное законодательство, обвинение, обвинительный приговор, расследование преступлений, подсудность

В соответствии с ч. 1 ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом.

Большая часть преступлений относится к категории единичных преступлений — общественно опасных деяний, которые подпадают под действие одной уголовно-правовой нормы, т. е. содержат признаки одного состава преступления. На практике и в теории уголовного права единичные преступления подразделяются на простые и сложные, причем последние имеют большое внешнее сходство с множественностью преступных деяний, в основе которых лежит одно действие, повлекшее несколько общественно опасных последствий, либо несколько действий, вызвавших одно преступное последствие, либо несколько действий, повлекших несколько последствий. Так, к сложным единичным преступлениям относят, в частности, преступления с альтернативными действиями. Характерными примерами таких составов являются незаконные приобретение и хранение наркотических средств (ст. 228 УК РФ), незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или хранение огнестрельного оружия (чч. 1, 2, 3 ст. 222 УК РФ).

Косарев Сергей Юрьевич,
доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургской юридической академии,
kos4-s-pb@mail.ru

Отличительная особенность преступлений с альтернативными действиями состоит в том, что совершение каждого из указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы действия является достаточным для признания преступления совершен-

ным. В то же время множественности преступлений нет, если лицо совершает несколько перечисленных в диспозиции уголовно-правовой нормы действий. В частности, преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ, может состоять в незаконных приобретении, хранении, перевозке, изготовлении, переработке без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Поэтому совершение одним лицом, например, таких действий, как приобретение, хранение, перевозка указанных предметов не образует множественности преступлений, а составляет сложное единичное преступление¹.

Таким образом, преступление с альтернативными действиями следует считать оконченным с момента совершения хотя бы одного из деяний, предусмотренных в данном составе.

Практические работники (следователи, дознаватели, руководители следственных подразделений, начальники подразделений дознания, прокуроры, судьи) очень часто сталкиваются с ситуациями, когда, например, лица, задержанные за незаконное хранение наркотических средств без цели их сбыта, дают показания о том, что данные средства они приобрели для личного употребления (указывают день (или дату приобретения не помнят), время приобретения (или время не помнят), место приобретения (или место приобретения не помнят)) у незнакомого им лица. Данные действия правильно квалифицируются в зависимости от размера изъятых наркотических средств по ч. 1 или ч. 2 ст. 228 УК РФ. И очень часто в формулировку обвинения (а затем и обвинительного приговора) включаются фразы (установления) типа: «...в неустановленном месте...», «...при неустановленных следствием (дознанием) обстоятельствах...», «...у неустановленного лица...», «...в неустановленное время...» и т. п. Обвинение таким лицам (а зачастую и обвинительный приговор) предъявляется не только

за незаконное хранение, но и за незаконное приобретение наркотических средств.

Здесь сразу надо заметить, что само по себе недопустимо использовать в формуле обвинения (а тем более в обвинительном приговоре) формулировки (выражения), подобные приведенным. Следственные органы и суд обязаны достоверно устанавливать фактические обстоятельства уголовного дела. А если что-то (какие-то обстоятельства) установить не представилось возможным и это приходится указывать в формуле обвинения (обвинительном приговоре), то обвинение на этом выстраивать все равно нельзя.

Напомним, что согласно ч. 2 ст. 77 УПК РФ признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. В постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого (п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ) должно приводиться описание преступления с указанием времени, места его совершения, способа и других обстоятельств.

Как показывает анализ следственной практики, многое из этого следственными органами и органами дознания по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 228 УК РФ, часто не выполняется. А потому в формулу обвинения и включаются неконкретные фразы о неустановлении места (дома, улицы и т. п.) приобретения наркотиков и лица, сбывшего наркотики. При этом, как правило, сотрудники органов предварительного расследования сведения о времени, месте, способе и других обстоятельствах приобретения наркотиков выясняют только из показаний самих обвиняемых, ничем не подтверждаемых объективно.

Во многом это объясняется тем, что согласно ч. 2 ст. 252 УПК РФ изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается только тогда, когда этим не ухудшается положение подсудимого. Из-за этого сотрудники следственных, дознаватели нередко «вынуждены» вопреки требованиям ч. 3

¹ См., например: Денисов С. А., Тюнин В. И., Коротков А. В. и др. Уголовное право. Общая часть : курс лекций / под общ. ред. С. А. Денисова, В. И. Тюнина. СПб., 2007. С. 365.

ст. 49 Конституции РФ и ч. 3 ст. 14 УПК РФ все сомнения в виновности обвиняемого толковать не в его пользу, а против него, предъявляя по уголовным делам о преступлениях с альтернативными действиями обвинения «с запасом» (впрочем, подобная порочная практика существует и при расследовании уголовных дел о преступлениях других категорий), оставляя право уменьшать объем обвинения на усмотрение судебных органов².

² Думается, что правило ч. 2 ст. 252 УПК РФ вполне могло бы быть значительно скорректировано путем предоставления суду права изменять объем обвинения путем его увеличения, если это не повлияет на квалификацию обвинения в неблагоприятную для обвиняемого сторону. Например, в ходе судебного разбирательства выясняется, что обвиняемый в совершении квартирной кражи в крупном размере (пп. «а», «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ) попутно похитил недорогую вещь, которая отсутствует в перечне похищенного имущества, приведенном в постановлении о привлечении его в качестве обвиняемого и соответственно в обвинительном заключении. В данном случае суд самостоятельно дополняет объем обвинения на сумму этой вещи, но при этом важно, чтобы это не повлекло за собой переквалификации действий обвиняемого на п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная в особо крупном размере), т. е. на обвинение в более тяжком преступлении. Аналогично суду может быть предоставлено право изменять квалификацию обвинения на более тяжкое в том случае, если это не повлечет за собой искажения сущности установленных органами расследования и судом фактических обстоятельств дела. Например, лицу было ошибочно предъявлено обвинение в совершении грабежа, но в ходе судебного разбирательства выяснилось, что действия обвиняемого, правильно установленные в ходе предварительного расследования, а затем и в суде, необходимо квалифицировать как разбой. В таком случае на основе исследованных в судебном заседании доказательств суд сам квалифицирует его действия как разбой.

Думается, что подобная корректировка уголовно-процессуального законодательства будет способствовать только де бюрократизации современной судебно-следственной практики (недаром еще советский уголовный процесс практические работники называли самым громоздким в мире, а о современном российском уголовном процессе, донельзя заформализовавшем следственную де-

И, как показывает анализ практики, не обращают на это внимания и прокуроры, призванные осуществлять надзор за процессуальной деятельностью следственных органов и ее качеством.

Помимо привлечения к уголовной ответственности за незаконное хранение наркотических средств такие обвиняемые часто дополнительно в нарушение положений ч. 2 ст. 77 УПК РФ осуждаются судами за незаконное приобретение наркотиков согласно мнению (версии), изложенному в материалах расследованного уголовного дела, направленного в суд прокурором. Исследование, проведенное Адвокатской палатой Санкт-Петербурга показало, что это происходит в 41 % случаев вынесения обвинительных приговоров, а в некоторых районных судах Санкт-Петербурга этот показатель превышает 90 %³.

Итак, если следствием (дознанием) достоверно установлен лишь факт задержания лица за незаконное хранение наркотических средств без цели сбыта, то именно один этот факт и должен указываться в формуле обвинения. Если обстоятельства приобретения наркотиков по делу установлены только показаниями обвиняемого, то их, руководствуясь ч. 2 ст. 77 УПК РФ, нельзя включать (описывать) в формулу обвинения, а привлечение задержанного к уголовной ответственности за незаконное приобретение наркотических средств является необоснованным. Рассматривать же такое уголовное дело должен федеральный суд того района, на терри-

тельность, и говорить не приходится), и вряд ли она вызовет нарушение прав лиц, обвиняемых по уголовным делам. Ни в коем случае подобные предложения не должны рассматриваться как стремление наделять суд обвинительными функциями. Впрочем, представляется, что обсуждение этих спорных вопросов явно выходит за рамки настоящей статьи и требует серьезного анализа с привлечением практических и научно-педагогических работников, а также общественности.

³ См.: Анализ приговоров по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 228 УК, вынесенных в районных судах Санкт-Петербурга // URL: <http://hand-help.ru/doc8.23.html/>

тории которого виновное лицо было задержано.

Однако, не все складывается так просто. Если, например, обстоятельства приобретения наркотических средств были «установлены» только из голословных признательных показаний обвиняемого, из которых следует, что наркотики им были приобретены на территории не того административного района, в котором он был задержан, то встает вопрос о правильном определении территориальной подсудности этого уголовного дела.

Казалось бы, согласно здравому смыслу и правому подсознанию здесь возможно единственно правильное решение — уголовное дело должно рассматриваться судом по месту задержания обвиняемого. Но судебные органы, «связанные» формулировкой обвинения, при установлении подсудности уголовного дела подобными соображениями руководствоваться не могут.

Если органы расследования и прокуратуры, опираясь только на голословные показания обвиняемого, полагают, что обстоятельства приобретения наркотиков, признаки внешности неустановленного наркосбытчика установлены достоверно (что вытекает из факта включения этих сведений в формулу обвинения), то вопрос о правильном определении подсудности уголовного дела приобретает особое значение, так как подсудимый не может быть лишен конституционного права на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено уголовно-процессуальным законом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, ст. 8 УПК РФ).

По поводу деяний лица, совершившего несколько действий в отношении одного и того же наркотического средства, все юристы-практики и специалисты в области уголовного права разделяют единое мнение: совокупность преступлений здесь отсутствует⁴. Следовательно, действия, предусмотренные ст. 228 УК РФ, должны квалифицироваться как единое целое деяние, которое заканчивается независимо от продолжительности хранения наркотиков, последовавшего после их приоб-

ретення (а единое преступное деяние лица может быть фактически пресеченным (как часто и бывает) не на территории административного района, где наркотики были приобретены, а на территории другого административного района).

Сказанное также может являться аргументом в пользу мнения о необходимости рассмотрения уголовных дел по обвинению таких лиц в незаконном хранении наркотических средств судами по месту их задержания. Но и такими соображениями судебные органы, опять же «связанные» формулировкой обвинения, при установлении подсудности уголовного дела руководствоваться не могут.

По поступившему в суд уголовному делу судья должен выяснить, подсудно ли уголовное дело данному суду (п. 1 ч. 1 ст. 228 УПК РФ).

В случае нарушения правил определения подсудности судья принимает решение о направлении уголовного дела по подсудности (п. 1 ч. 1 ст. 227 УПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 32 УПК РФ уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления. В силу ч. 2 этой статьи, если преступление было начато в месте, на которое распространяется юрисдикция одного суда, а окончено в месте, на которое распространяется юрисдикция другого суда, то данное уголовное дело подсудно суду по месту окончания преступления. Изменена территориальная подсудность может быть только по основаниям, указанным в ст. 35 УПК РФ. Иначе говоря, по букве закона. Если из обвинения видно, что следствие (дознание) установило, что уже во время задержания в действиях лица имелись все признаки законченного преступления (приобретение наркотических средств), то преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ, уже было окончено на территории района приобретения. Следовательно, если считать факт

⁴ См., например: *Бриллиантов А. В., Долженкова Г. Д., Иванова Я. Е. и др.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2010. С. 890.

приобретения наркотиков обвиняемым на территории определенного административного района установленным достоверно (по версии следствия или дознания), то дело подсудно суду по месту их приобретения по правилам ст. 32 УПК РФ, но никак не по месту задержания.

И поскольку не обращать внимания на букву закона нельзя, законным вопреки здравому смыслу в подобной ситуации должно признаваться только то решение, согласно которому рассматриваются уголовные дела о преступлениях с альтернативными действиями в тех случаях, когда факт первого по счету незаконного действия «доказан» голословными признательными показаниями обвиняемого, должны судами по месту первого по хронологии незаконного действия.

Вопрос о подсудности уголовного дела решается при разрешении вопроса о назначении судебного заседания. Установив, что поступившее уголовное дело не подсудно данному суду, судья должен вынести постановление о направлении его по подсудности (ч. 1 ст. 34 УПК РФ), т. е. в рассматриваемом случае уголовное дело о преступлениях с альтернативными действиями должно быть направлено в суд по месту совершения «доказанного» первого незаконного действия.

Споры о подсудности между судами, как известно, не допускаются (ст. 36 УПК РФ). Даже если затем голословные «доказательства» будут по ходатайству обвиняемого исключены, например, при проведении предварительного слушания (судебной практики предварительных слушаний по делам о преступлениях с альтернативными действиями, в ходе которых бы решались вопросы об исключении описанных голословных «доказательств», по нашим сведениям, практически нет), то и тогда с изменением подсудности могут начаться другие проблемы.

Дополнительно в подобных случаях могут запутать ситуацию положения ч. 2 ст. 34 УПК РФ, по которым суд, установив, что находящееся в его производстве уголовное дело подсудно другому суду того же уровня, вправе с согласия подсудимого оставить дан-

ное уголовное дело в своем производстве, но только в случае, если он уже приступил к его рассмотрению в судебном заседании. Если же подсудимый выразит такое согласие, то ситуация станет совсем нелепой: уголовное дело будет рассматривать суд, на территории юрисдикции которого обвиняемый преступления, может быть, даже и не совершал.

С учетом всего вышеизложенного можно сказать, что на практике подобные ситуации с выраженными элементами спорности (между буквой закона и здравым смыслом) должны разрешать только судебные органы, представителям которых при этом придется руководствоваться почти исключительно своим правосознанием, а также соображениями, изложенными в выше. (В специальной литературе затронутые вопросы, по нашим сведениям, ранее не обсуждались).

Таким образом сложилась явно ненормальная ситуация, когда сотрудники правоохранительных органов «вынуждены» в силу особенностей российского уголовно-процессуального законодательства предъявлять по делам о преступлениях с альтернативными действиями обвинения «с запасом», после чего, вслед за прокурорами, суды неправильно с точки зрения буквы закона определяют подсудность таких дел, нарушая тем самым положение ч. 1 ст. 47 Конституции РФ.

По нашему мнению, проблемы, поднятые в настоящей статье, имеют общее (и немалое) значение для следственно-прокурорской и судебной практики и теории, так как подсудимый, повторим, не может быть лишен конституционного права на правильное определение подсудности его уголовного дела.

Думается также, что обозначенные нами проблемы могут и должны в ближайшем времени стать предметом рассмотрения Пленума Верховного Суда РФ, ибо и высшей судебной инстанции пора высказать свое отношение к порочной практике игнорирования требований ч. 2 ст. 77 УПК РФ при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел о преступлениях с альтернативными действиями.

Роль криминалистической методики в повышении эффективности судебного производства

УДК 343.98 В статье рассматриваются вопросы применения криминалистической тактики и методики в судебном разбирательстве по уголовным делам.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая тактика, криминалистическая методика, судебное разбирательство

В результате развития российского уголовно-процессуального законодательства структурное построение уголовного судопроизводства приобрело новые качественные характеристики. Законодательно уголовный процесс был разделен на два основных этапа — досудебное и судебное производства, которые «представляют собой относительно самостоятельные фазы производства по уголовному делу»¹. Реализация положений судебной реформы в России существенно повышает роль суда, при этом подчеркивается приоритет судебного производства над предварительным (досудебным этапом).

Правосудие является вершиной правоприменительной деятельности. И так как судебное разбирательство уголовных дел занимает в системе правоохранительной деятельности важное место и является, по сути, заключительным актом в деле расследования и наказания преступников, на котором должны устраняться и исправляться ошибки, недостатки и упущения досудебного расследования, оно требует высокопрофессиональной судебной деятельности. И. Я. Фойницкий писал, что «истина — высший закон правосудия, и стремлением к ней должны быть проникнуты все его меры»². Последнее же немислимо без широкого применения криминалистических средств и методов. «Повышение качества судеб-

Мазунин Яков Маркиянович,
заслуженный юрист Российской Федерации
доктор юридических наук,
профессор кафедры криминалистики
Омской академии МВД России
yakovmazunin@yandex.ru

¹ Деришев Ю. В., Романовский М. Э., Волторнист О. Проблемы соотношения досудебного и судебного производства в уголовном процессе России. М., 2009. С. 3.

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 510.

ного следствия может осуществляться путем последовательного совершенствования судебной тактики, судебной методики рассмотрения различных категорий уголовных дел. Судья должен постоянно использовать средства и методы криминалистики в организации судебного процесса, исследования доказательств»³.

С момента возникновения криминалистика развивалась как наука для предварительного следствия, основное предназначение которой заключалось в разработке рекомендаций, приемов и средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств.

Однако еще в 1925 г. в предисловии к книге И. Н. Якимов «Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике» указывалось, что «автор... справился со своей задачей дать уголовно-розыскным, следственным и судебным органам детальное практическое руководство по технике и тактике расследования преступлений»⁴. Сам же И. Н. Якимов писал: «Криминалистика как наука имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника, а своей целью ставит помощь правосудию в раскрытии материальной истины в уголовном деле»⁵. Таким образом, несмотря на то, что в основном его книга была ориентирована на органы дознания и следствия, он не исключал использования возможностей криминалистики и судом. Позднее эта идея была поддержана А. Л. Цыпкиным⁶.

³ Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 3.

⁴ Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 2003. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ См.: Цыпкин А. Криминалистика и судебное следствие // Соц. законность. 1938. № 12. С. 15.

Однако взгляды указанных авторов не сразу нашли поддержку среди других ученых-криминалистов. По нашему мнению, связано это было в первую очередь с ошибочным в то время толкованием предмета криминалистики, которая не признавалась правовой наукой. Ей, по примеру западноевропейских криминалистических школ, отводилась роль технической по отношению к уголовному процессу дисциплины. Криминалистика считалась полицейской дисциплиной, обслуживающей предварительное следствие⁷.

Позднее, начиная с конца 1950-х гг., во многих источниках все чаще стала высказываться точка зрения о необходимости использования положений криминалистики в судебном разбирательстве⁸. Эта идея получила развитие в трудах Л. Е. Ароцкера, Р. С. Белкина, В. Г. Танасевича, Г. А. Воробьева, Т. Б. Чеджемова, В. К. Гавло, Т. С. Волчецкой, В. М. Бозрова, Ю. В. Корневского, В. И. Комиссарова, А. Ю. Корчагина и других ученых. В их работах были показаны некоторые теоретические положения и даны методические рекомендации по методике судебного разбирательства и тактике судебного следствия.

В частности, Р. С. Белкин, исходя из определения предмета криминалистики, полагал, что «криминалистика — это наука о закономерностях механизма преступления, возник-

⁷ См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908. С. 7.

⁸ См.: Ароцкер Л. Е. Методика расследования преступлений. М., 1976. С. 45; Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964. С. 7; Возгрин И. А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976. С. 29; Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / под общ. ред. А. Н. Васильева. Томск, 1985. С. 26; Криминалистика: учеб. / под ред. Н. П. Яблокова. М., 1995. С. 138; Криминалистика: учеб. / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. С. 76; Корневский Ю. В. Криминалистика для судебного следствия. М., 2001. С. 12 и др.

новении информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений»⁹. Среди современных тенденций развития криминалистики он называл разработку «тактики судебного следствия, поскольку рекомендации криминалистики могут быть с успехом использованы судом для исследования и оценки имеющихся и собирания новых доказательств»¹⁰, при этом совершенно справедливо замечая, что «судебную криминалистику теперь уже никто отменить и закрыть не сможет»¹¹.

И. А. Возгрин отмечает, что «данное уточнение расширяет ее (криминалистической методики. — Я. М.) предмет и позволяет приступить в рамках криминалистики к изучению еще одного направления в организации и осуществления следствия, а именно судебного следствия отдельных видов преступлений»¹².

Однако до настоящего времени в учебниках по криминалистике¹³ нет криминалистических рекомендаций государственному обвинителю, судье (суду) по методике судебного разбирательства и тактике судебного следствия. Исключение составляет учебник по криминалистике, подготовленный коллективом авторов под редакцией Е. П. Ищенко, в котором имеется глава 23 «Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства уголовных дел»¹⁴.

⁹ Криминалистика: учеб. / под ред. Т. В. Аверьяновой. М., 2007. С. 41.

¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹ Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 199.

¹² Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 40.

¹³ См., например: Криминалистика / под ред. Т. В. Аверьяновой; Шурухнов Н. Г. Криминалистика: учеб. М., 2008; и др.

¹⁴ Криминалистика : учеб. / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2008.

Вместе с тем чтобы криминалистические знания стали орудием практики, они должны трансформироваться в элемент профессиональных знаний и умений профессиональных участников судебного разбирательства.

Все опрошенные нами судьи заявили о том, что существует необходимость в дальнейшей разработке методики судебного разбирательства и тактике судебного следствия. Такие знания обоснованно являются объектом и предметом криминалистики. Познавая их, криминалистика выполняет свою практическую задачу, разрабатывая для суда (судьи) оптимальные рекомендации по проведению судебного действия в складывающихся судебных ситуациях.

В последнее время получает распространение позиция ученых, считающих необходимым применение данных криминалистики в судебном следствии, но уже для разработки и методики профессиональной защиты по уголовным делам (О. Я. Баев¹⁵, М. О. Баев¹⁶ и др.). Не исключая самой возможности использования данных криминалистики в процессе судебного разбирательства уголовных дел, они, тем не менее, полагают, что не суд как таковой, а две состязающиеся стороны (обвинения и защиты) являются субъектами, использующими достижения криминалистики при судебном рассмотрении уголовных дел. Именно они (прокурор — государственный обвинитель и адвокат — защитник подсудимого), реализуя свои процессуальные функции, используют криминалистические средства для собирания, представления, исследования доказательств и убеждения суда в правомерности и обоснованности избранной позиции¹⁷.

¹⁵ См.: Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М., 2008. С. 441–637.

¹⁶ См.: Баев М. О. Тактические основы деятельности адвоката — защитника в уголовном судопроизводстве России (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2005.

¹⁷ См.: Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. С. 6–11.

Таким образом, они исключают суд из числа субъектов судебного исследования преступлений криминалистическими средствами.

Данная позиция вызвала критику в литературе. Криминалистика всегда изучала способы и механизмы совершения преступлений, противодействия следствию и суду, в том числе с помощью тактической линии защиты, использования возможностей уклонения от ответственности, уловок, к которым прибегают преступники. Учитывая такого рода негативные ситуации предварительного и судебного следствия, криминалистика разрабатывает технические, тактические и методические приемы и рекомендации по их преодолению. В связи с этим совершенно справедливо, на наш взгляд, мнение А. Г. Филиппова о том, что нет никаких оснований для включения теории профессиональной защиты в криминалистику¹⁸. Аналогичную позицию занимает и Н. П. Яблоков, полагая, что криминалистике «свойственна не разработка стратегии и тактики защиты, а лишь разработка тактики отдельных судебных действий с участием защитников»¹⁹.

В связи с этим нельзя не согласиться с Р. С. Белкиным, который последовательно утверждал, что изучаемые наукой криминалистикой закономерности лежат в сфере судебного исследования, т. е. «совокупной деятельности органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины по делу в процессе судопроизводства»²⁰. При таком понимании предмета криминалистики точно очерчиваются границы научных и практических интересов; а именно:

от дознания и предварительного следствия по делу о событии с признаками преступления до решения о назначении уголовного наказания судом. При этом «складывается единая, целостная информационно-познавательная система в деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству преступления»²¹. Изложенное позволило В. К. Гавло, В. Е. Клочко и Д. М. Ким сделать вывод о том, что суд (судья) входит в число субъектов судебного разбирательства, который реально применяет криминалистическую тактику и методику при исследовании в суде всех обстоятельств дела с учетом судебно-следственных ситуаций... Исходя из принципа состязательности сторон (ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ) суд обязан создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Но создать такие условия, не зная и не применяя криминалистические знания по технике, тактике и методике ведения судебного следствия, просто невозможно»²².

Действительно, судебное разбирательство, являясь центральной частью уголовного судопроизводства, представляет собой сложную деятельность субъектов с противоположными социальными интересами. Участники судебного разбирательства, прежде всего обвинитель, потерпевший, подсудимый, защитник, преследуют каждый свои цели. В обстановке гласности, непосредственности и иных условий судебного разбирательства процессуальное противоборство участников способствует установлению подлинных обстоятельств события. Нельзя не согласиться с А. Ю. Корчагиным в том, что «судебное разбирательство как деятельность двойственно по своему проявлению. С одной стороны, оно представляет собой совокупность действий участников по реализации своих прав и обязаннос-

¹⁸ См. подробнее: *Филиппов А. Г.* Криминалистика и теория профессиональной защиты по уголовным делам // *Вестник криминалистики.* М., 2003. Вып. 1(5). С. 15–21.

¹⁹ *Яблоков Н. П.* Нужно ли менять предметную область и систему современной криминалистики // *Актуальные проблемы в криминалистике.* Харьков, 2003. С. 16.

²⁰ *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 47.

²¹ *Гавло В. К., Клочко В. Е., Ким Д. В.* Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты. Барнаул, 2006. С. 194.

²² Там же. С. 192.

тей. С другой — это интеллектуальная деятельность и деятельность судьи (председательствующего) по приданию этой совокупности характера сочетания с целью разрешения уголовного дела. Судебное разбирательство направлено на удовлетворение общественной потребности — разрешение правового конфликта. Деятельность носит познавательный характер. Это практическое познание, осуществляемое в строго установленной процессуальной форме»²³.

Например, как может суд в ходе судебного следствия в соответствии с гл. 37 УПК РФ «Судебное следствие» исследовать, тем более тщательно, новую информацию, принимать решения, не располагая знанием тактики и методики исследования доказательств в той или иной следственной ситуации? В какой момент можно удовлетворить или не удовлетворить заявленные ходатайства, как провести допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей, несовершеннолетних, эксперта, специалиста и т. д., какие вопросы и в какой последовательности задавать, необходимо ли и когда назначить экспертизу, провести осмотр и др.?

Таким образом, судебное разбирательство — это сложная познавательная деятельность, в ходе которой реализуются функции участников процесса, которая носит уголовно-процессуальный и криминалистический характер и имеет в качестве одного из основных структурных элементов судебные действия, а в качестве содержания — доказывание. Как и досудебное производство, судебное разбирательство нуждается в использовании данных криминалистики, т. е. в криминалистическом обеспечении.

Р. С. Белкин писал: «Собирание, исследование и оценка доказательств — не разновременные, сменяющие друг друга этапы, а различные стороны единого процесса —

процесса доказывания. На различных этапах этого процесса та или иная сторона может выступить на первый план, однако другие стороны остаются. Собираемые, исследуемые и оцениваемые доказательства служат средством достижения цели доказывания, т. е. установления истины»²⁴. Сущность судебного разбирательства состоит в проверке, а иногда и в получении доказательств и доказывании.

Собирание (получение) доказательств не является для суда характерной деятельностью. Гораздо чаще ему приходится иметь дело с уже полученными доказательствами, когда изучается сущность доказательств, условия их получения, источники, оцениваются их относимость и допустимость, проверяется достоверность, выявляются связи с другими доказательствами по делу, оценивается их значение в установлении определенных обстоятельств.

Познавательная деятельность суда зависит от ряда факторов, оказывающих влияние на ее процесс и результаты. К ним, прежде всего, необходимо отнести: полноту изучения судьей материалов уголовного дела; всесторонность материалов досудебного расследования; криминалистическую грамотность исследования судьей доказательств, их источников и связей между ними; внешние условия осуществления судьями познавательной деятельности; достаточность профессионально-психологического уровня судьи для судебного разбирательства данного уголовного дела; оптимальность использования судьей познавательной деятельности участников судебного разбирательства.

Процесс доказывания — основная часть познания в ходе судебного разбирательства, базирующегося на процессуальном законе и регламентированного им, который является, по сути, уголовно-процессуальной и криминалистической деятельностью и направлен на достижение конечной цели судебного разбирательства — установление истины.

²³ Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел. С. 16.

²⁴ Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 9.

Цели судебного разбирательства реализуются посредством совершения действий, которые можно подразделить на действия по проверке, получению и исследованию доказательств; действия по организации судебного разбирательства; действия по управлению судебным процессом²⁵.

Не вдаваясь в дискуссию о понятии криминалистического обеспечения²⁶, необходимо отметить, что подавляюще число авторов в систему криминалистического обеспечения включают научно-практические криминалистические рекомендации по оптимизации доказывания, организацию расследования, тактику производства следственных действий, использование специальных знаний.

При этом доказывание в процессе судебного следствия является одним из основных составных частей криминалистического обеспечения. А. Ю. Корчагин выделяет в доказывании следующие основные структурные элементы: осознание судьей выявленной полноты досудебного исследования доказательств; выявление недостатков и упущений расследования и их оценка; анализ доводов защиты, противопоставленных материалам расследования; судебное исследование каждого в отдельности и всей совокупности доказательств; оценка результатов судебного разбирательства и формирование окончательных выводов. Научно-практические криминалистические рекомендации по оптимизации доказывания составляют основную часть методики судебного разбирательства²⁷.

²⁵ См. подробнее: Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел. С. 17–18.

²⁶ Достаточно подробный анализ различных взглядов на понятие криминалистического обеспечения расследования см.: Шмонин А. В. Методология криминалистической методики. М., 2010. С. 283–321 и др.

²⁷ См.: Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел. С. 17–18.

Криминалистическая методика судебного разбирательства должна учитывать особенности доказывания по различным видам и группам преступлений и вырабатывать научно-практические рекомендации по исследованию доказательств в суде. Таким образом, она должна быть основана на общих признаках, характеризующих определенную категорию дел.

Отметим, что в работах последних лет рассматриваются лишь отдельные аспекты криминалистического обеспечения судебного разбирательства²⁸. Интерпретация же выработанных криминалистикой рекомендаций для судебного разбирательства, применение их на практике связаны с известными трудностями. Это позволило А. С. Александрову сделать, по нашему мнению, слишком категоричный, но отчасти справедливый вывод о том, что «криминалистика не перестроилась на рельсы состязательности или почти не перестроилась. Об этом свидетельствует то, что она не видит научного интереса в разработке тем, связанных с расследованием дел в суде, по инерции обрабатывая предварительное

²⁸ См.: Гавло В. К., Воронин С. Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде. Барнаул, 2000; Корневский Ю. В. Криминалистика для судебного следствия; Питерцев С. К., Степанов А. А. Тактика допроса на предварительном следствии и в суде. СПб., 2001; Александров А. С., Гришин С. П. Перекрестный допрос в суде. М., 2007; Бартенев Е. А. Защита доказательственной информации в уголовном судопроизводстве криминалистическими средствами и методами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007; Дзюбенко А. А. Собрание и исследование доказательств мировым судьей по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008; Волторнист О. А. Досудебное и судебное производства: теоретико-функциональный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008; Ким Д. В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009; Конева С. И. Допросы в уголовном суде. Н. Новгород, 2013; и др.

следствие... Отечественная криминалистика не смогла предложить сколько-нибудь приемлемых практических пособий адвокатам, прокурорам, судьям для работы с доказательствами в суде»²⁹.

В результате органы предварительного следствия и иные подразделения, призванные бороться с преступной деятельностью, а также суд продолжают испытывать серьезные затруднения в налаживании эффективного раскрытия и расследования преступной деятельности и нуждаются в разработке в первую очередь надежного методико-криминалистического обеспечения их деятельности.

Во многом это обусловлено тем, что современная преступность приобретает комплексный, «межотраслевой», высокоорганизованный и транснациональный характер. Кроме того, многие участники преступных формирований обладают особыми качествами преступников-профессионалов, хорошо знают оперативно-розыскную и следственную практику, умело противодействуют следователям и суду и уходят от уголовного наказания за содеянное.

Одним из основных недостатков подавляющего числа существующих методик расследования является отсутствие информационно-познавательной системы в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, осуществляемой органом дознания, следователем и судьей (судом). В связи с тем, что движение уголовно значимой информации по уголовному делу с момента возникновения и до использования ее в целях решения задач уголовного судопроизводства прерывается, понять закономерности механизма преступления и механизма его расследования в складывающихся ситуациях без учета движения этой информации представляется сложным.

Таким образом, «сложность информационно-познавательных процессов и структур

²⁹ Александров А. С. Семь смертных грехов современной криминалистики // URL: <http://www.iuaj.net/node/342>.

в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений диктует необходимость учитывать, с одной стороны, специфику познавательной, конструктивной и удостоверительной деятельности названных органов по раскрытию преступлений, а с другой стороны, то общее в ней, что обусловливается целостностью движения уголовно-значимой информации и единством решаемых при этом стратегических задач следствия. Отсюда вытекают особенности криминалистических рекомендаций, разрабатываемых криминалистикой этим органам, в начале по выявлению признаков преступлений, и далее по установлению всех обстоятельств дела на предварительном следствии и в ходе судебного разбирательства»³⁰.

Продолжая развивать проблемы формирования и становления структуры частных методик, В. К. Гавло предложил следующее их решение: «В криминалистической методике расследования как целостной информационно-познавательной системе, объединяющей процесс познания закономерностей совершения отдельных видов и установления всех обстоятельств, связанных с ними в ходе предварительного и судебного следствия, необходимо исследовать в качестве составляющих три подсистемы»³¹. Первая подсистема отражает закономерности механизмов и следов противозаконной деятельности субъекта по подготовке, совершению и сокрытию отдельных видов преступлений в различных криминальных ситуациях. Вторая подсистема — методика предварительного расследования — занимает место между событием преступления и принятым по нему на предварительном следствии уголовно-процессуальным решением (прекращение, приостановление, передача уголовного дела в суд). Третья

³⁰ Гавло В. К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. С. 19.

³¹ Гавло В. К. Криминалистика / под ред. Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина. М., 2004. С. 456.

подсистема — методика судебного разбирательства. Эта подсистема действует с момента поступления уголовного дела в суд и до постановления приговора³². Она представляет собой типовую подсистему криминалистических знаний об особенностях применения методики судебного разбирательства (следствия) по отдельным видам преступлений, которая является третьим базовым и завершающим компонентом в системе полноструктурной криминалистической методики расследования преступлений³³.

При этом криминалистическая методика судебного разбирательства должна быть основана на общих признаках, характеризующих определенную категорию дел. Деление уголовных дел, поступающих в суд, на категории обосновано рядом факторов: видом преступления; криминалистической сложностью расследования; характеристикой и содержанием основных доказательств по делу; количеством подсудимых и степенью противоречий между ними; количеством преступных эпизодов и их временной протяженностью; поведением обвиняемых на следствии и степенью их противодействия следователю. Кроме того, определяются сложность уголовного дела, социально-психологическая характеристика подсудимых и их поведение в период расследования, виды и содержание доказательств, методики их получения на следствии и характеристика доказывания. На основе указанных элементов и признаков и формируется методика доказывания обстоятельств преступления в суде. Задача суда при исследовании уголовного дела определенной категории —изучить указанные факторы, обстоятельства получения доказательств на следствии, их источники и носители, степень исследования в ходе расследования и про-

гнозирования поведения подсудимого, потерпевшего, свидетелей и иных участников в суде. Все перечисленное в совокупности и является предметом методики судебного разбирательства³⁴.

Однако до сих пор методику судебного разбирательства, в частности тактику судебного следствия, разрабатывали в основном специалисты в области уголовного процесса и практики, поскольку «процесс судебного разбирательства хотя и связан с предварительным расследованием, не может являться объектом изучения науки криминалистики. Скорее, можно говорить о криминалистическом обеспечении процесса судебного следствия (разбирательства), использования криминалистических рекомендаций при рассмотрении уголовных дел в суде»³⁵. Но этого явно недостаточно. Во-первых, работ на эту тему мало. Во-вторых, в них, естественно, рассматриваются главным образом процессуальные аспекты исследования доказательств в суде³⁶. В то же время «обеспечение полного и всестороннего исследования фактических обстоятельств преступления, а следовательно, в значительной мере и правильного разрешения дела, зависит не только от точного исполнения судом и участниками судебного разбирательства процессуального закона (хотя это первейшее, необходимое, элементарное условие правосудия), но также от целесообразного, умелого использования приемов и методов, разрабатываемых криминалистикой»³⁷.

³⁴ См. подробнее: Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел. С. 29–33.

³⁵ Шмонин А. В. Методология криминалистической методики. С. 95.

³⁶ См., например: Перлов И. Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955; Настольная книга судьи (рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции). М., 1972; Зуев С. В. Уголовное судопроизводство по делам о преступлениях, совершаемых организованными преступными формированиями. М., 2008; и др.

³⁷ Корневский Ю. В. Криминалистика для судебного следствия. С. 9–10.

³² Более подробно о содержании указанных подсистем см.: Бойко Ю. Л., Гавло В. К. Особенности методики расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. Барнаул, 2009. С. 18–19.

³³ См.: Там же. С. 19.

Таким образом, назрела необходимость в создании методик, охватывающих закономерности деятельности субъектов, осуществляющих в соответствии с законом не только предварительное расследование, но и судебное разбирательство преступлений.

Объективный ход становления и развития криминалистики заставляет исследователей переосмыслить прежние представления о предмете этой науки и сфере ее научного приложения. Поэтому в настоящее время все чаще стали высказывать утверждения, что

криминалистика не может быть ограничена рамками предварительного расследования, а ее рекомендации могут быть использованы в судебном разбирательстве³⁸, что в свою очередь требует разработки методики судебного разбирательства, в частности тактики судебного следствия.

³⁸ См.: Гавло В. К., Клочко В. Е., Ким Д. В. Судбно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты. С. 190–212 и др.

Конституционные принципы в судебно-экспертной деятельности

УДК 343.9 Реализация конституционных принципов в судебно-экспертной деятельности имеет определенную специфику. В статье рассмотрены вопросы реализации этих принципов в отношении судебных экспертов и лиц, в отношении которых проводится судебная экспертиза.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, конституционные принципы, права и обязанности судебного эксперта, отказ от производства судебной экспертизы, состязательность

Конституция Российской Федерации является правовой основой судебно-экспертной деятельности (СЭД). Направленная на помощь правосудию в установлении фактов, фактических обстоятельств расследуемого события, эта деятельность должна осуществляться строго в соответствии с законом. Проведение СЭД регламентируется в отраслевых процессуальных кодексах и наиболее полно — в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ (в ред. от 2 июля 2013 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Согласно п. 1 ст. 15 Основного закона «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу... Законы и юридические акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Рассмотрим, в какой степени данное положение отражено в законодательстве о судебно-экспертной деятельности.

Моисеева Татьяна Фёдоровна,
доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики им. Н. Радутной
Российской академии правосудия
moiseevatf@mail.ru

В соответствии с п. 3 ст. 123 Конституции РФ судопроизводство в нашей стране осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Назначать судебную экспертизу в судебном разбирательстве правомочен суд или судья (по ходатайству сторон либо по собственной инициативе). Таким образом, в судебном разбирательстве обеспечено равноправие сторон обвинения и защиты. Однако на стадии предварительного расследования данный конституционный принцип не обеспечивается, поскольку назна-

чать судебную экспертизу могут только следователь, дознаватель, орган дознания. Сторона защиты вправе только ходатайствовать о ее назначении.

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина является одним из основополагающих принципов, закрепленных в Конституции. Как это обеспечивается в отношении участников судебно-экспертной деятельности?

Судебная экспертиза может проводиться в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Согласия на это подозреваемого и обвиняемого не требуется, а в отношении свидетеля (во всех случаях) и потерпевшего (за исключением случаев обязательного назначения судебной экспертизы, предусмотренных ст. 196 УПК РФ) судебная экспертиза проводится только с их согласия. Имеют ли право подозреваемый и обвиняемый отказаться от производства экспертизы так же, как от дачи показаний, в какой мере и в какой форме допустимо его принуждение?

В УПК РФ принуждение к производству экспертизы не регламентируется. В гражданском процессе действует другое правило: в п. 3 ст. 79 ГПК РФ определено: «При уклонении стороны от участия в экспертизе..., если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым».

Особую актуальность вопросы, связанные с обязательным производством судебной экспертизы, приобретают, когда речь идет о получении сравнительных образцов тканей и выделений человека, поскольку согласно п. 1 ст. 21 Конституции «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления», а п. 2 этой статьи гласит: «Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам».

Представляется, что без четкой регламентации обязательного производства судебной экспертизы прав и свобод человека и гражданина при ее проведении не могут быть полностью соблюдены.

Уголовно-процессуальное законодательство ориентировано, в первую очередь, на соблюдение прав подозреваемого и обвиняемого, что вполне оправданно, поскольку права потерпевшего отстаивает государство.

При производстве судебной экспертизы этим лицам закон предоставляет достаточно широкие права: знакомиться с постановлением (определением) о назначении экспертизы и заключением эксперта (ст. 196 УПК РФ и ст. 79 ГПК РФ), заявлять отвод эксперту, ходатайствовать о назначении повторной, дополнительной экспертизы и другие ходатайства.

При проведении судебной экспертизы гарантируется соблюдение конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23 Конституции). Эксперт не вправе разглашать сведения о личной жизни, болезнях, деловой репутации, ставшие ему известными в процессе производства судебной экспертизы. За разглашение данных предварительного расследования эксперт несет ответственность в соответствии со ст. 310 УК РФ.

При проведении экспертного исследования живого лица недопустимо использование методов, унижающих его, причиняющих боль, опасных для здоровья. При этом и для самого судебного эксперта производство экспертизы может быть сопряжено с риском для жизни. В большинстве исследований он использует современные методы, основанные на различных видах излучения (рентгеновском, ультрафиолетовом и инфракрасном и др.), вредные для здоровья химические реагенты. Кроме того, объекты исследования, поступающие на экспертизу, также могут быть достаточно опасными. Так, Это могут быть патогенные микроорганизмы в объектах биологической природы, а также на одежде и других предметах, ядовитые вещества. Зачастую

эксперт узнает об этом только в процессе работы, а, следовательно, не может заранее обеспечить надлежащие условия для устранения вредного воздействия.

В какой-то мере можно говорить о том, что любой объект судебно-экспертного исследования в уголовном процессе может представлять потенциальную опасность для здоровья эксперта. Эксперты, постоянно работающие во вредных условиях, в соответствии с трудовым законодательством имеют ряд льгот: надбавку к зарплате, сокращенный рабочий день, более длительный отпуск и др. Однако для обеспечения безопасности их работы нужны специальные условия: вытяжные шкафы, стерильные боксы и т. п.

Несомненно обоснованным было исключение из УПК РФ положения о том, что эксперт обязан явиться по вызову следователя или в суд и дать заключение по поставлен-

ным вопросам, как не соответствующего положениям Конституции РФ: в силу ее п. 1. ст. 37 «труд свободен», а «принудительный труд запрещен». В то же время в ГПК РФ это требование осталось, хотя оно противоречит Конституции РФ. В Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» также имеется норма о том, что «эксперт обязан принять порученную ему руководителем экспертного учреждения экспертизу и провести полное исследование представленных ему объектов (ст. 16). Однако это положение имеет другое правовое содержание, поскольку в данном случае речь идет о должностных обязанностях по трудовому договору.

Проведенный краткий анализ позволяет говорить о необходимости уточнения и дополнения законодательной регламентации судебно-экспертной деятельности.

Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса и его роль в защите конституционных прав граждан в сфере уголовного судопроизводства

УДК 343.98 Аргументируется необходимость криминалистического обеспечения деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса. Потребность в этом связывается с реализацией конституционных прав и свобод человека.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая тактика, криминалистическая методика, прокурор, конституция

Рост преступности, характеризующий современный этап развития российского общества, стал серьезной угрозой для жизни, здоровья и имущества граждан, для общества и государства, а в целом — для национальной безопасности России¹. Права пострадавшего от преступных посягательств традиционно рассматриваются как важнейший объект защиты на международном, государственном и ведомственном уровне, роль и статус жертвы преступления имеют особое значение для политики в области уголовного процесса и отправления правосудия. Вместе с тем права лица, вовлекаемого в уголовное судопроизводство в качестве обвиняемого (подозреваемого), также требуют особой защиты со стороны государства.

Развивая международные правовые нормы, Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2). В качестве основополагающей задачи государства в уголовном судопроизводстве в ст. 45

Серова Елена Борисовна,
кандидат юридического наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ
serowa@yandex.ru

¹ См.: *Ануров Ф. Ф.* Регистрация и учет преступлений в органах внутренних дел: правовые и организационные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М, 2006. С. 3.

Конституции названа охрана прав и свобод человека и гражданина, ст. 46 гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Целый комплекс статей Конституции закрепляет права лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Так, в ст. 49 определено, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Нашло закрепление в Конституции и право потерпевшего на доступ к правосудию. Ее ст. 52 гласит, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом и государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Как указывает Пленум Верховного Суда РФ, в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 г., Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. 40/34), а также в соответствии с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» от 28 июня 1985 г. № R (85) 11 важной функцией уголовного правосудия должна быть охрана законных интересов потерпевшего, уважение его достоинства, повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию². В то же время обращает на себя внимание определенная недостаточность внимания к лицам, пострадавшим от преступления, на что

неоднократно указывалось в юридической литературе³.

Таким образом, следует признать, что Конституция России наглядно подтверждает приверженность Российской Федерации международным правовым актам, провозгласившим приоритет человека, его прав и свобод по отношению к остальным социальным ценностям как один из важнейших принципов демократического государства⁴. Права гражданина в сфере уголовного судопроизводства должны рассматриваться в качестве фундаментальных конституционных прав, осуществление которых возможно только при наличии эффективно действующих правовых механизмов реализации прав и свобод человека, защиты и восстановления нарушенных прав

³ См., например: Антонов И. А., Антонова Л. Г. Право на возмещение ущерба, причиненного преступлением, в системе прав личности в сфере уголовного судопроизводства // Правовое поле современной экономики. 2012. № 7. С. 17–21; Бойков А. Д. Защита жертв преступлений в уголовном судопроизводстве РФ // Правовые и социальные проблемы защиты жертв преступлений. М., 1998; Кондрат И. Н. Конституционные принципы российского уголовного процесса: общая характеристика // Правовое поле современной экономики. 2012. № 8. С. 7–14; Мусаев М. Правовая и социальная защита жертв преступности в России. М., 2011; Егз же. Жертва преступления в криминологическом, уголовном и гражданско-правовом аспектах // Юридическая наука: история и современность. 2011. № 4; Егз же. Жертвы преступных посягательств: проблемы регистрации и признания потерпевшими // Юридическая наука: история и современность. 2011. № 5; Егз же. Защита жертв преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012; Щерба С. П., Зайцев О. А. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам. М., 1996; Щерба С. П., Зайцев О. А., Сарсенбаев Т. Е. Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам. М., 2001; Яни П. С. Обеспечение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995 и др.

⁴ См.: Даровских Ю. В. Стадия возбуждения уголовного дела в механизме обеспечения прав потерпевших в сфере уголовной юстиции // Академический вестник. 2011. № 1. С. 107.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в ред. 9 февраля 2012 г. № 3).

личности, а также средств, обеспечивающих их надлежащее функционирование в правовом поле.

Эти положения нашли закрепление в УПК РФ, определяющем, что назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ).

На необходимость неукоснительного соблюдения конституционных прав граждан в сфере уголовного судопроизводства обращается внимание во многих документах. Так, государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» развивает положения ст. 6 УПК РФ и определяет, что при производстве предварительного следствия должно быть обеспечено соблюдение принципов: законности; осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок; уважения чести и достоинства личности, недопустимости создания опасности для жизни и здоровья лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве; неприкосновенности личности и обоснованности применения мер принуждения; охраны прав и свобод и обеспечения личной безопасности человека и гражданина; неприкосновенности жилища, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; презумпции невиновности; обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту; языка уголовного судопроизводства; права на обжалование процессуальных действий и решений. Основные усилия в организации деятельности органов предварительного следствия в соответствии с данной Програм-

мой будут направлены на совершенствование методического обеспечения расследования, улучшение состояния законности, повышение качества, эффективности и результативности деятельности следователей⁵.

По нашему мнению, решение данных задач возможно путем не только совершенствования деятельности следователя, но и повышения роли прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. В соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 27 ноября 2007 г. № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» на всех стадиях уголовного судопроизводства должны быть обеспечены действенный надзор за соблюдением гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод граждан, своевременное предупреждение, выявление и пресечение нарушений законности, безотлагательное принятие мер, направленных на восстановление нарушенных прав, привлечение к ответственности виновных. При этом, с одной стороны, необходимо уделять особое внимание правовому и фактическому положению потерпевших, с целью защиты их прав и законных интересов, принимать меры к обеспечению гражданских исков в уголовном деле. С другой стороны, на всех стадиях досудебного производства особое внимание следует обращать на соблюдение права подозреваемого и обвиняемого на защиту. Прокуроры обязаны постоянно контролировать состояние соблюдения конституционных прав и свобод граждан в каждой стадии уголовного судопроизводства.

Данная обязанность возникает у прокурора с момента поступления в правоохранительные органы заявления (сообщения)

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 6 марта 2013 г. № 313-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»».

о преступлении, которое должно быть зарегистрировано, при необходимости проверено в установленный законом срок, после чего по нему должно быть принято законное и обоснованное решение. В случае возбуждения уголовного дела прокурор должен систематически изучать материалы дела, при необходимости заслушивать следователя, требовать устранения нарушений закона, давать согласие дознавателю на применение в отношении обвиняемого (в исключительных случаях — подозреваемого) меры пресечения в виде заключения под стражу, участвовать в рассмотрении данного ходатайства судьей и т. д.

Итогом этой деятельности на досудебных стадиях уголовного процесса должно стать утверждение прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта) и направление уголовного дела в суд. Вместе с тем у прокурора есть право вынести постановление о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями.

При реализации названных и иных предусмотренных законом полномочий прокурор должен решить задачи:

— уголовно-правового характера, связанные с определением правильности квалификации действий обвиняемого (подозреваемого), правильности применения органами дознания и предварительного следствия норм уголовного закона;

— уголовно-процессуального характера, связанные с определением соблюдения требований УПК РФ, совершением всех процессуальных действий в соответствии с требованиями уголовно-процессуальной формы, определением допустимости полученных в ходе расследования доказательств и др.;

— криминалистического характера, связанные с анализом и оценкой имеющихся в деле доказательств с точки зрения их содержания, всесторонности, полноты и объек-

тивности исследования обстоятельств дела, выдвижения и проверки следователем всех необходимых версий, включая версии защиты, правильности определения предмета следственных действий и тактики их производства и т. д.

Нетрудно заметить, что решение последней из перечисленных задач предполагает наличие у прокурора знаний в области криминалистики, а потому необходимость криминалистического обеспечения деятельности прокурора приобретает особую актуальность.

Отметим, что не все ученые согласны с этой точкой зрения. Так, по мнению В. П. Бахина, криминалистика — это наука для следователей, а не для судей, прокуроров и адвокатов. Своими средствами, приемами и методами она служит обнаружению, собиранию, исследованию и использованию информации, предназначенной для раскрытия и расследования преступлений, в связи с чем уважаемый автор предлагает преподавать курс криминалистики исключительно в ведомственных учебных заведениях, осуществляющих подготовку следователей⁶. На наш взгляд, данный подход не выдерживает критики. Мы глубоко убеждены в том, что прокурор должен обладать криминалистическими знаниями и успешно их использовать.

Современная криминалистическая наука стоит на пороге очередного этапа своего развития, что обусловлено расширением границ предмета науки, изменением ее системы⁷. По мнению многих ученых-криминалистов, главная задача криминалистики — способствовать противодействию преступности, обеспечивая работу не только следователей, дознавателей, оперативных работников, экспертов, но и прокуроров, судей необходимыми для защиты прав и законных интересов граждан,

⁶ Бахин В. П. Чему и кому служит криминалистика? // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2001. № 2 (15). С. 281–284.

⁷ См.: Кустов А. М. Поэтапное развитие науки криминалистики // Уголовное право. 2002. № 4. С. 66.

интересов государства и общества криминалистическими средствами, приемами, рекомендациями и методиками⁸. Особенно важно обеспечить криминалистическими знаниями прокурора, которому отведена особая роль в сфере противодействия преступности. Он осуществляет уголовное преследование от имени государства, надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, поддерживает государственное обвинение в суде, что требует от него владения криминалистическими знаниями на достаточно высоком уровне. В литературе справедливо отмечается, что при реализации надзорных полномочий прокурору необходимо использовать криминалистические методы для выполнения своих функций относительно криминалистической составляющей деятельности поднадзорных субъектов. Кроме того, невозможно давать указания по вопросам расследования преступлений без надлежащего знания основ криминалистики (в частности, криминалистической методики). Однако глубоких теоретических исследований современных проблем криминалистического обеспечения деятельности прокурора еще недостаточно⁹.

Представляется, что только максимально полная реализация прокурором криминалистических знаний, применение различных методов воздействия на информационные процессы доказывания, дают ему достаточные основания использовать полученные результаты для эффективной реализации своих процессуальных полномочий. При этом реализация прокурором криминалистических знаний предполагает его управляющее воздействие на информационные процессы до-

казывания, в той или иной степени осуществляемое на всех криминалистических этапах его деятельности, включая определение методики и тактики наиболее эффективного проведения проверки и оценки криминалистических средств и методов доказывания, процессуальную реализацию результатов установления следов-отражений системы «преступление» в материалах уголовного дела, а также контроль за формированием и обоснованием выводов следователя (дознателя) при определении им соответствия установленных элементов криминалистической структуры преступления элементам его (преступления) уголовно-правовой модели при оценке принятых промежуточных процессуальных решений на том или ином этапе доказывания¹⁰.

Вопрос о разработке понятия «криминалистическое обеспечение», назначении и сущности этой деятельности достаточно давно поднимается в криминалистике. Первоначально данная проблематика рассматривалась применительно к деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Криминалистическое обеспечение рассматривалось как система:

— внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умении работников органов внутренних дел использовать научные, методические и тактические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений¹¹;

⁸ См., например: Криминалистика : учеб. / под ред. А. Ф. Вольнского, В. П. Лаврова. М., 2008. С. 27.

⁹ См.: Щербачева А. В. Криминалистическое обеспечение прокурорской деятельности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. Минск, 2011. № 4. С. 225–231.

¹⁰ См.: Рубис А. С. Реализация криминалистических знаний — основа процессуальной деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью // LEX RUSSICA (Науч. тр. МГЮА). 2006. № 3. С. 553–557.

¹¹ См.: Коломацкий В. Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений. М., 1994. Т. 1. С. 62.

— криминалистических знаний и основных из них навыков и умений сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений¹².

Эти позиции получили развитие в исследованиях других криминалистов, многие из которых анализировали рассматриваемую категорию применительно к отдельным направлениям криминалистической деятельности, представленным разделами криминалистики¹³.

В дальнейшем ученые стали обращаться и к криминалистическому обеспечению деятельности прокурора как субъекта уголовного преследования, что, по нашему мнению, не только абсолютно справедливо, но и должно рассматриваться как важное средство обеспечения реализации правозащитной функции прокуратуры в уголовном процессе.

Любая человеческая деятельность, в том числе деятельность прокурора, невозможна без

ее обеспечения необходимыми знаниями и средствами для достижения поставленной цели. Р. Г. Аксенов обоснованно отмечает, что использование соответствующего обеспечения, как и того, чем обеспечивают достижение желаемого результата, невозможно вне деятельности, поскольку обеспечение используется в процессе осуществления таковой¹⁴. Именно поэтому мы разделяем высказанную в литературе позицию, что понятие, содержание и структуру криминалистического обеспечения следует определять с позиций его системного анализа как специфического вида деятельности, направленной на повышение эффективности: а) разработки криминалистических методов, средств и рекомендаций; б) их внедрения в практику раскрытия и расследования преступлений (*на наш взгляд — в практику осуществления уголовного преследования.* — Е. С.); в) их использования в этих целях¹⁵.

Р. Г. Аксенов полагает, что обеспечение следует одновременно рассматривать и как продукт (в нашем случае — криминалистический продукт), и как процесс его образования, передачи и принятия (или использования) для осуществления деятельности (научной или практической). При уголовном преследовании идет процесс применения знаний, умений и образования нового продукта — навыков, опыта, знаний, которые в свою очередь порождают потребность в новом научном продукте¹⁶.

А. В. Щербакова предлагает следующий алгоритм реализации прокурором криминалистических знаний: построение модели кри-

¹² См.: *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С.* Криминалистическое обеспечение деятельности муниципальной милиции и органов предварительного расследования. М., 1997. С. 64.

¹³ См., например: *Батаев И. А.* Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение процесса расследования краж из квартир граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998; *Вольнский А. Ф.* Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999; *Пампушко И. П.* Совершенствование правовых и организационных основ применения криминалистической техники в раскрытии преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996; *Скорченко П. Т.* Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. М., 1999; *Шаталов А. С.* Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершенных в условиях массовых беспорядков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993; *Эрекаев А. Я.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования вооруженных разбоев: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

¹⁴ См.: *Аксенов Р. Г.* Объект криминалистического обеспечения // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 4. С. 17–18.

¹⁵ См.: *Богуславский А. В., Ткачук Т. А.* Сущность тактико-криминалистического обеспечения в системе криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Вестник Владимирского университета МВД России. 2009. № 4(13). С. 47–49.

¹⁶ См.: *Аксенов Р. Г.* Объект криминалистического обеспечения. С. 19.

минальной ситуации; построение процессуальной модели деятельности по реализации своей компетенции; построение криминалистической модели деятельности по выявлению преступлений, выявлению и устранению недостатков деятельности поднадзорных органов; определение тактики и методики наиболее эффективного осуществления проверки, оценки криминалистических средств и методов доказывания; определение криминалистической тактики и методики подготовки и поддержания государственного обвинения в суде; осуществление профилактической деятельности.

Именно криминалистические методы проверки и оценки выявленных уполномоченными субъектами фактических данных являются основой механизма реализации компетенции прокурора по осуществлению надзора за соблюдением законов органами, которые проводят оперативно-розыскную деятельность, дознание и досудебное следствие. Результаты этой деятельности являются для прокурора критерием оценки при определении правильности принятия следователем тех или других процессуальных решений, а также основанием для дачи ему письменных указаний¹⁷.

¹⁷ См.: *Щербакова А. В.* Криминалистическое обеспечение прокурорской деятельности. С. 228–229.

На наш взгляд, данный алгоритм не лишен отдельных недостатков, нуждается в доработке и дальнейших исследованиях. В частности, существенную помощь прокурору при осуществлении надзора может оказать использование таких криминалистических средств, как программно-целевой метод организации уголовного преследования, метод криминалистического моделирования и др. Технология их применения должна рассматриваться как важнейших элемент криминалистического обеспечения деятельности прокурора в уголовном процессе и использоваться при разработке указанного выше алгоритма.

Таким образом, как обоснованно полагает А. С. Рубис, теория криминалистического обеспечения деятельности прокурора призвана содействовать эффективности надзорной деятельности за коммуникативно-познавательной составляющей хода процессуального доказывания, решать задачи, возникающие в процессе осуществления данной работы, являться основой криминалистического содержания деятельности прокурора при осуществлении процессуального руководства исследуемыми процессами¹⁸.

¹⁸ *Рубис А. С.* Реализация криминалистических знаний — основа процессуальной деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью. С. 553–557.

О концепции состязательной криминалистики (на основе практики разбирательства дел о преступлениях против жизни)¹

УДК 343.985.1 Написание данной статьи продиктовано стремлением ее автора привлечь внимание криминалистического сообщества к вопросам развития «новой» криминалистики, адекватной современному взгляду на правоприменение и сложившейся практике.

Ключевые слова: криминалистика, состязательность, стороны обвинения и защиты, моделирование, судебная тактика

Никто не обладает монополией на истину,
не должно быть ее и в судопроизводстве.

Ю. И. Стецовский.
Адвокатура и государство

Российское судебное производство по уголовным делам уже многие годы является объектом повышенного внимания не только процессуалистов, но и представителей криминалистической науки. УПК РФ 2001 г., провозгласив приоритет конституционных ценностей в сфере отправления правосудия и взяв курс на развитие состязательности², озна-

Хорошева Анна Евгеньевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Алтайский филиал)
khorosheva.defence@gmail.com

¹ Категория дел о преступлениях против жизни выбрана не случайно. Данные составы позволяют как нельзя лучше проследить особенности формирования частных доказательственных систем.

² Несмотря на серьезные подвижки, в решении вопросов укрепления мировых стандартов в области отправления правосудия, об успехах говорить еще пока рано. Причины этого обусловлены, кроме прочего, и историческими процессами, протекающими в Российском государстве. В литературе данное явление описывается следующим образом: «В странах-членах “новой волны”, представленной относившимися к бывшему соцлагерю государствами Восточной и Центральной Европы или уже бывшими республиками Советского Союза, по понятным причинам существовали совершенно иные стартовые условия, отражавшиеся на состоянии их правовой и судебной систем. Так, принципы осуществления правосудия в странах социалистической формации и в странах Западной Европы, при их частом внешнем текстуальном совпадении (принцип состязательности, принцип диспозитивности и т. д.), кардинально раз-

меновал переход к новому типу уголовного процесса. Шло время, и многие институты, заимствованные из некогда чуждой англосаксонской системы права и автоматически перенесенные на почву российского судопроизводства, продемонстрировали свою несостоятельность. Разрыв между оправдательными и обвинительными приговорами перешагнул все возможные границы, а главное, девальвировалась ценность презумпции невиновности.

В свою очередь в криминалистической науке, проникнутой идеологией следствия, возникла некая парадигма. В целом научное сообщество смогло прийти к определенному единству по вопросу о значимости изысканий в части разработки криминалистических технологий, адресованных профессиональным участникам судебного разбирательства. Единогласно было признано, что искусственный перенос рекомендаций с одной, досудебной, части производства на другую, судебную, в принципе невозможен. Однако жизнь вновь внесла свои коррективы. Любые попытки включить защитника в число субъектов криминалистической деятельности неизбежно вызывали на полемику о недопустимости вольного толкования и расширения предмета криминалистики, которая создавалась как наука, ориентированная на борьбу с преступностью, основная задача которой — выявлять и расследовать преступления.

Не вдаваясь в существо дискуссии, отметим, что враждебность, с которой научное сообщество восприняло предложение об увеличении адресатов криминалистических рекомендаций, породила изоляцию криминалистики, которую образно можно назвать «уходом от реальности»³. Губительность такой тенден-

личались на уровне их концептуального наполнения и применения». (Стандарты справедливого правосудия: международные и национальные практики / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 35).

³ «Уход от реальности» не более чем научная метафора. То обстоятельство, что «криминалистика является наименее политизированной из всех юридических наук» (и в этом мы согласны с Е. Р. Россинской), с одной стороны, несомнен-

но, большой плюс. Не будем, впрочем, забывать о «ленинской» теории отражения. С другой стороны, юридическая природа криминалистики не позволяет ей находиться в стороне в период качественных государственных и общественных преобразований. Причина хотя бы в том, что предмет криминалистики составляют закономерности не только преступной, но и доказательственной деятельности, находящейся в причинно-следственной связи с правоприменением. Возможно, этим можно объяснить и некоторые кризисные явления, которые испытывает на себе современная криминалистика.

По справедливому замечанию Е. Г. Мартыничика, «начала состязательности и охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11, 15 УПК) диктуют необходимость создания таких условий производства по уголовному делу, которые позволяли бы личности в определенных пределах самостоятельно вступать в правоотношения между собой. Таковую возможность, хотя и весьма ограниченную, закон предоставляет всем субъектам стороны защиты. Естественно, данная возможность в плане ее использования наиболее реальной является для адвоката как профессионального юриста»⁴. Российский законодатель в развитие международной тенденции наделил защитника правом проявлять максимальную активность, а именно: представлять доказательства, заявлять ходатайства, вести главный и перекрестный допросы, передопрос, формулировать вопросы для разрешения их экспертом и специалистом, давать оценку доказательствам, выступая в судебных прениях, и др.

Учитывая практику последних лет, мы не можем перенести опыт исследований, связанных с деятельностью защитника, в область других научных направлений, например, судебную

но, большой плюс. Не будем, впрочем, забывать о «ленинской» теории отражения. С другой стороны, юридическая природа криминалистики не позволяет ей находиться в стороне в период качественных государственных и общественных преобразований. Причина хотя бы в том, что предмет криминалистики составляют закономерности не только преступной, но и доказательственной деятельности, находящейся в причинно-следственной связи с правоприменением. Возможно, этим можно объяснить и некоторые кризисные явления, которые испытывает на себе современная криминалистика.

⁴ Мартыничик Е. Г. Адвокатское расследование и уголовно-процессуальные правоотношения. 2009 // URL: <http://www.consultant.ru/>

адвокатолию или адвокатуру, как это предполагают отдельные ученые. Не поддерживаем мы и дробления криминалистики на составляющие: «криминалистика для государственных обвинителей», «криминалистика для защиты» и т. п. По мнению Н. П. Яблокова и А. Ю. Головина, «создатели криминалистики представляли ее как серьезную научную дисциплину, основной задачей которой является удовлетворение потребностей наук уголовного и уголовно-процессуального права по повышению возможностей их правовых средств в решении задач уголовного судопроизводства»⁵. Но мы не можем утверждать, что и уголовное право, и уголовный процесс создавались исключительно для преследования лиц, оказавшихся в поле зрения правоохранительных органов. Назначение же криминалистики, как и иных наук уголовно-правового цикла, состоит в четком разведении понятий о желаемом и должном, а также в соблюдении баланса интересов всех участников процессуальной деятельности.

Не вдаваясь в рассуждения о том, что есть состязательность в судопроизводстве, попытаемся понять, что такое состязательная криминалистика и каковы перспективы развития данного направления в современной правовой действительности.

Состязательная криминалистика, на наш взгляд, — это научное направление, квинтэссенцией которого выступает не борьба двух частных систем доказательств, а противостояние доводов и суждений, представленных в разных модальностях. Как показывает практика, в большинстве случаев стороны оперируют одними и теми источниками доказательств. Каждое доказательство, интерпретируемое участником доказывания, приобретает явный оправдательный или обвинительный смысл только в результате активного противодействия сторон, процессуального спора, который позволяет суду при-

нять одни доводы и отвергнуть другие. Примеры сказанного можно найти почти в каждом уголовном деле.

Так, в ходе судебного заседания, назначенного спустя двенадцать лет после возбуждения уголовного дела по факту убийства С., сторона обвинения ссылаясь на важнейшие, по ее мнению, доказательства — явку с повинной, протоколы допроса Г. в качестве обвиняемого, в которых были изложены все детали совершенного им преступления, а также протокол осмотра места происшествия. Подсудимый Г. свою вину в суде не признал, сославшись на давление со стороны следствия, результатом которого стали его признательные показания, написанные под диктовку. Давая оценку исследованным доказательствам в судебных прениях, защитник Г. сослался на ряд обстоятельств, явившихся следствием анализа представленных обвинением доказательств. Так, адвокат обратил внимание суда на нож, которым, по версии обвинения, было совершено убийство С. В период следствия Г. не только описал его, но и нарисовал. Однако, как было отмечено стороной защиты, на рисунке, представленном гособвинителем, изображен предмет с клинком, заточенным с двух сторон, тогда как в соответствии с заключением медико-криминалистической экспертизы все повреждения причинены плоским лезвие-режущим орудием с односторонней заточкой. Также были отмечены явные противоречия между признательными показаниями Г. и фактическими обстоятельствами. Например, согласно протоколу осмотра места происшествия труп С. был найден в комнате в положении лежа на спине, а не в тамбуре, как было записано в протоколе допроса со слов Г. Следов волочения или смазанных пятен крови, ведущих из тамбура в комнату, обнаружено не было, по выводам СМЭ, потерпевший мог жить короткий промежуток времени, ограниченный десятками секунд, что, по мнению стороны защиты, могло свидетельствовать о нанесении убийцей ударов ножом где угодно, но только не в тамбуре.

⁵ Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы. М., 2009. С. 224.

К слову сказать, автор статьи не поддерживает идею о возможности достижения объективной истины, как и точку зрения некоторых криминалистов о положительной роли такого явления, как объективизация доказывания⁶, что обусловлено вполне объяснимыми ограничениями, продиктованными природой человека. Вместе с тем истинная состязательность возможна только там, где технологиями ведения спора владеют оба его участника. Анализ многих уголовных дел показывает, что юридическое равенство сторон было и остается формальным. Удовлетворение ходатайств защиты, например о проведении повторной или дополнительной экспертизы, даже по особо сложным делам — редкое исключение, не говоря уже о приобщении к делу в качестве доказательств данных, самостоятельно собранных защитой. В таких условиях развитие состязательной криминалистики необходимо хотя бы потому, что способно де-факто компенсировать неравенство сторон в процессе.

Объясняя состязательность через понятие сложных социальных систем, взаимодействующих между собой по принципу «субъект — деятельность — результат», выскажем некоторые соображения относительно того, какими могут быть основы формирования криминалистической концепции состязательности.

«Термин «система» появился в научной литературе давно и фактически является таким же неопределенным, как «множество» или «совокупность». Наиболее широко этот термин первоначально использовался в механике, где обозначал материальную систему, т. е. «совокупность материальных точек, под-

чиненных определенным связям»⁷. Впоследствии подобные системы стали называть сложными благодаря качеству протекающих в них процессов, инициированных поведением человека. В этом состоит, на наш взгляд, и специфика уголовно-процессуального познания, движущей силой которого служит доказательственная деятельность сторон.

Одновременно с термином «система» возникло моделирование, с помощью которого сегодня могут диагностироваться процессы, характерные для состязательного типа судопроизводства. Основу сложной системы составляют технологии, анализ которых позволяет создавать различные модели доказательственной деятельности. Учитывая современные правовые реалии, а также доминирующий в доказывании следственный подход, издержками которого являются преобладание требований к качеству формы доказательства (источнику), а не его содержанию, разделим все технологии на допустимые и недопустимые. Совокупность допустимых технологий образует механизм доказывания, который и определяет существо судебной тактики.

Яркий пример использования в доказывании комплекса недопустимых технологий — обвинительный уклон. Иначе говоря, обвинительный уклон — это не только юридическое понятие, получившее широкое распространение в правовой среде, но и особая линия поведения, выраженная в совокупности недопустимых в условиях состязательного процесса технологий, в числе которых:

— блокирование любой процессуальной деятельности стороны защиты, с тем чтобы ограничить поступление новых фактических данных;

— сознательное игнорирование так называемого непроверяемого доказательства, в том числе его критическая оценка судом, противоречащая фактическим обстоятельствам дела;

⁷ Калашиников В. В. Нить Ариадны в лабиринте моделирования. М., 1993. С. 7.

⁶ См.: Новик В. В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам. СПб., 2005. С. 52; Гаврилин Г. Г. Объективизация доказательств как фактор повышения эффективности суда присяжных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2000. С. 25; Чеботарев Р. А. Криминалистические аспекты объективизации доказывания по делам об убийствах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. С. 26.

— использование софистических опровержений, основанных на модальностях, и др.

Обвинительный уклон как особая недопустимая технология характерен для статических моделей⁸, базовыми признаками которых являются: формально проведенная проверка доказательств, осознанное нежелание суда и стороны обвинения устранять пробелы в доказывании, что в дальнейшем препятствует поступлению информации, отличной от той, которая содержится в материалах дела. Анализ судебной практики показывает, что такого рода действия имеют место в случаях, когда доказательствами по делу выступают: признательные показания, данные обвиняемым в ходе предварительного следствия, а также показания свидетелей двух категорий: очевидцев, присутствовавших на месте преступления, но не принимавших участие в его совершении, и сообвиняемых, избравших тактику сотрудничества со следствием.

В литературе по вопросу о критериях оценки надежности прямого доказательства — показаний свидетеля-очевидца, выказывается заметное единодушие. Так, А. В. Аверин выделяет два неперемных условия, при наличии которых показания свидетеля могут признаваться достоверными: 1) свидетель не должен быть лично заинтересован в искажении известной ему информации; 2) свидетель должен быть безупречно честным и безгрешным⁹. М. Коэн и Э. Нагель по этому поводу отмечают: «Правдивость свидетеля оценивается частично на основании подтверждения его показаний с помощью независимых свидетелей, а частично на основе его характера. Если показания свидетеля противоречат его собственным интересам, то это значит, что он, вероятно, говорит правду; если свидетель приводит показания, принятие которых пойд-

ет ему на пользу, то правдивость его показаний вызывает подозрение»¹⁰.

При оценке показаний и свидетелей-очевидцев, и свидетелей-сообвиняемых российские суды опираются на широкую свободу усмотрения: от предъявления высоких требований к надежности источника до откровенного игнорирования любых перечисленных критериев их оценки. Европейский Суд по правам человека в ряде своих постановлений обозначил иную позицию по данному вопросу, отметил, что «использование показаний, данных свидетелем в обмен на иммунитет от уголовного преследования или на иные преимущества, может поставить под сомнение справедливость судопроизводства в отношении обвиняемого и поднять сложные вопросы, так как такими показаниями можно манипулировать и свидетель может давать их только для того, чтобы получить преимущества, или же из личной мести»¹¹.

В связи с этим выбор технологии доказывания для защитника должен быть очевиден — максимальная демонстрация «порочности» механизма доказывания противоположной стороны через выявление любых противоречий, указывающих на ненадежность свидетельских показаний (нарушение логической связи с другими доказательствами; создание ситуации, при которой использование свидетельских показаний влечет искажение главного факта; акцентирование внимания на особенностях личности свидетеля). В качестве примера приведем уголовное дело, ярко иллюстрирующее успешность данных рекомендаций, но, к сожалению, не в первой, а во второй инстанции.

На основании приговора Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики Рахаев был признан виновным в том, что, будучи должностным лицом, совершил

⁸ Многообразие моделей позволяет разделить их на группы: статические и динамические; ретроспективные и перспективные; релевантные, нерелевантные и условно-релевантные.

⁹ Аверин А. В. Истина и судебная достоверность: постановка проблемы. СПб., 2007. С. 252.

¹⁰ Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. Челябинск, 2010. С. 470.

¹¹ См.: Постановления по делам «Verhoek v. the Netherlands» от 27 января 2004 г., «Erdem v. Germany» от 9 декабря 1999 г., «Mambro and Fioravanti v. Italy» от 9 сентября 1998 г.

действия, явно выходящие за пределы его полномочий, а также причинил тяжкий вред здоровью человека, повлекший по неосторожности смерть потерпевшего. Как следует из материалов дела, когда Рахаев находился в своем кабинете, четверо его подчиненных оперативных сотрудников, а также двое участковых уполномоченных полиции привели ранее задержанного ими Джанкезову. Было установлено, что задержание происходило вечером, до утра Джанкезов держали в опорном пункте полиции на окраине города, затем отвели к мировому судье для привлечения к административной ответственности. После суда, примерно в 12 час. 15 мин. Джанкезову привели в кабинет к Рахаеву для проведения оперативной беседы, проходившей в присутствии других сотрудников полиции. Через полчаса Джанкезову стало плохо, а спустя 10–15 минут он скончался. Сотрудники полиции, которые производили первоначальное задержание, а после держали Джанкезова в опорном пункте около 10 часов, дали показания, из которых следовало, что каждый из них лично не бил и видел остальных, которые его также при нем не били, а все повреждения были нанесены Джанкезову их начальником Рахаевым за полчаса до смерти последнего в его кабинете.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики, согласившись с доводами стороны защиты, изложенными в апелляционной жалобе, приговор отменила и возвратила уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. Коллегия указала на то, что вынося приговор, суд перечислил лишь доказательства обвинения, но оценки им не дал и не привел мотивы, по которым доводы защиты были им отвергнуты. Так, оценивая показания свидетеля Тамова в ходе следствия и в судебном заседании, суд признал их достоверными, тогда как в ходе следствия Тамов утверждал, что Рахаев наносил удары Джанкезову, а к Джатдоеву никто из них насилия не применял. В судебном же заседании Тамов стал утверж-

дать, что Рахаев применял насилие именно к Джатдоеву, а не к Джанкезову. Аналогичным образом противоречивые показания свидетелей Байкулова, Тазартукова (поменял показания, так как «сработал инстинкт самосохранения»), Кубановой, Воскресенской в ходе следствия и в судебном заседании были признаны судом допустимыми.

Оценивая показания свидетелей Капшупшева, Биджиева и Блимготова, суд признал их достоверными, хотя из них следует, что до доставления Джанкезова в ОМВД по г. Черкесску видимых телесных повреждений на нем не было и на здоровье он не жаловался. Судебная коллегия по уголовным делам отметила, что данные показания, признанные судом допустимыми, явно противоречат показаниям свидетеля Шалашова, из которых следует, что у Джанкезова еще до рассмотрения дела об административном правонарушении мировым судьей была рассечена бровь, имелась гематома под глазом, а на лице засохшая кровь. Показания этого свидетеля согласуются с данными записи с камеры наблюдения № 9, осмотренной в заседании суда апелляционной инстанции, из которых следует, что в 10 час. 45 мин. у Джанкезова под левым глазом уже имелась большая гематома¹².

Динамические модели характеризуются острой состязательностью, что обусловлено борьбой, противостоянием двух сторон с противоположными интересами. Наиболее эффективными в связи с этим нам представляются: 1) технологии опровержения доказательств; 2) технологии исключения логических связей; 3) технологии, основанные на силе психологического убеждения. Универсальный характер имеет технология опровержения доказательств, в противоположность которой разрабатывается контртехнология под названием «защита слабых мест».

Первая технология реализуется поэтапно и включает в себя: 1) поиск «слабого»

¹² Апелляционное определение Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 8 октября 2013 г. № 22-368 /2013

доказательства; 2) определение его места в механизме доказывания и силы в иерархии доказательств; 3) использование возможности получения нового доказательства; 4) построение модели опровержения посредством системы аргументации.

Применение данной технологии связано для стороны со значительным риском («фактор риска»). Ее эффективная реализация наделяет сторону ощутимым преимуществом, однако при неудачной попытке доказательство противоположной стороны получает такое свойство, как неопровержимость. *Неопровержимость — свойство доказательства, свидетельствующее об отсутствии иного доказательства или промежуточного факта, которое на момент рассмотрения дела не существует или не известно сторонам и суду, что влечет принятие такого доказательства как истинного.* Проиллюстрируем сказанное примером.

М. обвинялась в том, что, находясь в состоянии алкогольного опьянения, на почве личных неприязненных отношений нанесла один удар в грудь П., причинив тем самым ранение, повлекшее смерть потерпевшего. В судебном заседании М. свою вину не признала, сославшись на то, что после травмы десятилетней давности не может сжать в ку-

лак пальцы руки и, следовательно, не могла взять нож с такой силой, чтобы нанести им удар. Отпечатков ее пальцев на ноже обнаружено не было, как и крови потерпевшего на одежде. Тогда по ходатайству гособвинителя в судебном заседании в качестве специалиста был допрошен заведующий хирургическим отделением МУЭ, который, осмотрев в судебном заседании М., пояснил, что у подсудимой повреждено сгибательное сухожилие на предплечье правой руки. При этом М. пользуется подмышечными костылями, сила кисти несколько снижена, но хватательная функция правой руки не нарушена, кисть сгибается и разгибается. Допрошенные в судебном заседании свидетели также пояснили, что М. по дому все делает сама. Суд признал подсудимую виновной в умышленном причинении смерти другому человеку и постановил обвинительный приговор.

К сожалению, ограниченный формат статьи не позволяет осветить еще множество проблемных вопросов, которые неизменно возникают, когда речь идет о таком очевидно дискуссионном и безусловно интересном научном направлении, как состязательная криминалистика. Автор надеется, что высказанные им идеи станут предметом для дальнейших обсуждений.

Конституция РФ и некоторые аспекты интеграции и дифференциации криминалистики и уголовного процесса

УДК 343.14+343.985 В статье в свете проблем интеграции и дифференциации криминалистики и уголовного процесса рассматриваются и анализируются содержащиеся в уголовно-процессуальном законе и некоторых процессуально-теоретических построениях противоречивые, недостаточно точные положения.

Ключевые слова: криминалистика, уголовно-процессуальный закон, интеграция, процессуально-теоретические заблуждения, истина, наводящий вопрос, теория доказательств

Бесспорно, уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальный закон должны соответствовать основным положениям Конституции РФ и быть направлены на их обеспечение. Прежде всего, это положения главы второй Конституции РФ, в которых установлено равенство прав и свобод человека и гражданина: «Все равны перед законом и судом» (ч. 1 ст. 19); права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18); правосудие как основная функция судебной власти, осуществляемое «посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства» (ст. 118), гарантирует, обеспечивает государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 45, 46).

Центров Евгений Емельянович,
доктор юридических наук, профессор
кафедры криминалистики
юридического факультета
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова
remedis.mac@gmail.com

Обращаясь к конституционным нормам, нельзя не отметить, что в современном уголовно-процессуальном праве, УПК РФ и некоторых теоретических процессуальных построениях, к сожалению, содержатся положения и предложения, которые в силу своей противоречивости и недостаточной четкости вряд ли можно признать соответствующими исходным позициям, закрепленным в Конституции РФ.

На эффективное построение уголовно-процессуального закона особое влияние оказывает связь практики расследования, криминалистики и уголовного процесса. В последнее вре-

мя интеграция криминалистики и уголовного процесса оказалась существенным образом нарушенной в результате решения Высшей аттестационной комиссии РФ об исключении криминалистики из специальности 12.00.09 в Паспорте номенклатур специальностей научных работников. В специальности 12.00.09 остался только уголовный процесс. Зато в отрасли специальностей «Юридические науки» создана новая специальность 12.00.12, которая охватывает криминалистику, судебно-экспертную деятельность, оперативно-розыскную деятельность.

Данное решение состоялось вопреки заявлениям ведущих кафедр криминалистики и уголовного процесса юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и других вузов. По существу оно направлено на вытеснение влияния криминалистических исследований из теории и законодательной практики уголовного процесса, а также теории доказательств. Такой вывод вытекает из анализа обоснования необходимости подобного решения представителями уголовного процесса. Наряду с другими аргументами там был приведен следующий достаточно откровенный тезис: *«Объединение уголовного процесса с криминалистикой и оперативно-розыскной деятельностью в рамках одной научной специальности постоянно порождает противоречия между ними, искусственно сдерживает развитие самого уголовного процесса, особенно в части новых механизмов процессуальной деятельности, направленных на обеспечение прав и свобод личности»*¹. Тот, кто утверждает это, забывает или упускает из виду, что полноценные научные исследования всегда шли и идут в столкновении различных мнений, споров и дискуссий. Широкое участие в разрешении спорных вопросов представи-

телей разных научных направлений как раз и обеспечивает эффективное развитие научных дисциплин. В связи с этим можно вспомнить, что криминалистика и уголовный процесс (уголовно-процессуальное законодательство) издавна, с XIX в., развивались не параллельно, а рука об руку, взаимно дополняя и подталкивая процесс своей эволюции.

Суть еще одного тезиса состоит в том, что в отличие от криминалистики, теории оперативно-розыскной деятельности наука уголовного процесса изучает деятельность, связанную с производством по уголовным делам, *«лишь с точки зрения ее отношения к соответствующим нормам права. Целью уголовного процесса является не раскрытие и расследование преступлений, не установление значимой информации, а обеспечение возможности реализации уголовного закона»*. Сторонники данной позиции значительно сужают область традиционно разрабатываемых уголовно-процессуальной наукой положений, поскольку целью уголовного процесса является не только «обеспечение возможности реализации уголовного закона», но и обеспечение направленности норм уголовно-процессуального закона на раскрытие и расследование преступлений, что нашло отражение в ст. 6 УПК РФ, в нормах третьей главы, частей второй, третьей и других разделах кодекса². Стоит добавить, что к целям уголовно-процессуальной науки относится также дальнейшее развитие, совершенствование уголовно-процессуального закона.

По сути авторы анализируемых тезисов проявили готовность отказаться от признания ведущей роли в уголовном процессе теории процессуального доказывания (теории

¹ См.: Власенко Н. А. О номенклатуре специальностей научных работников в области юриспруденции // Российское право в Интернете. № 2010 (02) // URL: <http://www.rpi.msal.ru/prints/201002vlasenko.html>

² Как верно отмечает Э. Ф. Куцова, «задачи уголовного процесса России должны отражать баланс интересов раскрытия преступлений, избрания, наказания виновных и обеспечения прав и законных интересов граждан в уголовном процессе» (Куцова Э. Ф. Истина и состязательность в уголовном процессе Российской Федерации // Ученые-юристы МГУ о современном праве. М., 2005. С. 293).

доказательств) под тем предлогом, что «*предмет уголовного процесса гораздо шире этой теории. При этом все же признается, что теория процессуального доказывания «традиционно» является «связующим звеном уголовного процесса с прикладными науками (криминалистикой и оперативно-розыскной деятельностью), обеспечивающими раскрытие и расследование преступлений».*

Соглашаясь с этим положением, следует заметить, что теория доказательств является не только «связующим звеном», но и той областью правоприменительной деятельности, которая изначально совместно разрабатывалась представителями уголовного процесса и криминалистики и содержит существенные теоретические построения уголовно-процессуальной науки³. Положения теории доказательств легли в основу обоих научных направлений и нашли отражение в уголовно-процессуальном законе (раздел III «Доказательства и доказывание», главы 21–32 и других УПК РФ). Теория доказательств давно признана видными учеными-процессуалистами центральным узлом всей системы уголовного судопроизводства⁴. Стоило ли ради выделения уголовного процесса в новой номенклатуре научных специальностей ВАК в области юриспруденции отбрасывать эту важную сторону уголовно-процессуальной науки и много лет нарабатываемый опыт совместного сотрудничества с криминалистами?

В криминалистических публикациях не единожды отмечались заблуждения теоретиков уголовно-процессуальной науки. Так, в процессуальной литературе была высказана ошибочная точка зрения по поводу по-

нятия наводящего вопроса, к которому приравнивалось любое оглашение показаний⁵. Такая позиция вводила практику в заблуждение. Не без влияния данного мнения Военная коллегия Верховного Суда СССР вынесла в свое время частное определение, в котором было записано, что «оглашение свидетелю показаний других лиц равнозначно постановке наводящих вопросов...»⁶. По логике этих ошибочных теоретических рассуждений любое предъявление доказательств в процессе расследования может быть при желании приравнено к наводящему вопросу.

При отграничении правомерного вопроса от наводящего нужно учитывать, что доказательственная и иная информация может содержаться не только в самом вопросе, но находиться за его пределами. Наводящий характер может носить и само следственное действие. Нередки ситуации, когда вопрос может поначалу показаться наводящим. *Поэтому целесообразно введение в правовое поле такого понятия, как условно наводящий вопрос. Окончательное признание вопроса наводящим или ненаводящим будет зависеть от объема информации в полученном ответе на него и другие связанные с ним вопросы. Наводящим является такой вопрос, который в процессе его постановки рассчитан на повторение содержащейся в нем информации и который формулировкой, эмоциональным подтекстом, жестами, мимикой и иным образом подсказывает, наводит на определенную информацию, а ответ на него и другие связанные с ним вопросы не выходит за пределы сообщенных сведений, не содержит новой, допол-*

³ См.: Драпкин Л. Я. Совсем не смертные грехи профессора А. С. Александрова // URL: <http://bit.ly/90cDJD>.

⁴ В. Спасович., М. Строгович, Н. Полянский, И. Фойницкий и др. См. подробнее: Божьев В. Издержки системного характера при корректировке норм УПК о доказывании и преюдиции // Законность. 2010. № 6. С. 6.

⁵ Шахриманьян И. К. Психологические основы отдельных следственных действий. М., 1972. С. 30–31; Смыслов В. И. Свидетель в советском уголовном процессе. М., 1973; Строгович М. С. Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 136–138; Доспулов Г. Г., Мажитов Ш. М. Психология показаний свидетелей и потерпевших. Алма-Ата, 1975. С. 166–167.

⁶ Бюлл. Верховного Суда СССР. 1971. № 2.

нительной, ценной в доказательственном отношении информации⁷.

Говоря о последствиях разрыва процессуальной науки и практики, можно вспомнить историю формирования принципов современного уголовного процесса в России. Действующий УПК РФ отбросил термин «истина» и ее установлению противопоставил принцип состязательности уголовного процесса. С точки зрения, проектировавших уголовно-процессуальный закон, получается, что в уголовном судопроизводстве побеждает тот, кто будет более убедительным в процессе этой самой состязательности, основанной на противоборстве сторон и совсем не обязательно опирающейся на всесторонность, объективность и полноту сбора и надлежащего исследования доказательств. Иными словами, принцип состязательности в конечном счете может сводиться и нередко сводится не к установлению истины, а к победе в этом состязательном процессе той стороны, которая оказывается более изворотливой, изощренной. Убедительность доказывания можно создать за счет приемов эмоционального порядка, передергивания фактов, замалчивания существенных обстоятельств, придания впечатления решающих доказательств тем фактическим сведениям, которые такой силой не обладают.

Показательна в этом плане позиция А. С. Александрова, который противопоставляет объективной истине истину судебную. По его мнению, «представление и исследование доказательств не является познавательным актом, но более отражает игровой — состязательный — момент правосудия. Судебная истина — это результат выигрыша, удачного оперирования доказательствами в суде»⁸. Истина объявлена фантомом, головной болью уголовного процесса. Один из апологетов этой

точки зрения отказ от понятия истины объясняет тем, что стремление к ней часто оборачивалось злом, подталкивало отдельных следователей, прокуроров и судей к безнравственным действиям — принуждению невиновных людей к самооговору, использованию методов физического и психического насилия, фальсификации доказательств. «Происходило это, — пишет он, — в силу того, что идеология признания истины главной ценностью не терпела пустоты, не признавала ситуаций, когда независимо от воли и усердия следователя, прокурора и суда невозможно было установить виновного в совершении преступления»⁹.

Все, что здесь процитировано, — это не мнение отдельного ученого, а позиция законодателя, сформировавшаяся в результате очередного теоретического заблуждения процессуалистов. Давайте посмотрим на реалии нынешнего уголовного судопроизводства. Прошло много лет после принятия нового Уголовно-процессуального кодекса, в котором достижение истины не обозначено как задача, стоящая перед уголовным судопроизводством. Однако периодическая печать, радио и телевидение неустанно сообщают о фактах фальсификации доказательств, об использовании на практике методов физического и иного принуждения к даче нужных для следствия показаний. Очевидно, в основе обозначенной проблемы лежат совсем другие причины, и относятся они, скорее, к факторам социально-экономического, политического и иного порядка.

Здесь уместно вспомнить высказывание специалиста в области гражданского судопроизводства К. И. Малышева, который еще в XIX в. писал: «Истина столько же необходима для суда, как и справедливость. Если бы суд стал ошибочно или ложно признавать действительные факты несуществующими, а факты вымышленные действительными, и применять к ним затем правила закона со всею

⁷ См. об этом более подробно: Центров Е. Е. Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе // Ученые-юристы МГУ о современном праве. М., 2005. С. 443–462; Рос. юстиция. 2003. № 4, 5.

⁸ См.: Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 169.

⁹ Подольный Н. Фантомы уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2004. № 4, С. 49–50.

точностью, такая комедия правосудия указывала бы на глубокую порчу его и была бы страшным бедствием для народа»¹⁰.

По настоянию процессуалистов в ч. 2 ст. 15 УПК РФ было введено положение о том, что «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо». Это исходный принцип явно не соответствует другим положениям кодекса. При анализе этой нормы и других положений УПК РФ нетрудно увидеть, например, что следователь в силу наделенных процессуальным законом полномочий по осуществлению предварительного следствия по уголовному делу (ч. 1 ст. 38 УПК РФ) и главным образом принципов, провозглашенных в ст. 6 УПК РФ, не может и не должен быть отнесен только к стороне обвинения. Он обязан, осуществляя уголовное преследование, обеспечить и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, выяснять в соответствии со ст. 61, 63 и другими статьями УК РФ не только отягчающие, но и смягчающие наказание обстоятельства, а также обстоятельства, исключающие уголовное преследование и уголовную ответственность (гл. 4 УПК РФ). Следователь обязан обеспечить подозреваемому и обвиняемому возможность защищаться всеми незапрещенными способами и средствами. Иначе говоря, он как раз и является тем должностным лицом, который вопреки ч. 2 ст. 15 УПК РФ осуществляет одновременно все три функции — обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. К последней относится право следователя на решение вопроса о возбуждении уго-

ловного дела, привлечении лица в качестве обвиняемого, избрании меры пресечения, прекращении уголовного дела, составлении обвинительного заключения и др.

Данная ошибочная теоретическая конструкция попала в закон лишь оттого, что составители Уголовно-процессуального кодекса забыли, а потому и не приняли во внимание известное классическое процессуальное положение, изложенное М. С. Строговичем, который отмечал, что «в деятельности следователя сочетаются все три основные процессуальные функции — уголовное преследование или обвинение, защита и разрешение дела»¹¹.

Если внимательно разобрать этот вопрос по существу, то можно увидеть, что реальная деятельность не только следователя, но и прокурора, и суда не может соответствовать положениям ч. 2 ст. 15 УПК РФ. Как представитель интересов государства прокурор в соответствии со ст. 6 УПК РФ должен не только осуществлять уголовное преследование, он не только вправе, но и обязан при определенных обстоятельствах отказаться от поддержки предъявленного обвинения. *Функция осуществления правосудия многогранна.* Она включает и обвинение, и защиту, и учет обстоятельств, смягчающих и отягчающих либо исключающих уголовную ответственность. Здесь налицо своеобразное сочетание функции обвинения на завершающем этапе уголовного преследования, функции защиты при вынесении оправдательного приговора и окончательного разрешения уголовного дела. С ч. 2 и ч. 3 ст. 15 УПК РФ фактически не соотносится и деятельность суда по осуществлению судебного контроля в процессе предварительного следствия и дознания¹².

¹⁰ *Мальшев К. И.* Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1876. Т. 1. (Цит. по: *Треушников М. К.* Судебные доказательства. М., 2005. С. 80–81). К сожалению, анализ современного уголовного судопроизводства свидетельствуют не только о нарушении принципов справедливости, правосудности, но и о многочисленных фактах несправедливого назначения наказания невиновным лицам, основанного на извращении и фальсификации доказательств.

¹¹ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 226, 224–227. См. также: *Пилюк А. В.* Правовое положение следователя в современном уголовном процессе России // Рос. юстиция. 2011. № 3. С. 33–37.

¹² См. об этом более подробно: *Центров Е. Е.* Процессуальный закон в свете интеграции и диф-

И еще об одном процессуально-теоретическом заблуждении. Такое следственное действие, как проверка показаний на месте, появилось в УПК РФ после длительной, почти полувековой дискуссии между криминалистами и процессуалистами. Казалось бы, все спорные вопросы в отношении этого следственного действия решены и практика его применения бесспорна. Однако в девятом номере журнала «Российская юстиция» за 2012 г. была опубликована статья В. И. Зажичко под заголовком «Нужно ли следственное действие с «участием» куклы?» (с. 31–34). В ней автор предлагает «исключить из системы следственных действий, предусмотренных УПК РФ», проверку показаний на месте как «необоснованное и бесперспективное», обозначая его следственным действием с «участием» пластмассовой куклы. По сути, вытащена на «божий свет» весьма замшелая идея. Высказывания этого автора основаны на ряде существенных процессуальных неточностей, обусловлена явно недостаточным профессиональным знанием практики расследования и реальной роли проверки показаний на месте в доказывании и установлении истины по делу¹³.

Возвращаясь к решению ВАК о разделении специальностей криминалистики и уголовного процесса, следует отметить, что оно в негативном ключе изменяет приоритеты и прежде всего дидактические ориентиры при обучении криминалистике и подготовке криминалистических диссертационных исследований. Теперь совсем необязательно вникать в детали, процессуальные тонкости, особенности логики доказывания с учетом специфики уголовно-процессуального права. Криминалистические исследования обедняются,

поскольку знать уголовный процесс достаточно лишь в общих чертах. Исключается необходимость в глубоком знании теории доказательств. Вполне можно ограничиться знанием теоретических и фактических положений судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности, которые, конечно же, не могут заменить знаний процесса доказывания, доказательственного права. По нынешней ВАКовской составляющей вместо прежнего аспирантского экзамена по уголовно-процессуальному праву и криминалистике надо сдавать экзамен по криминалистике, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности. Из списка основной и дополнительной литературы программы кандидатского экзамена по криминалистике, к сожалению, вычеркиваются литературные источники, не только по уголовно-процессуальному праву, но и по теории доказательств, доказательственному праву. По чисто формальным соображениям это, может быть, и верно, так как соответствует ВАКовскому регламенту, однако вряд ли отвечает сути современного криминалистического диссертационного исследования, которое должно опираться на широкую и глубокую эрудированность будущего кандидата юридических наук. Можно сколько угодно твердить и писать о том, что нужно развивать специфическое поисково-познавательное, следственно-оперативное, криминалистическое мышление. Все это будут лишь слова, поскольку логика следственного, криминалистического мышления при всех остальных важных составляющих может основываться лишь на подлинном знании уголовно-процессуального, доказательственного права, теории доказательств.

Думается, криминалистическому сообществу нужно с учетом всех этих негативных оснований, не дожидаясь соответствующего решения ВАКа, которого может и не быть, договориться о включении в программы кандидатских экзаменов по криминалистике наиболее важных вопросов по доказательственному праву, уголовно-процессуальной теории.

ференциации криминалистики и уголовного процесса // Закон. 2011. Июль. С. 149–160.

¹³ См. подробнее: Центров Е. О сути следственного действия «проверка показаний на месте» // Законность. 2013. № 10. С. 50–55; *Его же*. Ошибочные суждения о сути следственного действия «проверка показаний на месте» // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Краснодар, 2013. С. 637–643.

Проблемы обеспечения законности применения тактических средств расследования преступлений (в свете конституционного требования о допустимости доказательств)

УДК 343.985.3 В Конституции РФ и УПК РФ закреплено правило о признании доказательств, полученных с нарушением федерального закона, недопустимыми. Данному требованию должны соответствовать все средства расследования преступлений, в том числе имеющие тактическую форму. Однако на практике встречаются трудности, связанные с правильным пониманием и точным применением требования о соответствии тактических средств положениям закона. Эти трудности и являются предметом рассмотрения в предлагаемой статье.

Ключевые слова: тактическое средство расследования, законность, допустимость, «буква и дух» закона, целесообразность, нарушение закона

В ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации закреплено, что «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Конкретизация данного положения применительно к сфере уголовного судопроизводства обусловила установление в ст. 75 УПК РФ правила о признании недопустимыми (а следовательно, не имеющими юридической силы и не подлежащими использованию при принятии большинства процессуальных решений по делу) доказательств, полученных с нарушениями установленного уголовно-процессуальным законом порядка их собирания и закрепления, в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами, и т. д.

Указанное правило распространяется на все средства, которые следователь (дознатель) использует при собирании, проверке и исследовании доказательств, в том числе имеющие тактическую форму и реализуемые в виде тактических приемов

Чебуренков Александр Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права, криминалистики
и криминологии
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета
им. Н. П. Огарева

и их сочетаний или тактических операций. О. Я. Баев верно отмечает, что «являясь правовой основой тактики, в этом своем качестве уголовно-процессуальный закон предопределяет формы и возможности использования ее средств в процессуальных рамках и при условиях, им, законом, устанавливаемых»¹. Поэтому каждое используемое следователем тактическое средство расследования должно соответствовать закону, не противоречить ему, т. е. быть законным (правомерным).

Требование законности тактических средств входит в единую систему правовых, научных и нравственных основ расследования преступлений, с позиций которой оценивается допустимость каждого используемого следователем тактического приема, их сочетания и др. Проведенное В. И. Комиссаровым, С. Ю. Якушиным и другими учеными комплексное исследование особенностей взаимодействия образующих указанную систему компонентов применительно к тактике следственных действий показало, что правовые основы играют здесь решающую роль и являются обязательными для всех следственных действий. Применительно к требованию законности это означает, что его следует рассматривать в качестве обязательного критерия допустимости каждого тактического средства при производстве всех следственных действий в любой ситуации.

Законность тактических средств расследования проявляется, во-первых, в соблюдении следователем требований закона при применении различных тактических приемов, их сочетаний и т. д. при расследовании преступлений; во-вторых, в соблюдении закона при их избрании; в-третьих, в соблюдении законности при выработке криминалистической науки и следственной практикой новых тактических средств.

Ни одно из рекомендованных криминалистикой тактических средств не может проти-

воречить закону и нарушать гарантированные Конституцией РФ права и законные интересы граждан, нашедшие отражение как в общих принципах уголовного судопроизводства, так и в конкретных нормах, регулирующих порядок проведения процессуальных действий на стадии предварительного расследования. Должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, применяют нормы Конституции РФ непосредственно (путем прямого применения) или опосредованно (наряду или через отраслевые нормы).

Понимание законности тактических средств будет неполным, если ее ограничивать соответствием того или иного средства, предписаниям уголовно-процессуального закона. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит нормы как предписывающего или запретительного характера, требующие от следователя выполнения в определенных ситуациях производства конкретных действий, или воздержания от их, так и альтернативного или разрешительного характера, предоставляющие следователю определенную свободу в выборе тех или иных средств ведения расследования. Поэтому законность тактического средства следует рассматривать как необходимость выполнения следователем требований и предписаний закона, соблюдения запретов, установленных правовыми нормами, порядка производства действий, указанного в Уголовно-процессуальном кодексе, применение тактического средства в соответствии с законным назначением реализуемого с его помощью следственного действия².

При оценке законности тактических средств необходимо устанавливать соответствие конкретного средства положениям УПК РФ, которые:

1) определяют цели применения тактических средств, обусловленные в конечном счете целью следственного действия, в рамках

¹ Баев О. Я. Российская криминалистика начала XXI в.: направления развития, современные проблемы // Вестник криминалистики. М., 2000. Вып. 1. С. 13.

² См.: Комиссаров В. И. Научные, правовые и нравственные основы следственной тактики. Саратов, 1980. С. 46–47; Васильев А. Н. Следственная тактика. М., 1976. С. 41.

которого применяется средство, необходимостью принятия решения по делу и т. д.;

2) предусматривают реализацию конкретного средства следователем в пределах его процессуальной компетенции;

3) обозначают отдельные элементы возможного содержания тактических средств (например, в ст. 181 УПК раскрывается сущность реализуемых следователем приемов при проведении следственного эксперимента — воспроизведение действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события);

4) устанавливают порядок реализации тактических средств (так, в ч. 4 ст. 179 УПК закреплено, что при освидетельствовании лица другого пола, сопровождаемом обнажением данного лица, следователь не присутствует);

5) устанавливают критерии оценки результатов применения тактических средств (требования закона подробно фиксировать условия, ход и результаты следственных действий, до или после применения средства получать данные, позволяющие оценить его эффективность);

6) запрещают или ограничивают в определенных ситуациях применение тех или иных средств (так, УПК РФ запрещает на постановку наводящих вопросов при допросе, предъявлении для опознания, проверке показаний на месте);

7) определяют связи и отношения между отдельными тактическими средствами (например, последовательность производства следственных действий, учитываемая при разработке тактических операций);

8) устанавливают временные рамки реализации конкретных средств расследования (проведение допроса подозреваемого не позднее 24 часов с момента его фактического задержания, выполнение следственных действий по поручению другого следователя в срок не более 10 суток и т. д.).

Зависимость тактических средств от норм Уголовно-процессуального кодекса настолько выражена, что в теории криминалистической тактики общепринятым считается положение о необходимости соответствия (непро-

тиворечия) тактических средств, в частности тактических приемов производства следственных действий, не только «букве» закона, но и его «духу»³. Это требует от следователя выполнения как прямых предписаний кодекса, так и тех положений, которые текстуально не содержатся в нормах закона, но вытекают из его смысла и назначения, подразумеваются законом. Например, обязанность следователя принимать меры к тому, чтобы не были оглашены обстоятельства частной жизни гражданина, его личная и семейная тайна, возложена на него только при производстве обыска и выемки (ч. 7 ст. 182, ст. 183 УПК РФ). Но нет сомнений в том, что именно следование «духу» закона обязывает следователя выполнять это глубоко нравственное предписание при производстве и других следственных действий.

В первую очередь соответствие тактических средств «духу» закона нужно связывать с таким характером их использования, который отвечает общему идейному содержанию уголовного процесса, выраженному в принципах уголовного судопроизводства. Практическая реализация «духа» закона в деятельности следователя должна выражаться также в понимании им сущности и социального назначения норм Уголовно-процессуального кодекса, уяснении того, почему в интересах расследования нужно действовать в соответствии с каким-либо правилом, в чем состоит смысл этого правила, как его соблюдение способствует успеху расследования и т. д. Тем самым исключается формальный, поверхностный подход к выполнению норм закона, что несомненно способствует повышению эффективности их реализации.

Утвердившееся понимание требования законности приемов расследования обязывает

³ См.: Баев О. Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории). Воронеж, 1981. С. 121–122; Белкин Р. С., Лившиц Е. М. Тактика следственных действий. М., 1997. С. 6; Селиванов Н. А., Танасевич В. Г., Эйман А. А. и др. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978. С. 158; Якушин С. Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений. Казань, 1983. С. 38.

следователя не использовать тактические средства, противоречащие «духу» закона, сколь бы эффективными они ему ни казались. Это существенная гарантия соблюдения процессуальных прав участников предварительного расследования.

В своей деятельности следователь должен учитывать опасность подмены законности целесообразностью или практической необходимостью, когда возможный положительный эффект от применения конкретного средства будет получен при с явным или скрытым нарушением закона при расследовании преступлений. Конечно, может случиться, что однажды незаконное средство, примененное следователем, помогло раскрыть преступление, изобличить виновных. Но как справедливо отмечал С. Г. Любичев, это вовсе не означает, что такое средство можно применять постоянно, рекомендовать его для внедрения в практику расследования⁴. Не вызывает сомнения то, что определяемые на основе уголовно-процессуального закона цели расследования должны достигаться не любыми средствами. Поэтому при выборе следователем конкретных средств расследования решающим должно быть соблюдение требования законности применения того или иного тактического средства, а целесообразность может рассматриваться как дополнительное условие его реализации.

Поскольку в основе требования обеспечения законности тактических средств лежат конкретные предписания Уголовно-процессуального кодекса РФ использовать в процессе расследования преступлений не любые, а только определенные средства и способы, то выбор и применение тактических средств, не отвечающих данному требованию, могут привести и на практике часто приводят к нарушению норм уголовно-процессуального закона. Это свидетельствует о невыполнении задач предварительного расследования и в конечном счете делает невозможным достиже-

ние общего назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Исходя из этого, уголовно-процессуальный закон отрицательно оценивает использование в ходе расследования средств, не соответствующих установленным требованиям, и предусматривает в таких случаях определенные правовые последствия: утрату доказательственного значения полученных в результате применения недопустимых средств и методов сведений об обстоятельствах уголовного дела; отмену решений, принятых следователем на основе подобных сведений; возвращение прокурором уголовного дела для производства дополнительного следствия или дознания и др.

Так, Президиум Верховного суда Республики Мордовия, отменяя обвинительный приговор в отношении Ремизова, в постановлении указал, что в основу обвинения Ремизова судом были положены доказательства, являющиеся недопустимыми, — результаты опознания осужденного потерпевшим Б. Изучив материалы дела (показания осужденного, потерпевшего и свидетелей), суд надзорной инстанции установил, что перед проведением опознания Ремизов, проходя по коридору, увидел потерпевшего, также пришедшего на опознание, и его мать, а также свидетеля Ф., который показал на него и назвал его фамилию. Кроме того, в производстве опознания принимали участие в качестве статистов лица, на тринадцать лет моложе осужденного.

Таким образом, соблюдение следователем выработанного в криминалистике требования допустимости тактических средств расследования может обеспечиваться мерами правового принуждения (через нормы Уголовно-процессуального кодекса). Этот механизм не присущ криминалистике, приемы и методы которой обычно не носят правообязывающего характера (не обязательны для исполнения). Однако ввиду особой значимости требования допустимости тактических средств расследования преступлений применение правовых санкций в отношении субъектов криминалистической деятельности, его не выполняющих, следует признать необходимым.

⁴ Любичев С. Г. Этические основы следственной тактики. М., 1980. С. 11.

Материалы индивидуальных исследований (статьи свободной тематики)

А. Н. Вдовин

Отдельные аспекты участия государственного обвинителя в предварительном слушании по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия

УДК 343.163 В статье рассматриваются аспекты поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия в приграничных регионах Сибирского федерального округа. Приводится практика участия прокурора в предварительном слушании.

Ключевые слова: Государственное обвинение, уголовные дела о незаконном обороте оружия, участие прокурора в предварительном слушании

Вдовин Алексей Николаевич,
прокурор Эрзинского района Республики Тыва,
старший преподаватель Тувинского государственного университета,
член Ассоциации юристов России.
vdovin.aleksey@bk.ru

УПК РФ наделяет государственного обвинителя значительным кругом полномочий при участии в предварительном слушании уголовного дела. Прежде всего, это право участвовать в предварительном слушании. Помимо ч. 2 ст. 234 УПК РФ, оно регламентируется ч. 6 ст. 5, ст. 246 УПК РФ и ведомственными нормативными актами (приказами Генерального прокурора РФ, предполагающими обязательное участие прокурора в этой стадии уголовного судопроизводства, поскольку

бремя опровержения доводов защиты лежит на прокуроре)¹.

Предварительное слушание — это подготовительный этап производства в суде первой инстанции. По смыслу главы 34 УПК РФ на предварительном слушании участвует прокурор (ч. 4 ст. 235, ч. 5 ст. 236). Однако в прил. № 97, где устанавливалась форма постановления судьи о назначении судебного заседания по итогам предварительного слушания, говорилось об участии в последнем государственного обвинителя. Такая позиция представляется нам более верной, в связи с чем мы будем говорить об участии на стадии предварительного слушания именно государственного обвинителя. Сказанное обусловлено и тем, что на данную стадию уголовного процесса распространяется действие положений ст. 246 УПК РФ в части полномочий государственного обвинителя в процессе.

В ходе предварительного слушания судом могут быть приняты решения об исключении доказательств, о возвращении уголовного дела прокурору, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о мере пресечения. Учитывая это, Генеральный прокурор РФ в приказе от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» требует, чтобы прокуроры уделяли должное внимание подготовке к участию на этом этапе уголовного судопроизводства.

Общие основания проведения предварительного слушания определены в ст. 229 УПК РФ. По делам о незаконном обороте оружия в приграничных регионах Сибирского федерального округа на стадии предварительного слушания ходатайства чаще всего заявляются стороной защиты и касаются обычно прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием или примирением сторон и реже — исключения доказа-

тельств обвинения. В связи с этим на государственном обвинителе в соответствии с ч. 4 ст. 235 УПК РФ лежит бремя опровержения необоснованных доводов, представленных защитой (как показало проведенное исследование, разного рода ходатайства в суде стороны защиты заявляет практически всегда).

Хотя закон и предполагает возможность заявления стороной защиты на стадии предварительного расследования ходатайства о признании доказательств недопустимым, на практике такие случаи встречаются крайне редко. По изученным нами уголовным делам подобные ходатайства ни разу не были заявлены. Это объясняется следующим.

Во-первых, сторона защиты, ограниченная в собирании доказательств, оставляет за собой возможность в суде исключить из числа доказательств недопустимые и тем самым пошатнуть позиции стороны обвинения, поскольку суд может подвергнуть сомнению достаточность собранных по делу доказательств для вынесения обвинительного приговора. Если же пытаться исключить недопустимые доказательства на предварительном следствии, то обвинение может изыскать средства для получения новых уличающих доказательств.

Во-вторых, обычно существенные ошибки, допущенные оперативными работниками или следователем, явно просматриваются в материалах уголовного дела, что позволяет опытному государственному обвинителю прогнозировать возможность принятия судом решения об исключении соответствующих сведений из числа доказательств. Поэтому целесообразно заявить соответствующее ходатайство самому, не давая тактического преимущества в руки защиты.

В-третьих, часто сторона защиты по делам о незаконном обороте оружия требует вернуть дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в связи с тем, что обвинительное заключение составлено с процессуальными нарушениями. В обоснование защита указывает на получение с нарушением требований закона одного или несколько доказательств, которые не могут быть положены в основу

¹ Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры РФ. Тула, 2007.

обвинительного заключения. Государственного обвинителя такие доводы не должны вводить в заблуждение, поскольку оценку доказательств суд дает лишь после их исследования в совещательной комнате. То есть в ходе разрешения такого ходатайства суд не может принять решение о недопустимости доказательств, которые не были предметом его исследования в рамках состязательного процесса.

Анализ изученной нами судебной практики свидетельствует о том, что в ряде случаев ходатайства, заявленные стороной защиты, далеки от реального поиска истины по делу. Прикрытые внешне позитивными соображениями, они имеют скрытые деструктивные цели: сделать судебное следствие максимально конфликтным, придать отдельным неточностям статус существенных нарушений, скомпрометировать лицо, изобличающее подсудимого, изобразить хорошую работу перед своим подзащитным, дискредитировать судью и т. д.

Тактической задачей государственного обвинителя в подобных случаях, прежде всего, является нейтрализация подобных ходатайств посредством высказывания мнения о нецелесообразности их удовлетворения. Обосновать данное мнение следует критической оценкой аргументов заявителя и указанием на нежелательные последствия, которые может вызвать удовлетворение ходатайства. К примеру, на предложение председательствующего высказать свое мнение по поводу заявленного защитником ходатайства прокурор может заявить, что доводы ходатайства ему представляются недостаточными и требующими уточнения, в связи с чем обвинение хотело бы задать заявителю несколько вопросов. Суд, как правило, разрешает провести «микроопрос» заявителя, результаты которого и возможность получения критического материала в отношении ходатайства в целом зависят уже от государственного обвинителя — его опыта, мастерства, профессионализма.

Преодоление противодействия при обысках в делах о незаконном обороте наркотиков

УДК 343.985 В статье раскрывается содержание понятия «преодоление противодействия» в рамках отдельного взятого следственного действия, имеющего важное значение для установления истины по всему уголовному делу.

Ключевые слова: обыск, наркотические средства, противодействие, следственно-оперативная группа, активное противодействие, пассивное противодействие

При расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, огромное значение имеет такое следственное действие, как обыск. В процессе обыска отыскиваются наркотические средства, их прекурсоры, а также иные следы совершения наркопреступления. Основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Поскольку обыск — следственное действие, содержанием которого является принудительное обследование помещений, участков местности, отдельных граждан в целях обнаружения и изъятия наркотиков и иных следов преступления и других объектов, имеющих значение для дела, его проведение чаще всего вызывает у граждан, подвергшихся обыску, негативные чувства. Нельзя не учитывать и того, что реакция противоборствующего лица бывает неожиданной и часто выливается в немедленное совершение каких-либо действий. Это обстоятельство требует от лица, проводящего обыск, морального напряжения, готовности к отражению логичных и нелогичных, аргументированных и неаргументированных, но всегда направленных на создание помех его работе действий противоборствующего субъекта.

Достижению задачи избежать острых конфликтов, в которые может быть втянуто большое число людей, способствует

Ринчиндоржиев Евгений Владимирович,
аспирант Бурятского государственного
университета,
адвокат Второй коллегии адвокатов
Республики Бурятия
richi83@list.ru

такое тактическое правило, как внезапность проведения обыска. Законом следователю предоставлено право проводить обыск в некоторых случаях без получения судебного решения с последующим уведомлением судьи и прокурора о проведенном обыске в точный срок. Неожиданное появление следственно-оперативной группы в жилище обыскиваемого не позволит ему связаться с единомышленниками, спрятать некоторые предметы, принять меры к оказанию сопротивления или покинуть место обыска.

Принудительный характер этого следственного действия является причиной того, что при его проведении чаще, чем при иных следственных действиях, возникают конфликтные отношения между следователем и лицами, которых он касается. Поэтому необходимо учитывать определенные тактические правила: планомерность и продуманность действий обыскивающих; использование научно-технических средств; исключение неоправданной порчи имущества обыскиваемых лиц и др. Также необходимо тщательно продумывать саму тактику обыска и составлять его план¹.

Достижению цели избежать противодействия и в конечном счете отыскать наркотические средства способствует и другое тактическое правило — проводить обыск корректно, деликатно обходясь с обыскиваемыми и иными присутствующими лицами. Чем обходительнее следователь, чем мягче он в обращении, тем меньше вероятность возникновения конфликтов. Однако вежливость и предупредительность следователя должны сочетаться с упорством, настойчивостью и решительностью. Только сочетание этих качеств может привести к успеху проводимого следственного действия и предотвратить конфликт².

Помимо этого для предотвращения конфликтов следователю, производящему обыск, важно мотивировать действия, наиболее зна-

чительно затрагивающие интересы граждан. Кроме того, подобные действия нужно фиксировать. Так, если следователь удаляет шуруп на стене для обнаружения наркотических средств или взламывает иные преграды, ему следует указать, чем это вызвано. Факты противодействия, как и меры, принятые следователем для его преодоления, также должны фиксироваться в протоколе следственного действия. Это, во-первых, даст возможность уже в процессе обыска оказать определенное психологическое воздействие на противодействующих лиц и, во-вторых, не позволит им в будущем превратно истолковать действия следователя.

Перед проведением обыска желательно собрать сведения о лицах, которые будут присутствовать в обыскиваемом помещении; о расположении комнат и других помещений; о местах, где возможно хранение отыскиваемых предметов; о самих предметах. Нужно продумать, не следует ли для обнаружения наркотических средств пригласить кинолога с собакой. Важно распределить обязанности между сотрудниками, входящими в состав следственно-оперативной группы.

Очень важен вопрос о выборе способа проникновения на обыскиваемый объект. К месту обыска группа должна прибыть незаметно для обыскиваемого. В случае необходимости у дверей и окон выставляются посты. Желательно, чтобы группу обыска сопровождали работники ЖЭУ или иных коммунальных служб, чья просьба открыть дверь не вызовет подозрения. Например, при проникновении в квартиру, в которой, по сведениям, имеются наркотические средства, целесообразно при содействии работников ЖЭУ отключить воду, дабы предупредить уничтожение наркотических средств путем смывания. Иногда проникновение на место обыска можно приурочить к моменту, когда кто-либо из жильцов откроет дверь, чтобы выйти из квартиры³.

¹ См.: URL: <http://isfic.info/kcrime1/krimis01.htm>

² См.: Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учеб. пособие. М., 2006.

³ См.: Леви А. А., Михайлов А. И. Обыск: справочник следователя. М., 1983.

Для предупреждения организованного сопротивления групповые обыски надо проводить одновременно, формируя для этого такое количество групп, сколько имеется мест предстоящего обыска. Подобная мера необходима, когда предполагается обнаружение массового хранения наркотических средств организованной группой или преступным сообществом в нескольких местах. Проводить групповые обыски нужно внезапно. Этим можно предупредить сговор между лицами, находящимися в разных местах, лишить их возможности связаться с близкими и организовать сопротивление следственно-оперативным группам⁴.

В зависимости от индивидуальных качеств обыскиваемого, предъявленного ему обвинения и других факторов его противодействие может быть активным и пассивным.

К активному противодействию можно отнести провокационные действия, направленные на дискредитацию обыскивающих лиц, выведение их из состояния психического равновесия. Особенно ярко это проявляется при обыске в помещениях, используемых для хранения наркотических средств. Различного рода тайники могут располагаться в самых неожиданных местах, и обыскиваемый провокаци-

онными действиями добивается выведения из психического равновесия лица, проводящего обыск и, как следствие, нарушения первоначально избранного и продуманного плана проведения обыска.

К пассивному противодействию относят якобы способствование проведению обыска, а на самом деле введение обыскивающих в заблуждение относительно размещения и назначения предметов обстановки. Например, выдача каких-либо предметов, не являющихся запрещенными в обороте (шприцы, ацетон). Следовательно зачастую полагает, что обыскиваемый состояние полностью раскаялся и содействует следствию, и прекращает поиск. Обыскиваемый с целью отвлечения внимания может проявить мнимую заинтересованность в успешном проведении обыска или сознательно сформировать у обыскивающего ошибочное представление о бесперспективности следственного действия демонстрацией большого объема помещений или количества различных вещей⁵ и т. д.

Тактически правильное проведение обыска, законодательно верное закрепление его результатов способствуют в дальнейшем более качественному расследованию, установлению истины по делу и изобличению лиц, совершивших преступления.

⁴ См.: Быков В. М. Процессуальное обеспечение полномочий следователя с органами дознания: проблемы теории и практики // Рос. судья. 2013. № 2. С. 36.

⁵ См.: Романов В. В. Юридическая психология: учеб. М., 2006.

Научные издания МАСП

Уважаемые коллеги, Международная ассоциация содействия правосудию (МАСП) выпустила в свет доступные вам на сайте МАСП в электронной форме следующие издания:

— Бюллетень МАСП. 2012. № 1 (6). Основу номера образуют материалы международной научной конференции «Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики» (Екатеринбург, Санкт-Петербург, 25 декабря 2012 г.). <http://www.iuaj.net/node/1245>.

— Бюллетень МАСП. 2011 № 1 (5). Содержание данного номера состоит из материалов конференций «Презумпция невиновности в уголовном процессе», «Криминалистика для судебного разбирательства» (Екатеринбург, 23 апреля 2011 г.). <http://www.iuaj.net/node/750>.

**Научные издания
Международной ассоциации
содействия правосудию** — Бюллетень МАСП. 2010. № 2 (4). Представляет материалы конференций МАСП «Эволюция криминалистики: дидактика и наука», «Диалектика уголовного процесса» (Екатеринбург, 4 сентября 2010 г.). <http://www.iuaj.net/node/394>.

— Бюллетень МАСП. 2010. № 1 (3). В номере публикуются материалы конференции «Уголовно-процессуальный закон *de lege ferenda*» (Екатеринбург, 21 февраля 2010 г.). <http://www.iuaj.net/node/812>.

— Бюллетень МАСП. 2009. № 2 (2). Базой номера являются материалы конференции «Этика уголовного процесса (криминалистическая этика)» (Екатеринбург, 26 сентября 2009 г.). <http://www.iuaj.net/node/830>.

— Бюллетень МАСП. 2009. г. № 1 (1). Первый номер содержит материалы международной научно-практической конференции «Процессуальные действия» (Екатеринбург, 14 марта 2009 г.). <http://www.iuaj.net/node/844>.